

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

8

1 9 5 5

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

АВГУСТ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
МОСКВА 1955

СОДЕРЖАНИЕ

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

Телеграмма	3
К христианам всего мира	4
Ответное послание Предстоятеля Элладской Церкви	5
Приезд в Москву глав и представителей Автокефальных Православных Церквей	6
Приезд в Москву Митрополита Варшавского Макария	6
Прием в Совете по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР	7
Отъезд из СССР в Англию церковной делегации	7
Возвращение в Москву церковной делегации, посетившей Англию и Шотландию	8
Телеграмма руководителя делегации англиканских священников	8

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

Летопись церковной жизни:

Архипастырские труды	9
--------------------------------	---

На приходе:

<i>Прот. Туринцев.</i> Литургийные евангельские чтения	10
<i>Прот.-прот. А. Ветелев.</i> Пастырь и паства	14

Духовная школа:

<i>А. Васильев.</i> Радостное событие	17
<i>З. Хаинский.</i> В Ставропольской духовной семинарии	18

Светочи церковной жизни:

<i>Иеромонах Иоанн.</i> Св. Тихон, епископ Воронежский и Задонский	18
<i>Иеромонах Иоанн.</i> Иеросхимонах Парфений	22

ЦЕРКОВНАЯ ПРОПОВЕДЬ

<i>Митрополит Николай.</i> У дорогого гроба	25
---	----

В ЗАЩИТУ МИРА

<i>Митрополит Николай.</i> Взаимное доверие — путь к миру	29
<i>Р. Днепров.</i> На бессменной вахте мира	31

СТАТЬИ

<i>Проф. А. Осипов.</i> Преображение Господне	36
<i>Прот. А. Андреев.</i> Образ Богоматери	38
<i>Прот. К. Константинов.</i> Православное богослужение в жизни христианина. Начало церковного года	41
<i>Проф. Л. Успенский.</i> Смысл и язык икон. (Окончание)	50
<i>Проф. А. Осипов.</i> К изданию русской Библии	58
<i>Р. Днепров, Н. Полторацкий.</i> Под крылом Матери-Церкви	66

ХРОНИКА

Иностранные гости в Московской Патриархии	77
---	----

БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Иеромонах Силуан.</i> Образ единства и принцип первенства в Церкви (ап. Петр и «ключи Царства» — ключи покаяния). «Вестник Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата», № 21, 1955	78
---	----

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

ТЕЛЕГРАММА

ГОСПОДИНУ ПРЕЗИДЕНТУ США Д. ЭЙЗЕНХАУЭРУ
ГОСПОДИНУ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ ФРАНЦИИ Э. ФОРУ
ГОСПОДИНУ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ АНГЛИИ А. ИДЕНУ
ГОСПОДИНУ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
Н. БУЛГАНИНУ

Женева

Главы и представители православных автокефальных церквей, собравшиеся на церковные торжества в Троице-Сергиевой Лавре, шлют высоким делегациям четырех великих держав в Женеве горячие пожелания полного успеха в трудах по установлению прочного мира во всем мире. Об этом мы молились в день открытия Совещания в Женеве и призвали благословение Божие на Ваши благородные усилия укрепить мир, которого жаждет все человечество.

*Папа и Патриарх Александрийский и всея Африки ХРИСТОФОР
Патриарх Московский и всея Руси АЛЕКСИЙ
Католикос-Патриарх всея Грузии МЕЛХИСЕДЕК
Патриарх всея Румынии ЮСТИНИАН
От Антиохийской Церкви Митрополит Илиопольский НИФОН
Митрополит Варшавский и всея Польши МАКАРИЙ
Митрополит Пражский и всея Чехословакии ЕЛЕВФЕРИЙ
От Болгарской Церкви Архимандрит МАКСИМ*

21 июля 1955 г.
г. Москва

К ХРИСТИАНАМ ВСЕГО МИРА

Война в наше время, с применением в этой войне атомного оружия, угрожает человечеству небывало величайшими страданиями.

Поэтому народы земли, руководимые любовью к мирной жизни и благоразумием, стремятся сблизиться между собою в надежде на то, что миролюбие большинства людей восторжествует над духом войны и низведет кумира войны с вершин человеческой гордости в бездну забвения.

Эта надежда, открывающая перед народами ясные пути к мирному сожительству, сейчас, в дни встречи представителей великих держав, побуждает всех миролюбивых людей к особенно решительным выступлениям против подготовки к войне.

Мы, представители автокефальных православных церквей, собравшиеся на праздник Преподобного Сергия в Москве, как православные христиане, исповедующие религию любви и мира, не можем не разделять всеобщего стремления народов к миру и потому твердо и решительно заявляем:

1. Христианское учение о любви обязывает к отказу от агрессивных войн и требует разоружения, ибо взявшие меч от меча и погибают (Матф. 26, 52).

2. Христианское учение о мире призывает всех людей и все народы к таким отношениям, при которых спорные вопросы должны разрешаться в духе взаимных уступок, без применения силы, ибо «к миру призвал нас Господь» (1 Кор. 7, 15).

3. Христианская совесть не может мириться с положением, когда некоторые государства ведут подготовку к атомной войне, производят и накапливают атомное оружие, допуская тем самым возможность его применения.

Екклесиаст говорит: «Мудрость лучше воинских орудий» (Еккл. 9, 18), и она состоит сейчас в том, чтобы руководители народов вместо атомной бомбы держали в обеих руках «оружие правды» (2 Кор. 6, 7).

Поэтому мы, утверждая непреложность христианских требований, призываем всех христиан, живущих на земле, поддерживать мирные чаяния человечества и тем самым прославить Господа нашего Иисуса Христа, Начальника Мира.

*ХРИСТОФОР, Папа и Патриарх Александрийский и вся Африки
АЛЕКСИЙ, Патриарх Московский и вся Руси
МЕЛХИСЕДЕК, Католикос-Патриарх всея Грузии
ЮСТИНИАН, Патриарх Румынский
От лица Антиохийской Церкви —
НИФОН, Митрополит Илиопольский, и
ВАСИЛИЙ, Епископ Сергиопольский
МАКАРИЙ, Митрополит Варшавский и вся Польши
ЕЛЕВФЕРИЙ, Митрополит Пражский и вся Чехословакии
От лица Болгарской Церкви —
Архимандрит МАКСИМ*

21 июля 1955 г.
г. Москва

«Известия» от 28 июля 1955 г., № 177

ОТВЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ ПРЕДСТОЯТЕЛЯ ЭЛЛАДСКОЙ ЦЕРКВИ

Его Блаженству, Патриарху Московскому и всея Руси Алексию

Родной по вере и возлюбленный во Христе Брат, благодать Вам и мир да умножатся!

С удовольствием получили мы дорогое письмо Вашего высокопочитаемого Блаженства, прочитали его сами и в Синоде. Отвечая Вам, согласно решению Синода, сообщаем о радости, которую вызвало в нас любезное и братолюбивое приглашение Ваше, как говорит Божественное Писание: «О рекших мне: в дом Господень внидем, радости многия исполнен бых».

При этом, возлюбленный во Христе и желанный Брат, мы вспомнили о прочных связях, соединяющих в мире и любви с древних времен наши единоверные Церкви, и о сестре по вере Церкви Русской, которая была могущественной заступницей и помощницей Восточного Православия, а также благочестивого и многострадального нашего народа.

Еще и ныне в наших храмах священные сосуды, облачения и иконы происхождением своим красноречиво свидетельствуют об этих сношениях и связях и возвещают единство автокефальных православных церквей. Хотя каждая из них самостоятельна, но в союзе любви они сохраняют единство веры и составляют единое Тело Христово.

Поэтому мы постоянно вспоминаем о Вас в наших молитвах, всегда молимся за Вас Богу, и если бы когда-нибудь по воле Божией нам удалось прибыть к Вам, мы имели бы в Вас утешение. Мы желаем видеть Вас и не замедлим, хотя и считаем утомительным для себя дальний путь. Мы очень стремимся осуществить это.

Во всяком случае мы желаем сами возглавить священную делегацию. Но заболевание, которому мы подверглись, принудившее нас на праздниках Пасхи оставаться дома, вдали от святого жертвенника, принуждает нас в этом году до времени воздерживаться от тяжелых трудов в целях укрепления нашего здоровья и сил.

Высказывая Вам в ответ на любезное и братолюбивое приглашение глубочайшую нашу благодарность, молимся Господу нашему о Вашем высокопочитаемом Блаженстве, о священном клире и благочестивом народе. Мы готовы, как только дано будет нам облегчение болезни, встретиться с Вами для совместной беседы, обнять друг друга и едиными устами воспеть Бога, Ему же слава во Святой Его Церкви на веки. Аминь.

Вашего, весьма желанного мне Блаженства возлюбленный во Христе Брат и всецело преданный

Афинский Спиридон

В Афинах,
15 июня 1955 г.

ПРИЕЗД В МОСКВУ ГЛАВ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АВТОКЕФАЛЬНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ

Вчера, 16 июля, по приглашению Патриарха Московского и всея Руси Алексия на церковные торжества в Троице-Сергиевой Лавре прибыл из Египта Папа и Патриарх Александрии и всея Африки Христофор, которого сопровождают архимандриты: Синессиос Ласкаридис, Агатанжелос Зарифис, Киприанос Паподопуло и диакон Катсунотос Романос.

На аэродроме Патриарха Христофора встречали: Патриарх Московский и всея Руси Алексий, архиепископ Алеутский и Северо-Американский Борис, епископы — Волынский Палладий и Винницкий Андрей и представители духовенства Москвы.

От Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Патриарха Христофора встречали Председатель Совета Г. Г. Карпов и Член Совета Г. Т. Уткин.

В тот же день в Москву на указанные церковные торжества прибыли: Католикос-Патриарх всея Грузии Мелхиседек в сопровождении протоиерея Харитона Девдариани; Патриарх Румынской Православной Церкви Юстиниан в сопровождении епископа Орадиевского Валерьяна Захария, ректора Богословского института Иоанна Комана и протоиерея Симеона Няга.

В церковных торжествах примут также участие находящиеся в Москве: глава Православной Церкви в Чехословакии Митрополит Пражский и всея Чехословакии Елевферий, представители Антиохийской Православной Церкви митрополит Илиопольский Нифон и епископ Сергиопольский Василий, представитель Болгарской Православной Церкви архимандрит Максим.

(ТАСС).

«Известия» от 17 июля 1955 г., № 168

ПРИЕЗД В МОСКВУ МИТРОПОЛИТА ВАРШАВСКОГО МАКАРИЯ

В Москву по приглашению Патриарха Московского и всея Руси Алексия на церковные торжества в Троице-Сергиевой Лавре прибыл глава Польской Православной Церкви Митрополит Варшавский и всея Польши Макарий. Его сопровождают епископ Вроцлавский и Щецинский Стефан и протоиерей Серафим Железнякович.

Прибывших встречали от Московской Патриархии епископ Волынский и Ровенский Палладий, от Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР член Совета Г. Т. Уткин.

(ТАСС).

«Известия» от 19 июля 1955 г., № 169

ПРИЕМ В СОВЕТЕ ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

25 июля Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР устроил прием в честь глав и представителей автокефальных православных церквей, находящихся в Москве по приглашению Патриарха Московского и всея Руси Алексия.

На приеме присутствовали: Папа и Патриарх Александрии и всея Африки Христофор, Патриарх Московский и всея Руси Алексий, Католикос-Патриарх всея Грузии Мелхиседек, Патриарх Румынской Православной Церкви Юстиниан, Глава Польской Православной Церкви Митрополит Варшавский и всея Польши Макарий, представитель Антиохийской Православной Церкви Митрополит Илиопольский Нифон, представитель Болгарской Православной Церкви архимандрит Максим и другие представители церквей.

На приеме также присутствовали представители Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР, Советского комитета защиты мира, Славянского комитета СССР, ВОКС, советской печати.

Во время приема председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпов обратился к присутствующим главам и представителям автокефальных православных церквей с приветствием.

(ТАСС).

«Известия» от 26 июля 1955 г., № 175

ОТЪЕЗД ИЗ СССР В АНГЛИЮ ЦЕРКОВНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

Вчера по приглашению Британского Совета церквей из Москвы в Англию выехала церковная делегация, которая до прибытия в Лондон проведет несколько дней в Шотландии, посетит города Глазго и Эдинбург.

В состав делегации входят: Митрополит Минский и Белорусский Питирим (глава делегации), председатель Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов Я. И. Жидков, архиепископ евангелическо-лютеранской Церкви в Латвийской ССР Г. Г. Турс, архиепископ евангелическо-лютеранской церкви в Эстонской ССР Я. Я. Кийвит, ректор Московской духовной академии и семинарии протоиерей К. И. Ружицкий, заместитель председателя Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов Н. А. Левинданто, профессор Ленинградской духовной академии Н. Д. Успенский, доцент Московской духовной академии иеромонах Филарет.

На аэродроме отъезжающих провожали представители Московской Патриархии, Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов, Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР и Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР.

(ТАСС).

«Известия» от 5 июля 1955 г., № 157

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ ЦЕРКОВНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ, ПОСЕТИВШЕЙ АНГЛИЮ И ШОТЛАНДИЮ

21 июля из Англии возвратилась церковная делегация в составе: Митрополита Минского и Белорусского Питирима (глава делегации), архиепископа евангелическо-лютеранской церкви в Латвийской ССР Г. Г. Турса, архиепископа евангелическо-лютеранской церкви в Эстонской ССР Я. Я. Кийвита, ректора Московской духовной академии и семинарии протоиерея К. И. Ружицкого, профессора Ленинградской духовной академии Н. Д. Успенского, доцента Московской духовной академии иеромонаха Филарета. Члены делегации — Председатель Всесоюзного Совета евангельских христиан-баптистов Я. И. Жидков и Заместитель Председателя Всесоюзного Совета евангельских христиан-баптистов Н. А. Левинданто остались в Лондоне для участия во Всемирном конгрессе баптистов.

Церковная делегация побывала в городах Англии и Шотландии, имела встречи с религиозными деятелями христианских церквей.

«Известия» от 23 июля 1955 г., № 173

ТЕЛЕГРАММА

Его Святейшеству, Патриарху Алексию. Одесса

По поручению англиканского духовенства, покидающего СССР, благодарю Ваше Святейшество за столь внимательное и любезное гостеприимство, которое Вы оказали нам. Мы глубоко признательны за сердечную встречу, оказанную нам всем православным народом, с которым мы встречались, за тот опыт, который мы приобрели в общении с ним. Мы будем неустанно трудиться по укреплению взаимопонимания между нашими церквями и мира между нашими народами.

Стэнли Эванс

Москва,
29 июня 1955 года

ЛЕТОПИСЬ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ

Архипастырские труды

В десятую неделю по Пасхе в с. Мохнатин, Черниговского района, прибыл помолиться у местной Мохнатинской иконы Божией Матери архиепископ Черниговский и Нежинский Гурий.

В воскресенье, 26 июня, он совершил в сослужении местного духовенства Божественную литургию. На малом входе священник о. Андрей Марцинкевич был награжден наперсным крестом, а священник о. Косьма Демченко — камилавкой. По прочтении Евангелия архиепископ Гурий обратился к верующим с назидательным поучением. Торжество закончилось крестным ходом, собравшим тысячи богомольцев.

*
* *

С благословения епископа Омского и Тюменского Никандра расширен в городе Ялуторовске, Тюменской области, деревянный храм в честь Смоленской иконы Божией Матери. В храме сооружен новый иконостас.

12 июня для освящения храма из Омска прибыл Преосвященный Никандр. Отслужив всенощную, он сказал слово на тему о ветхозаветной скинии. На другой день состоялось освящение храма. За литургией, на малом входе, архипастырь возложил на настоятеля храма протоиерея Владимира Родионова митру, которой его наградил ко дню Святой Пасхи Святейший Патриарх Алексей за беспорочное пятидесятипятилетнее служение в священном сане. После литургии Преосвященный Никандр благословлял молящихся около двух часов и в тот же день отбыл в Тюмень.

*
* *

11 июня 1955 года епископ Кировоградско-Николаевский Иннокентий посетил Всехсвятскую церковь города Николаева, в которой совершил всенощное бдение, а 12 июня — Божественную литургию. В своей проповеди он сказал: «Как нам верить в Бога, об этом точно и богомудро сказано в Символе веры, а как нам жить и творить добрые дела, об этом учат жизнь и подвиги всех святых, ныне прославляемых. Здесь для всякого возраста, звания, положения и состояния найдутся примеры для подражания...» После литургии и молебна с крестным ходом Преосвященный Иннокентий отбыл в Кировоград.

ЛИТУРГИЙНЫЕ ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ЧТЕНИЯ

13-я Неделя по Пятидесятнице (Мф. 21, 33—42). Притча о злых виноградарях имеет характер аллегорический. Следовательно, некоторые черты ее и детали могли быть введены специально для выражения скрытого за ними содержания и не вполне быть согласованы с конкретной действительностью, из которой притча заимствует свои образы. Обращена она в первую очередь к синедрионитам (первосвященникам и старейшинам, приступившим ко Христу, когда Он учил в храме.— Мф. 21, 23). Для них образ виноградаря ясен. Избранный народ изображался под видом виноградаря или виноградной лозы и у Псалмопевца (Псал. 79, 9), и у Исаии (5, 1 и след.), у Иеремии, у Иезекииля и других. Издревле свойственное некоторым толкователям стремление найти для всех деталей устройства «виноградаря» соответствия в исторической действительности мало что прибавляет к основному смыслу притчи. Приведем некоторые из обычных раскрытий аллегорий: ограда — закон; точило — жертвенник в Иерусалимском храме; башня, «столп» — самый храм; две группы посланных слуг соответствуют иудейской традиции, делившей пророков на древних — от Моисея до Елисея — и новых, и т. д., и т. п.

Цель притчи — поставить синедрионитов, как вождей Израиля, перед их ответственностью за судьбы народа перед Богом и Законом. Веками ожидаемый Мессия пришел. Царствие Его приблизилось, но «водители слепые» сами в него не входят и «хотящих войти не допускают» (Мф. 23, 13). Побуждаемые к ответу на конечный вопрос, поставленный притчей, синедриониты (не сразу разгадав, может быть, кто именно поставлен под удар, или, наоборот, принимая вызов) произносят свое самосуждение (ст. 41) и удостоверятся в то же время, что Христос проник в их уже сложившееся намерение уничтожить «Сына» и «Наследника», чтобы попрежнему беспрепятственно владеть «виноградником».

Как заключение, следует грозное, пророческое предупреждение (ст. 42—43) «строителям», отвергшим «Камень», что от них «отнимется Царствие Божие и дано будет народу, приносящему плоды» («новому Израилю»).

Сей Камень (издавна в раввинистической традиции изображавший Мессию) Краеугольный (Псал. 117, 22—23), то есть, в свете новозаветного откровения, соединяющий две «стены» (христиан от иудеев и христиан от «язык»), в то же время есть и камень преткновения (Римл. 9, 32—33). Он завершает, увенчивает здание старого храма — Ветхозаветной Церкви (см. 1 Кор. 10, 1—4) — и полагает основание новому жилищу, устрояемому Духом Божиим (Еф. 2, 20—22) — Новозаветной Церкви, для которой «нет ни в ком ином спасения» (Деян. 4, 11).

Синедриониты поняли, что «Он о них говорит» (ст. 45). Но слова Господни, произнесенные в определенной исторической обстановке, сохраняют действительное значение и силу для всех времен. Христос и поныне остается «камнем преткновения и соблазна» для многих и многих, но... «мы проповедуем Христа распятого, для иудеев соблазн, а для эллинов безумие» (1 Кор. 1, 23). «Эллины» и «Иудеи», как категории духовно-типологические, продолжают существовать во всех эпохах. Также, как всегда, останется огромным число отвергающих «Камень» и благовестие о Нем. Они суть те, у которых «бог века сего ослепил умы» (2 Кор. 4, 4).

Непреходящий смысл притчи о злых виноградарях, на языке «духовного» Евангелия тайнозрителя Иоанна, может быть выражен так: «Бы-

Свет истинный... В мире был... и мир Его не познал. Пришел к Своим и Свои Его не приняли» (Иоан. 1, 9—11). Причины пребывающей трагедии отвержения миром своего Спасителя раскрыты учеником, «егоже любяше Иисус»: «Свет пришел в мир, но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы». «Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет» (Иоан. 3, 19 и сл.).

«А тем, которые приняли Его, верующим во Имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые не от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились» (Иоан. 1, 12—13).

*
* *

14-я Неделя по Пятидесятнице (Мф. 22, 1—14). «Мнози бо суть звани, мало же избранных». К числу этих званных, но не избранных, принадлежат не только те, которые вовсе не пошли на брачный пир, но многие из тех, которые пришли на пир, но не захотели облечься в брачную одежду. Выслушав эту притчу, народ должен был невольно подумывать: «...в этом приличном одеянии, в благочестивой жизни — главное дело. У Бога нет лицепрятия, кто соблюдет веру и будет добр, тот непременно будет в царстве Мессии и получит спасение...».

Царем называется здесь Бог Отец, Царь всего Мира; Жених Его Единородный Сын, истинный Мессия, Господь Иисус; брачный пир — учреждение Царства Христова или Церкви Его в мире. Церковь Христова и есть Его непорочная невеста. И ветхозаветные пророки представляли открытие благодатного Царства под образом брачного пира...

«Ты спросишь, — говорит св. Иоанн Златоуст, — для чего Царствие небесное называется браком? Дабы ты познал попечение Божие, любовь Его к нам, великолепие во всем, познал то, что там нет ничего печального и прискорбного, но все исполнено духовной радости. Поэтому и Иоанн называет Его женихом, поэтому и Павел говорит: «Обручих бо вас единому Мужу, деву чисту представить Христови». Здесь Христос предвозвещает и о воскресении. Прежде Он говорил о смерти; теперь говорит, что после смерти будет брак, будет «Жених»».

«Отец, — говорит св. Григорий Великий, — устроил брак царственно-му Сыну, сочетав с Ним, через таинство воплощения, Святую Церковь».

Сей брачный пир, «брак Агнца», о котором говорится и в Апокалипсисе, будет праздноваться собственно по кончине мира, когда откроется совершенное блаженство искупленных кровью Господа праведников; но и в первом пришествии Господа на землю уже приведена к Нему невеста Его — Церковь, уже совершено обручение, открыта вечеря брачная — предложены все благодатные дары Божии — приидите вси насладитесь пира веры, внидите в радость Господа своего. Вси восприимите богатство Божией благодати, юнцы и упитанная исколена: Агнец Божий, Христос Спаситель заклан; Его пречистое тело и Божественная кровь предлагаются в Церкви Его всем верующим — вся готова суть крещение, покаяние, все дары Божии и самое Царство небесное.

На сию вечерю, в недра Церкви Христовой, Бог звал евреев издавна: позвал Он их праотца Авраама, и Авраам не отресся, возжелал видеть день Христов, и увидел, и возрадовался. Звал и предков их, через Моисея, который дал им закон, указующий путь к вере во Христа; звал через пророков, которые открывали им волю Божию; звал и их самих через Иоанна, который всех их посылал ко Христу, говоря: «Оному подобает расти, мне же малитися»; потом — Самим Сыном, ибо Он говорит: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии и Аз упокою вы; аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пьет».

Он звал их не одними словами, но и делами; звал по вознесении Своем чрез Петра и прочих апостолов. «И к чему Он их призывает, —

спрашивает святой Златоуст, — к трудам, подвигам, бедствиям? Нет, Он их призывает к веселию. Ибо Он говорит: юнцы Мои и упитанная исколена. Какой пышный пир, какое великолепие. Но и это их не обратило. Даже напротив, чем Он больше долготерпел им, тем более они ожесточались».

«Для духовных дел, — говорит далее св. Иоанн Златоуст, — должно оставлять все другие занятия, даже необходимые. Но не это одно худо, что они не пришли, но вот что всего безрассуднее и ужаснее — они пришедших весьма худо приняли: надругались над ними и убили, что гораздо хуже прежнего. Прежде приходили к ним требовать плодов, и приходившие были убиты; теперь приходят от Убиенного ими звать на брачный пир, и также они убивают их. Что может сравниться с такою жестокостью? Что может быть хуже этого? Это есть третья их вина. Первая вина та, что они побили пророков; вторая — что они убили Сына; наконец, третья — это призываемые от Убиенного ими на брачный пир, не идут на оный, но представляют причины, которые, хотя кажутся благовидными, но из этого мы научаемся, что хотя бы удерживала нас и необходимость, духовное должно предпочитать всему».

*

* *

15-я Неделя по Пятидесятнице (Мф. 22, 35—46). Фарисеи, «собравшиеся вкупе» (ср. Псал. 2, 2 или то же Деян. 14, 20), не могли не быть довольны, что Христос посрамил саддукеев (ст. 34), их богословских противников. Один из учителей закона, может быть, ища случая еще раз восторжествовать над саддукеями, ставит Господу Иисусу вопрос «искушая Его»: «Кая заповедь больше есть в законе?» («Искушая» скорее в смысле испытывая, желая узнать мнение Его, чем с дурной целью — вовлечь в западню. См. Мрк. 12, 28—31 и Лк. 10, 25—29). Христос дает немедленный ответ, приводя слова Второзакония (6, 5) и к этой «наибольшей заповеди» прибавляет «подобную ей» (Левит 19, 18), заключая все утверждением, что «в сию обою заповедию весь закон и пророцы висят» (ст. 40). Господь Иисус Христос пришел «не нарушить закон или пророков... но исполнить» (Мф. 5, 17). Исполнить не в смысле «дополнить», то есть прибавить, и не только в смысле реализации — исполнения пророчеств; Он пришел для усовершенния, для обнаружения истинного смысла и духа закона, для раскрытия намерений и заданий, вложенных в него Верховным Законодателем. Завершение и исполнение закона и есть Сам Христос и Его «великое дело служения». Закон — «поступ», детоводитель ко Христу (ап. Павел). Ни одна йота не прейдет из закона, как ни одна малейшая часть зерна не пропадет, не «преложившись», не развившись в общем целом растения. Вечные принципы закона найдут свое завершение, войдут и растворятся в приблизившемся царстве не от мира сего, в царстве любви. Все заповеди сходятся, завершаются и находят себя в одной: любви ближнего своего как самого себя, скажет ап. Павел (Римл. 13, 9), и потому «любовь его исполнение закона» (Римл. 13, 10). Две данные заповеди подобны, схожи одна с другой. Они составляют одно целое, одну жизнь, они неотделимы друг от друга и первая проверяется и удостоверяется второю. («Вторая пролагает путь к первой и взаимно поддерживается первою» — Иоанн Златоуст; см. также Иоан. 4, 19 и сл.).

В духовном плане познание приходит через любовь. Кто любит, тот причаствует жизни любимого, отождествляет себя с ним. Обе заповеди в духе истины Нового Завета, сливаясь в одну, предстоят как новая заповедь. «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга» (Иоан. 13, 34). «Новизна этой заповеди начинается уже с ответа, но на вопрос того же книжника: «А кто мой ближний?» (Лк. 10, 29) Господь отвечает

притчей о милосердном самарянине, смысл которой не может не ранить гордых своей национально-религиозной избранностью «сынов авраамовых».

Вторая заповедь подобна первой, ибо Тот, Кто «верующим во Имя Его дал власть быть чадами Божиими» (Иоан. 1, 12), «просвещает всякого человека, приходящего в мир». И потому загадочные слова «ты увидел брата (в любом человеке) — ты увидел Бога» становятся более прозрачны и указывают на тайну образа Божия в человеке, как основу обожения.

После безупречного, с точки зрения раввинистического учения, ответа Господа Иисуса, Он, в свою очередь, ставит раввинам затруднительный вопрос (ст. 42). Вопрос выбран тоже безупречно. Он самый трудный, самый спорный и самый главный: «что учителя закона думают о Мессии?» Господь Иисус Христос предвидит ответ. Он знает, что Ему ответят: Сын Давидов. Но кто Он, этот Сын Давидов, Мессия, Христос? Только ли человек, просто человек? Они хотели бы, чтобы это было так и чтобы Царство Его было только человеческим, земным, от мира сего. Но как же тогда они объясняют слова самого Давида, возвещающие о Мессии — Сыне его, что Он не стоит в ряду рода человеческого, что Он — другое, высшее существо... Вопрос остается без ответа; учителя закона не хотят, не могут отвечать, немотствуют, молчат (ст. 46); они не смеют больше состязаться с Ним.

*
* *

16-я Неделя по Пятидесятнице (Мф. 25, 14—30). Эта притча, как и предшествующая ей, имеет в перспективе второе пришествие Господне, грядущее в силе Царство Его и страшный суд. Но, конечно, цель ее не может быть сведена только к поставлению в известность слушателей о принципах мздовоздаяния на последнем суде. Она обращена к апостолам и ученикам. Они еще раз предупреждаются о предстоящем долге (ст. 19) отсутствии господина, отправляющегося в «чужую страну» (ср. Лк. 19, 12—27). Возвращение господина несомненно, но не известен «час» пришествия его, как и в притче о девах, говорящей о необходимости всегда быть готовым к приходу жениха. Но одной пассивно выжидательной готовности недостаточно. Надо быть рабами «благими и верными» и работать на господина во время его отсутствия. В первоначальном восприятии апостолов этот выраженный иносказательно призыв — делать и приобретать на таланты, завещанные им, должен был прозвучать (по мнению блаж. Иеронима) как призыв к неустанному проповеданию «благой вести» (Евангелия), а для всех остальных последователей и учеников — как напоминание о необходимости посильного участия в «деле» Учителя, верности Ему и следования за Ним.

В самой общей форме основной смысл и цель притчи и есть призыв к деланию. Все призываются каждый «в своем звании» (1 Кор. 7, 24) к деятельности в истории этого мира, где содевается Царствие Божие. В Господнем домостроительстве всегда требуются соработники. Созидаемое «жилище Божие» создается синергетически: человеческим произволением и усилием и снисхождением божественной силы — благодати. В свете притчи о талантах жизнь человека должна быть рассматриваема как служение, как выполнение задания, полученного свыше, как несение «Господнего послушания». Полученные таланты или, в Евангелии от Луки, мины должны быть «употреблены в оборот» (Лк. 19, 13), ибо «кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф. 12, 30). При этом в Евангелии от Луки рабы получают поровну, в Евангелии от Матфея как бы нарочито подчеркнуто количественное неравенство в наделении рабов талантами. При логическом подходе и требовании рациональной

справедливости неравенство это может вызвать смущение. Но при правильном, традиционном истолковании талантов, как даров Духа Святого, категория количества здесь не может быть применима («не мерою дает Бог Духа» — Иоан. 3, 34). Разное количество талантов указывает лишь на множественность и разнообразие даров, «каждому по силе его». «Дары различны, но Дух один и тот же. И служения различны, но Господь один и тот же..., производящий все во всех», — разъясняет ап. Павел (1 Кор. 12, 4—6). В Христовой Церкви нет неодаренных, все получают (в таинстве миропомазания) «печать дара Духа Святаго». Всем «запечатленным Святым Духом» (Ефес. 1, 13), то есть получившим сверхприродный дар — благодать, озлащающую их естественные способности, тем самым дается одинаковая возможность для стяжания плодов Духа. «Плод же Духа: любовь, радость, мир, долготерпение» и т. д. (Гал. 5, 22—23). Короче и обобщающе: «плод ваш есть святость, а конец — жизнь вечная» (Римл. 6, 22), что и является конечной целью всякого делания, всякой работы рабов. Самый «малый» духовный дар несет в себе всю полноту возможностей «вхождения в радость Господина». Одаренность духовная не совпадает со столь ценимой миром естественной, спектаклярной одаренностью — «талантливостью». Мир «в дымном надмении» своем обычно не замечает прорастающий в незримости для него рай высших даров Духа Святаго — смирения, кротости, обнищавания... Рабы, умножающие свои таланты, суть «сеющие в Дух и от Духа пожинающие жизнь вечную» (Гал. 6, 8). У получивших же один талант (то есть «печать», «залог» Духа, «семя» духовное), но зарывших его, отнимается и то, что они имеют. И эта «несправедливость» объясняется для «имеющих уши» тем же духовным законом: зарывшие талант не «сеяли в Дух», не любили ближних (которые и есть торжники, приносящие лихву, умножающие наши таланты). Они суть «сеющие в плоть свою, от плоти пожинающие тление» (Гал. 6, 8). То, что они имеют, от них отнимается: «пришедшей бо смерти вся постребишася». «Вся суета человеческая елика не пребывает по смерти, не пребывает богатство, не сшествует слава...» (стихира на погребение).

ПАСТЫРЬ И ПАСТВА

(о пастырской душепопечительности)

При совершении хиротонии в сан священника происходит обручение посвящаемого пастве того прихода, куда он назначается на пастырское служение. И уже с этого момента (момента хиротонии) образуется у него духовная связь с паствой, сердечное тяготение к ней и желание поскорее отправиться на приход, чтобы начать там свое благодатное служение. Движение пастырского духа к пастве и является основой так называемой душепопечительности, высшим выражением которой является «сострадательная любовь» пастыря к пастве.

Величайшим образцом пастырского соучастия в жизни паствы, то есть пастырской душепопечительности, является апостол Павел. Св. Григорий Богослов так говорит о нем: «Не буду говорить об его трудах, бдениях, злостраданиях... Умалчиваю о гонениях..., темницах, узах, ежедневных и ежечасных смертях... Кто достоительно опишет его ежедневную попечительность, сердоболние о каждом... Ибо ищет не собственной пользы, но пользы чад, которых родил во Христе благоествованием... Он за всех ратоборствует, за всех молится, о всех ревнует, за всех воспламеняется... Он подражает Христу, воспринявшему на Себя наши немощи, понесшему наши болезни... Он первый после Христа не

отрекается страдать за иудеев, и притом как нечестивый, только бы они спаслись... Таков Павел, и таков всякий, подобный ему духом»¹.

В этой выразительной характеристике указаны все признаки высокой пастырской душепопечительности. Без нее невозможно ни понимание жизни паствы, ни духовно-нравственное воздействие на нее. «Примите во внимание, — говорит один из наших пасторологов, — что нужно чувство глубокого сострадания и самоотверженной любви, как для самого понимания внутренней жизни другого, так особенно для усвоения способности воздействовать на нее. Это чувство выражается в духовном отождествлении себя с другими, распространении своей совести на всю свою паству, во внутреннем переживании той борьбы, через которую все вверенные души восходят к духовному совершенству»². Подъему пастырского духа, расширению и согреванию его сердца до подлинной пастырской душепопечительности особенно содействует молитва пастыря, которой сопровождаются все виды его пастырского служения: и богослужение, и таинства, и требы, и проповедничество.

*
* *

Верующие люди несут в храм грехи, страдания и скорби своего сердца, кровоточащие раны своей совести, осознание заблуждений своего ума, расслабление своей греховной воли в надежде на врачевание благодатными средствами Святой Церкви, молитвами ее пастырей.

Своим молитвенно-смирненным духом, истовым совершением богослужения пастырь воодушевляет паству на искреннюю, внутренне-сокровенную молитву. Следуя за своим пастырем, каждый из молящихся внутри своего сердца и раскрытой совести ведет беседу с Богом, исповедуясь пред Ним в своих грехах, прося помощи в скорбях и ограждения от соблазнов и искушений житейских.

Молитвенная душепопечительность пастыря имеет особое значение не только при совершении богослужения, но и всех таинств и треб.

Таинство крещения в современных условиях нередко сопровождается шумом от плача детей и не вполне сознательного отношения к таинству восприемников (из молодых). Кто призван восполнить все недостатки веры, молитвы, благоговения у этих восприемников, как не сам пастырь, не его горячая вера, ревность по Боге и молитвенное усердие при сознании великой и страшной ответственности за совершение таинства?

Если при проведении общей исповеди пастырь не будет сам с исповедниками внутренне каяться и горячо за них молиться, то совершаемая им исповедь будет холодной, формальной, малодейственной. Только горением своего пастырского, покаянно-молитвенного духа он может возбудить живой отклик в душах исповедников и расположить их к сердечному покаянию и исправлению.

На требах (особенно молебнах и панихидах) пастырская душепопечительность должна проявляться в каждом отдельном случае. Вот с заказными молебнами обращаются к пастырю группы молящихся, прося отслужить акафист, или водосвятный молебен, молебен Божией Матери или особо чтимым святым. Все пришедшие помолиться на молебне ждут не формального, а сердечно-участливого выполнения их просьбы. Пастырь же не всегда склонен разбираться в том, о ком, — в поданных записках — следует особо усердно молиться. А между тем, если бы он предварительно узнал, какое горе или событие привело на молебен каждого человека, подавшего записку, то он проникся бы внутренним участием к нему, ввел бы для него в молебен особое ектенийное проше-

¹ Св. Григорий Богослов, Творения, ч. 1, стр. 39—41.

² Антоний, архиеп., Сочинения, т. II, стр. 300.

ние или особую молитву, ибо когда молящийся чувствует близкое участие пастыря к его духовной нужде, то и сам усерднее молится, воспламеняясь надеждой на милость Божию по молитвам Церкви.

Причащая, по вызову на дом, тяжело больного, пастырь глубоко состраждет ему и остро переживает свою ответственность за него пред Богом, за его покаяние и причащение, за благодатное напутствие в жизнь вечную. Уходя, пастырь уносит в своем сердце образ этого больного, чтобы молиться о его здравии, а в случае смерти — об упокоении.

Молитвенная память душепопечительного пастыря всегда хранит десятки, а иногда и сотни имен тех, о ком он постоянно молится, ревнуя о их спасении. В его синодике со дня на день увеличивается список тех, кого он принимает от купели святого крещения, а также и тех, кого он чином отпевания напутствует в жизнь загробную. Тех и других душепопечительный пастырь молитвенно поминает время от времени (в порядке очередности) при совершении Божественной литургии.

*
* *

Основными темами пастырской проповеди обычно бывают темы вероучительного и нравоучительного характера, взятые из содержания литургийных евангельских или апостольских чтений. Пастырская душепопечительность ставит, однако, пред собой и более широкую задачу: не оставлять без разъяснения ничего из того, что совершается в храме.

Вот только что закончено таинство венчания. Молодая чета взволнована. Что-то огромное совершилось в ее жизни. Но что именно? Кто, кроме пастыря, разъяснит бракосочетавшимся их переживания и смысл совершенного таинства?!

Вот около крещальной купели собрались восприемники младенцев в ожидании таинства крещения. Для них все здесь неясно и загадочно: и сущность таинства, и его смысл, и роль в нем восприемников. Как в кратком предварительном слове не разъяснить все это восприемникам?

Завтра Святая Церковь творит память особо чтимого святого или святой. Пастырь знает, что много именинников и именинниц предстоит ему приготовить ко святому причащению. И может ли он не рассказать им после вечернего богослужения жития их ангела?

А вот окончилось торжественное богослужение в великий праздник. Пастырь вышел к народу с крестом в руках. Лица у верующих радостные, настроение праздничное. В кратком напутственном слове пастырь поздравляет своих чад с праздником, стараясь углубить в их сознании его смысл и значение.

*
* *

Благодатная пастырская душепопечительность тесно связывает пастыря с паствой. В ней — залог доброго преуспевания пастырского служения и оправдания его пред Богом и людьми. Поэтому наш народ всегда выделял и выделяет боголюбивого и душепопечительного пастыря, называя его трогательно-ласковым именем «бабушка» и стараясь следовать за ним в его искреннем служении Богу.

Прот. А. Ветелев,
профессор Моск. дух. академии

ДУХОВНАЯ ШКОЛА

РАДОСТНОЕ СОБЫТИЕ

В жизни московских духовных школ конец мая текущего года ознаменовался радостным событием: 21 числа Святейший Патриарх Алексий освятил восстановленный академический храм в честь Покрова Божией Матери (в Троице-Сергиевой Лавре).

Накануне дня освящения в новом храме было совершено академическим духовенством всенощное бдение вне алтаря. С особенным умилением молились за этой всенощной питомцы Московской духовной академии и семинарии, их наставники, работники Московской Патриархии, потрудившиеся над восстановлением храма, и первые богомольцы.

После всенощного бдения духовенство вышло на середину храма для освящения воды. С пением пасхального канона в преднесении свечей ректор духовной академии и семинарии протоиерей Константин Ружицкий совершил окропление святой водой помещений, расположенных в нижнем этаже храма. Остававшиеся в храме богомольцы слышали отдаленное пение «Христос воскрес из мертвых...», переживая радостное волнение пасхальной ночи, пасхального крестного хода...

На другой день в 10 часов утра Святейший Патриарх Алексий прибыл в академию, чтобы совершить освящение храма и первую по освящении Божественную литургию. Через несколько минут после его прибытия академическое духовенство, возглавляемое о. ректором, крестным ходом с пением пасхальных песнопений направилось к южным дверям Троицкого собора, где наместник Лавры архимандрит Пимен, стоявший во главе лаврского духовенства, передал ректору академии частицу мощей святого первомученика архидиакона Стефана для помещения в престол освящаемого храма. После этого вручения крестный ход направился обратно в академию вместе с лаврским духовенством и наместником Лавры, который нес на своих руках образ Преподобного Сергия. В одной из прилегающих к храму аудиторий Святейший Патриарх, облеченный в священные одежды, встретил святые мощи, затем все направились в храм, и начался чин его освящения.

После того, как храм был освящен, началась сразу же первая литургия в присутствии множества молящихся и гостей, среди которых были благочинные московских храмов, настоятель Антиохийского подворья в Москве епископ Василий (Самаха), несколько лет назад окончивший Московскую духовную академию, и многие другие. На малом входе Святейший Патриарх наградил некоторых священников-студентов камилавками и наперсными крестами. В то время, когда духовенство приобщалось в алтаре Святых Таин, студенческий хор с особым одушевлением исполнял пасхальные песнопения, наполняя радостью сердца молящихся.

По окончании литургии Святейший Патриарх сказал речь¹, отметив в ней усердие потрудившихся над восстановлением храма и общую радость по поводу его освящения. Благословляя затем наставников академии, ее питомцев и народ, он вручил каждому на память об этом радостном дне образок Преподобного Сергия.

Через некоторое время после литургии в залах нижнего этажа была устроена трапеза, за которой присутствовали Святейший Патриарх Алексий и многочисленные гости. Среди них был инспектор Ленинградской духовной академии и семинарии профессор Л. Н. Парийский, который передал вновь открытому академическому храму образ святого благоверного князя Александра Невского.

¹ Напечатана в предыдущем номере нашего журнала.

Во время трапезы Святейший Патриарх поблагодарил благочинных и настоятелей московских храмов за пожертвованные ими в новый храм иконы и церковную утварь и еще раз отметил труды тех, кто содействовал восстановлению храма.

А. Васильев

В СТАВРОПОЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

1954/55 учебный год в Ставропольской духовной семинарии закончился успешно. Экзамены показали хорошую успеваемость учащихся. Из 55 воспитанников 13 человек закончили курс по первому разряду, 38 — по второму разряду и 4 человека получили переекзаменовки.

По случаю окончания учебного года 19 июня был отслужен благодарственный молебен, после которого ректор семинарии протоиерей Михаил Рудецкий сказал прочувственное слово в напутствие окончившим семинарию. В заключение торжества каждому из выпускников был вручен Новый Завет, второй том «Слов и речей» Святейшего Патриарха Алексия и указ управляющего Ставропольской епархией архиепископа Антония о назначении на приход. Два воспитанника, особенно успешно окончившие семинарию, направлены для продолжения образования — один в Ленинградскую, а другой в Московскую духовные академии.

З. Хаинский,
преподаватель Ставр. дух. семинарии

СВЕТОЧИ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ

СВ. ТИХОН, ЕПИСКОП ВОРОНЕЖСКИЙ И ЗАДОНСКИЙ¹

«Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13, 7).

«Дух великого Тихона, сего нового Златоуста, с распространившимся повсюду словом его, осенил всю нашу страну. Жаждущие духовной мудрости — люди знатные и незнатные, образованные и необразованные — почерпают из сего обильного источника и свет для ума и живительную влагу для сердца. Даже иноверцы отдаленных стран (англичане) предлагают на свой язык слова Тихона богомудрого... Так говорил на торжестве открытия мощей Святителя Тихона митрополит Исидор, подчеркивая универсальность того поучительного содержания, каким богаты и жизнь, и литературное наследие этого изрядного угодника Божия.

Нужно вспомнить, что XVIII и XIX века ознаменованы в истории Русской Церкви проникновением в среду русского монашества освежительной идейной струи. В тишине уединения, незримые миром, возрасли в эти века такие представители духоносного монашества, как приснопамятный архимандрит Паисий Величковский, великий Саровский старец Серафим, подвижники-епископы Игнатий Брянчанинов и Феофан Затворник, иеросхимонах Амвросий и другие. Преемниками их духа в

¹ Составлена по Н. Сергиевскому, 1898, «Святитель Тихон Воронежский и Задонский».

XX столетии явились известные Оптинские старцы. Эти прославленные Богом представители православного иночества явили пред всем миром ту истину, что Христос и ныне, как и на заре христианства, пребывает в истинных рабах Своих, и благодатные дары Святого Духа, какими изобиловали древние иноки, не оскудели и теперь. Цель иноческих подвигов и ценность этих подвигов не только для самого подвижника-инока, но и для всего христианского общества в целом, — прекрасно выражены преподобным Серафимом в его назидании, обращенном преимущественно к монахам: «Стяжи мирный дух (то есть очисти сердце от всего враждебного Богу, сделай его селением Духа Святого) и тысячи вокруг тебя спасутся».

Одним из выдающихся представителей этой духоносной чреды монахов XVIII столетия является Святитель Тихон, этот «стяжатель мирного духа»². Главнейшие даты из его жизни таковы: 1724 год — рождение, 1754 год (30-ти лет) — окончание Новгородской духовной семинарии, 1754—1761 гг. — прохождение педагогических и административных церковных должностей, 1758 год (34 лет) — пострижение в монашество, 1761 год (37 лет) — посвящение в сан епископа, 1767 год (43 лет) — увольнение на покой в Задонскую обитель, 1783 год (59 лет) — кончина.

Выходец из бедной семьи сельского дьячка Новгородской епархии Тимофей Савельевич Соколовский (мирское имя Святителя Тихона) с младенчества вкусил всю горечь сиротства и крайней материальной нужды. Школьные годы прошли также среди суровых условий быта. Все это выработало в юноше привычку к скромной жизни, способность довольствоваться самым необходимым и приучило к трудолюбию. Достойна особого внимания черта в юном Тимофее: великая любовь к чтению слова Божия и духовных книг. Отказывая себе в самом необходимом, чтобы съэкономить копейку, он покупал на нее свечу и, спрятавшись за печку, ночью углублялся в чтение. Поэтому он знал на память многие места из Библии и творений св. Иоанна Златоустого.

От природы Тимофей обладал впечатлительным и пылким темпераментом. Ранние столкновения с житейскими невзгодами научили его понимать других и проникаться глубоким состраданием и милосердием ко всем, в нужде и бедах сущим. В то же время склонность к раздражительности должна была привлечь особое внимание благочестивого юноши и побудить к решительному искоренению в себе этого природного недостатка. Постоянная внутренняя борьба, воспитывая волю, выработала в нем необходимые условия для духовного возрастания, а именно: ненадеяние на себя, на свою природную слабость, а также потребность в постоянном и теплом припадании к Богу и непрестанное побуждение себя к ревности о Богоугождении.

По окончании семинарии Тимофею Савельевичу предлежал выбор дальнейшего жизненного пути. Ему советовали вступить в брак и занять священническое место. Но внутреннее устройство влекло его к другому образу жизни. Дивное видение, во время которого он сподобился вкусить сладости Богообщения, положило конец колебаниям. Постриг, принятие священного сана, углубленные занятия богословскими предметами, связанные с должностью преподавателя семинарии, послужили духовному возрастанию архимандрита Тихона, написавшего в это время замечательное сочинение «Об истинном христианстве».

В этом творении молодого ректора-богослова красной нитью проходит протест против сухого, формального отношения к религии, к обрядам веры. Вера христианская — не только одна система вероучения, которую достаточно изучить и держать в голове, но преимущественно — жизнь во Христе, способ восстановления падшего человечества, восстановления,

² Святитель Тихон был в тесных духовных отношениях с саровскими старцами, свидетельством чему служили его письма, хранившиеся в архиве Саровской Пустыни.

содеваемого благодатию Святого Духа при непрерывном притрудном напряжении всех сил личности. Без личного подвига нет христианства. «Чтобы быть христианином,—говорит автор,—потребны, во-первых,—имя христианское, во-вторых,—житие христианское. Второе без первого невозможно, а первое без второго есть едино лицемерие».

Неожиданно архимандрит Тихон был призван на епископское служение. «Я сам,—говорил он впоследствии,—никогда не мыслил о важном сане... У меня были мысли непременно удалиться в пустынный монастырь, быть монахом и проводить уединенную жизнь». Особенно плодотворной была деятельность Святителя Тихона в Воронеже. Здесь он прежде всего обратил внимание на невежественность и нравственную распущенность духовенства. «Врачу исцелися сам»,— вот основное требование, которое предъявил ревностный архипастырь к тем, кто поставлен учить народ вере и благочестивой жизни. И в этом направлении смиренный и кроткий Святитель употреблял все меры. Так в заботе о том, чтобы священники твердо знали свои обязанности и права, он составил и разослал им книгу «О должностях пресвитеров приходских» и затем неустанно побуждал их непрестанно учить народ как делом личного благочестия, так и словом. Он также строго запретил духовным лицам входить в питейные дома, чтобы не подавать соблазна прихожанам. Ограждая права и честь духовенства от произвола помещиков и других светских лиц, Святитель оставался непоколебимо строг к подчиненным в тех случаях, когда это требовалось для пользы последних. Когда один священник, запрещенный в священнослужении за недостойные дела, просил о разрешении ему служить до исполнения срока запрещения, ссылаясь на бедность семейства, епископ Тихон дал ему средства для прожития, но служить не разрешил до окончания срока, написав: «Пусть учится, и познает, что есть священство. А оно есть не хлеб искать точию и кормиться, но пасти Христово стадо, а не соблазнять и других в грех вводить».

Трудолюбие Воронежского Святителя было изумительно. С утра он был занят рассматриванием епархиальных дел, причем беспристрастие его в суде было примернейшее. После обеда, по кратком сне, он до полуночи упражнялся в сочинении поучений, наставлений и увещаний духовенству и народу. Вместо отдыха он занимался чтением святых отцов, а особенно любимого им Златоуста. Келейное правило молитвенное исполнялось им неопустительно, несмотря на занятость. Людям бедным и немущим доступ был к нему во всякое время. Ко дню праздников и пред постами он имел обыкновение рассылать милостыню во все богадельни и тюрьмы. В круг его архипастырских забот входили попечение о духовных школах и общем просвещении народа, искоренение таких грубых пороков, как пьянство, распутство, разные суеверия и пережитки язычества.

Частые огорчения от непонимавших его людей, клеветы, досаждения и особенно повседневные напряженные труды вконец расстроили его и без того слабое здоровье и побудили, из боязни упущений по должности, просить увольнения на покой. Получив это увольнение и пожив некоторое время в Толшевском монастыре, он переселился в Задонскую обитель, где и прожил 14 лет до самой кончины.

Задонский период жизни святителя является самым плодотворнейшим. Подвиги строгого подвижничества он сочетал с широкой благотворительностью, понимаемой и в смысле материального вспомоществования и в смысле моральной поддержки множества лиц, искавших духовного совета у этого святого мужа. Здесь же, в Задонском уединении, он дополнил свое сочинение «О истинном христианстве» и написал ряд других, которые по своему содержанию могут быть приравнены к святоотеческим. «Многих грехов человек не видит в себе,—говорит святитель,—грехопадения бо кто понимает» (Псал. 18, 13), а благодать Божия обличает их ему. Не знает и не имеет в себе человека истинного покаяния и жаления

о грехах своих, а благодать Божия производит в нем оные... И когда человек посмотрит (при свете благодати) внутрь своего сердца и рассмотрит свое внутреннее состояние..., то увидит, что не имеет он истинной живой веры, истинной сердечной молитвы, правды, чистоты... тишины, мира и прочего душевного добра. Так нищ и убог человек!» Говоря об обучающих действиях благодати, Святитель Тихон из собственного духовного опыта свидетельствует: «Благодать, показывая человеку убожество его, окаянство и ничтожество, научает его и самому смирению. Наконец, воспламеняет его сердце такую любовью к Богу, что ни на небе, ни на земле, ни к чему он не стремится и ничего не желает, кроме единого Бога, воспламеняясь и такую любовь к ближним, что хотел бы всех без исключения вместить в объятия любви своей и всех видеть спасенными».

Одному Богу ведомы те возвышенные подвиги, какие совершал святитель келейно. Известно только, что ночи он проводил без сна, в молитве и богомыслии, а ложился отдохнуть только на рассвете. Известно также, что многими скорбями он был искушаем здесь. Первое время по удалении на покой, особенно когда окрепли физические силы, святителя стали смущать помыслы раскаяния в оставлении епархии. Он мучился от сознания своей бесполезности для общества, скорбел, что мало потрудились для Церкви. У него являлось желание снова вернуться на епархию. Такая тягостная борьба продолжалась целый год. Однажды, после продолжительного и мучительного обдумывания своего положения и особо напряженной душевной борьбы — так что сильный пот струился с него — святитель громко произнес: «Господи! хоть умру, но не пойду отсюда». И от этого времени тяжесть отлегла от его сердца.

Одной из тягостнейших внутренних скорбей Святителя была также «духовная оставленность», сухость сердца, уныние. Именно в такие моменты, будучи не в состоянии совершать молитвенного правила, он мог только класть земные поклоны, вопия Богу по-детски: «Кормилец, помилуй» Одному иноку, изнемогавшему от помыслов уныния и отчаяния, он писал: «Хотя и всякому христианину, но наипаче в монастырь уединившемуся, находит скука, уныние, тоска. Я и сам то же в себе чувствовал и ныне чувствую, отчего бывает страх и ужас и тоска... Временами я всех бы людей обнимал и целовал, а иногда ощущал отвращение от всех». В эти минуты душевной туги Святитель Тихон усердно занимался писанием сочинений, что, по его собственному признанию, было важным средством к рассеянию грусти. «В сочинениях своих,— писал он,— старался я о пользе и исправлении братьев моих христиан, а более всего в них душу свою унывающую поощрял к покаянию и подвигу благочестия». «И когда,— свидетельствует келейник святителя, писавший под его диктовку сочинения,— не столь Дух Святой в нем действовал и мысль замедлялась, то Владыка отсылал меня из келлии, а сам, став на колени, молился со слезами, иногда крестообразно распростершись. Призвав же меня после молитвы, начинал говорить так пространно, что я не успевал иногда рукою водить пера».

Терпел святитель и от начальства монастырского и от некоторых расстроенных жизнью братьев, которых кротко обличал. Дело доходило иногда до того, что они дразнили его во время прогулки насмешками «ханжа, ханжа» и даже бросали поленьями. Вызывала нарекания и его общительность и благотворительная деятельность, хотя Святитель тщательно прикрывал ее. Все это не удивляло богомудрого подвижника, знавшего, сколь расленно грехом человеческое сердце, как крепок плен греха, и переносившего эти проявления злобы терпеливо и с сожалением о грешащих: «Терпеть что-либо Христа ради,— говорил он,— это такое блаженство, выше которого и изрещи невозможно словом».

Необходимо отметить, что богословски образованный святитель, сам проходя высокую подвижническую жизнь и достигнув высокой степени

христианского совершенства, так что имел великие дары слез, прозрения и чудотворения (о чем строго запрещал разглашать знающим), имел потребность сообщаться со своими сотаинниками. Таких духовных друзей, кроме келейников, у него было два: схимонах Митрофан, старец хотя и неученый, но весьма благочестивый и строгий по жизни,— и мирянин Косма Студеников, 80-летний благоговейный ктитор одной из Елецких церквей, в непорочном девстве от юных лет проживавший при храме и усердно исполнявший там должность чтеца и певца. Этот-то человек, в тайных подвигах милосердия проводивший свою жизнь в миру, исполнял поручения святителя по оказанию помощи нуждающимся. И вот со своими простецами-сотаинниками богомудрый святитель совещался о постигавших его искушениях и принимал их советы. Им он поведывал и о дивных видениях, бывших ему.

За три года до своей кончины он ежедневно молился, чтобы Господь открыл ему день кончины, и однажды услышал тихий голос: «В день неделиный будет конец жизни твоей». Так и случилось: в воскресенье 13 августа 1783 года в 6 часов 45 минут утра Святитель тихо отошел в вечность.

В 1861 году, спустя 78 лет после кончины, состоялось торжественное открытие святых мощей Святителя Тихона, совершенное Первенствующим членом Св. Синода митрополитом Петербургским и Ладожским Исидором в сослужении трех архиереев, в числе которых был и глубокий почитатель угодника Божия епископ Феофан (впоследствии Вышенский Затворник). При этом событии присутствовало до трехсот тысяч молящихся, стекшихся со всех сторон России. Во время богослужения было много случаев исцелений больных, находившихся среди богомольцев. «Лучезарный образ Тихона,— сказал тогда в своем слове митрополит Исидор,— покажет пастырям и учителям «как подобает поступать в доме Божием» (1 Тим. 3, 15) и как «представить себя достойными делателями, верно преподающими слово истины» (2 Тим. 2, 15). Иноки найдут в нем правило воздержания и чистоты, кротости и смиренномудрия, а все хотящие спастись увидят в нем назидательный пример, как любящий Бога любит и ближнего своего».

Святые мощи угодника Божия почивают ныне в кафедральном соборе г. Орла.

О святителе Тихоне и его творениях много писалось, но сокровище духовное, заключенное в его литературном наследии, неисчерпаемо и имеет непреходящее назидательное и руководственное значение для всех христиан всех времен. Можно от души пожелать, чтобы его простые, но глубокие по содержанию произведения, хотя бы ко дню столетия его прославления, сделались доступными для широких кругов верующих, а его книга «О должностях пресвитеров приходских» могла бы стать настольной книгой у каждого иерея. Можно также пожелать, чтобы учащиеся наших духовных школ черпали из его творений темы и материалы для своих курсовых сочинений и диссертаций.

Иеромонах Иоанн

ИЕРОСХИМОНАХ ПАРФЕНИЙ

В Киево-Печерской Лавре, основанной на трудах и молитвенных подвигах преподобных Антония и Феодосия, от древних лет и до последнего времени не оскудевали великие подвижники благочестия, обладавшие удивительной силой религиозного воодушевления и еще здесь, на земле, жившие одним небесным. К числу таких светильников принадлежит живший в прошлом столетии лаврский иеросхимонах Парфений, со дня кончины которого в текущем году исполнилось сто лет.

Иеросхимонах Парфений, в мире Петр Иванович Краснопевцев, родился 24 августа 1790 года в с. Симонове, Алексинского уезда, Тульской губ., где его отец был причетником. Окончив Тульское духовное училище, Петр Краснопевцев поступил в духовную семинарию, но курса в ней не окончил. Чувствуя влечение к монашеской жизни, он 25 лет от роду вступил в число иноков Киево-Печерской Лавры.

Характер у Петра был тихий, миролюбивый, незлобивый. Плотской брани и нечистых помыслов Петр совсем не знал. После девятилетнего испытания Петр был пострижен в монашество с именем Пафнутия и в скором времени посвящен в священный сан.

Духовный рост о. Пафнутия происходил постепенно. Он не принимал на себя вначале чрезмерных подвигов поста и бдения, но увеличивал стеснение себя по мере возгорания в нем любви к Богу. «Не хитри в деле своего спасения,— советовал он впоследствии,— не изыскивай особенных путей, не налагай на себя особых подвигов, а как придется, как пошлет Господь силу, так только непрестанно и нещадно нудь себя на все благое».

Свое послушание он старался исполнять тщательно. Обстановка его келлии была более чем скромна: стол, скамейка, служившая постелью, и фонарь. Украшение ее составляли Распятие и икона Божией Матери с теплящейся лампадой. «Нищета и нестяжание — необходимое достояние монаха»,— говаривал он. «Хотящий быть истинным монахом должен иметь крайнее нестяжание, изыскивать, как бы обойтись и без необходимого. Нищелюбие и нестяжание великое сокровище уготовляют душе. Нестяжание и молитва необходимы для спасения. Молитва рождает нестяжание, нестяжание — молитву».

Все свое внимание о. Пафнутий уделял воспитанию в себе молитвенного духа. Для этого он старался уклоняться от всего, что препятствовало молитве. Образ его подвига в этом направлении можно усмотреть из наставлений духовным детям. «Любовь к Богу,— учил он впоследствии,— можно возжечь в душе только одной непрестанной молитвой».

«Неизреченная польза проистекает от уединения, но с ним неразлучна должна быть молитва».

«Монаху самый верный путь ко спасению — уединение и в нем — непрестанная молитва. Без молитвы нельзя снести уединения, а без уединения нельзя стяжать молитвы; без молитвы никогда не соединишься с Богом».

«Хранение чистоты телесной должно сопровождаться хранением чистоты мысленной».

«Чистоту телесную и мысленную можно стяжать только непрестанной молитвой и устремлением ума к Богу; пришествие Святого Духа полагает все страсти».

«Берегись осуждать ближнего, а чтобы не впасть в сие искушение языка, не присматривайся к чужим поступкам».

«В тучном теле не вселяется Дух Святой, хотя бы кто и добродетелен был. Страх Божий более поста и всех подвигов измождает плоть».

«Гнев, тщеславие или высокоумие и осуждение ближнего отгоняют благодать Святого Духа».

«Почести, бываемые от людей, должны быть ненавистны душе, ищущей спасения и познающей свою немощь».

«Многоглаголанье отгоняет благодать и погубляет теплоту души».

«От памятозлобного отвращается Бог. Молящемуся и питающему злобу на ближнего... молитва бывает в грех».

«Молитва истинная есть та, которая выросла в душу и совершается духом. Для стяжания ее великий потребен подвиг умственный и телесный».

Преуспев в духовной жизни после 14-летнего пребывания в монашестве, руководясь влечением к высшим степеням духовного совершенства,

о. Пафнутий подал прошение о принятии схимы. Несмотря на необычность принятия великого образа в таком молодом возрасте (о. Пуфнутию было тогда 48 лет), просьба была исполнена и сам митрополит Киевский Филарет облек его в схиму с наречением имени Парфения.

Схимнические подвиги о. Парфения были чередуемы с общественным служением в качестве духовника и руководителя множества лиц как из монашествующих, так и из мирян, открывавших ему свою совесть и жаждавших получить слова наставления. Его младенчески чистая душа, пораженная в этих трудах мрачной картиной многообразных страстей человеческих, скорбела невыразимо. «О бедные, бедные люди! — говорил он, — если бы они видели, как оскорбляется грехом милосердие и величие Божие! Если бы они видели, какие блага меняют они на кал греховный!»

Со времени принятия схимы в течение 17 лет он ежедневно служил литургию в домовых церквях при покоех Киевского митрополита Филарета, своего духовного друга и благодетеля. Эти священнодействия были величайшим наслаждением чистой души подвижника. Служения эти имели особую благодатную силу и на присутствующих. Дух молитвы, почивавший на нем, переливался и в сердца предстоящих, а потому всегда храм был полон молящимися. Неоднократно во время богослужения о. Парфений сподоблялся озарений и видений. Он питал особенную, теплейшую, умилительную и благоговейную любовь к Пречистой Матери Божией и не находил подходящих слов, чтобы выразить и Ее любовь к людям и свою к Ней. Не раз обрадован он был видением Пресвятой Девы Богородицы. Так, однажды, размышляя с сомнением о читанном где-то, что Пресвятая Дева была первой инокиней на земле, он задремал и видит от святых лаврских врат идущую в сопровождении сонма иноков величественную монахиню в мантии. Приблизившись, Она сказала: «Парфений, Я — монахиня!» Пробудившись, он с полным убеждением именовал Ее с тех пор Лаврской Игуменией. Молясь один раз пред келейной иконой Божией Матери, да поведает Она, что есть принятое им на себя схимничество, о. Парфений услышал от иконы глас: «Схимничество есть посвятить себя на молитву за весь мир».

Дух истинной молитвы, над стяжанием которого с особым усердием трудился о. Парфений всю жизнь, проник все существо старца. Болезнь и слабость не ослабляли в нем силы сокровенной молитвы. Много внутренних скорбей от духов тьмы претерпел подвижник при своем молитвенном делании. «Такое от бесов нападение терплю я за мое правило келейное уже двадцать лет (он неопустительно его совершал), что если бы не присутствовала сила Божия помогающая, давно бы мне надлежало умереть от такого мучения несказанного», — говорил он.

Скончался о. Парфений в 1855 году у порога своей келейной церкви возле Ближних пещер в день любимого им праздника Благовещения, который был в тот год в Великий Пяток. Хоронили его на второй день Пасхи. Митрополит Киевский Филарет выносил на своих плечах гроб своего друга и сотанника и похоронил его в Голосеевской пустыни в храме Живоносного Источника при чрезвычайном стечении молящихся.

Иеромонах Иоанн

ЦЕРКОВНАЯ ПРОПОВЕДЬ

У ДОРОГОГО ГРОБА

СЛОВО,

СКАЗАННОЕ В УСПЕНСКОМ СОБОРЕ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ
В ПРАЗДНИК УСПЕНИЯ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

В одном из священных песнопений сегодняшнего праздника Святая Церковь от лица верующего сердца выражает чувство изумления перед тем событием, которое мы, дорогие мои, сегодня радостно и торжественно прославляем.

В этом песнопении говорится так: «О дивное чудо, Источник жизни во гробе полагается, и лестница к небеси гроб бывает».

Лежит во гробе Источник жизни — Та, Которая даровала плоть и кровь Своему Божественному Сыну; Та, Которую мы со всей Православною Церковью называем Честнейшей херувим и Славнейшей без сравнения серафим.

Таков непреложный закон Божественного слова, сказанного Господом еще первому человеку в раю: «Смертию ты умрешь» (Быт. 2, 17). Таково веление правды Божией — надлежит умереть каждому живущему на земле. И этого закона смерти не избежала и Преподобословенная Дева Мария, в сегодняшний день блаженно почившая о Господе.

«О дивное чудо, — говорит священное песнопение, — лестница к небеси гроб бывает!» Гроб Божией Матери становится лестницей к Небу.

Изумление верующего сердца продолжается, ибо это сердце знает, что тело Божией Матери не оставлено во гробе: оно вознесено Ее Божественным Сыном на Небо, как была вознесена в день Ее Успения Ее бессмертная душа.

О, дивное промысление Божие, освободившее от истления тело Божией Матери! О премудрость Божия и глубина любви Божественного Сына к Своей Матери!

Но мы, мои дорогие, призываемся Святою Церковью не только прославить то чудо, какое видим сегодня своим духом: мы призываемся и учиться у Божией Матери, почерпнуть из того священного события, какое сегодня празднуем, уроки для себя. В уроках жизни и смерти нуждаемся все мы, идущие к вечной жизни. Без них мы засыпаем своей греховной совестью; они всем нам нужны, как указатель пути в вечное царство.

Когда мы видим вкусившей смерть и лежащей во гробе Божию Матерь, это напоминает каждому из нас, что и мы все подлежим неотступному закону Божию: «Человекам положено однажды умереть» (Евр. 9, 27), — говорит св. апостол. Если Преподобословенная Дева Мария своим телом не осталась во гробе и чудом всемогущества Божия была вознесена на Небо, и мы, грешные, не останемся своим телом в земле, хотя оно и обратится в прах. Сказано нам в слове Божиим, что все «мертвые услышат глас Сына Божия и услышавши оживут» (Иоан. 5, 25). Силой того же всемогущества Божия, в последний день бытия этой земли, перед наступлением дня страшного суда Божия, при явлении во второй раз Сына

Божия на земле, по звуку трубы Архангела, воскреснут все умершие от века телами преображенными, свободными от немощей, болезней, от голода и жажды телесных, чтобы соединиться телом со своей никогда не умирающей душой. Тогда, как говорит св. апостол Павел, все мы не только бессмертной душой, но и своим телом восприимем на суде Божиим от Господа или благое, или злое, ибо мы и телом своим, не только душой согрешаем и оскорбляем Господа Бога.

Божия Мать перешла в жизнь вечную во славе. А мы, земнородные, по слову Священного Писания, или оправдаемся, или осудимся у Господа. Каждый из нас получит в вечной жизни то, чего будет достоин, чего заслужит в своей жизни земной.

Жизнь с Господом, жизнь, исполненная стремлением спасти свою душу, уберечь ее от скверн греховных, будет иметь своим плодом жизнь вечную с Богом в бесконечных веках.

Жизнь нераскаянного грешника, ленивого, небрежного в своем спасении, будет иметь своим концом ту участь, какую он сам себе готовит; какую будет заслуживать тот, кто слышал голос Христов, зовущий к Себе, и пренебрег этим зовом, кто сердце свое отдал страстям и не хотел потрудиться над тем, чтобы оно — христианское сердце — сердце, осененное Духом Святым в святом крещении и святом миропомазании, сердце, которое неоднократно посещает Господь в Своих Животворящих Тайнах, до конца земных дней оставалось храмом живущего в нас Духа Божиего.

Надо, дорогие мои, учиться жить и учиться умирать. Ведь один раз подступит смерть ко мне, к тебе. Надо ее так встретить, чтобы не навлечь осуждения себе на всю бесконечную вечность.

Вот, посмотрите своими благоговейными духовными очами на сияющий Божественной славой, духовной красотой облик Преподобной Божией Матери, в этот день воспринявшей свою блаженную кончину! Ее смирение и кротость сделали Ее достойной быть обителью Господа; Ее серафимская чистота удостоила Ее быть Матерью Сына Божия; Ее терпение, Ее преданность воле Божией, Ее жажда спасения души и вечного соединения с Господом возвели Ее на высочайшую степень Царицы неба и земли и даровали Ей блаженную кончину.

И всем нам, дорогие мои, Богородица дает урок, напоминая о том, что нужно «ходить в законе Господнем» (Пс. 118, 4). Нужно оберегать сердце от нечистоты, нужно украшать душу добрыми делами, делами любви, молитвы и покаяния. Ведь жизнь будущая — это продолжение настоящей. И конец не может разногласить с началом. Каков будет конец земной жизни, — будет ли это жизнь, проведенная во грехах, в небрежности, с пустой душой, не заполненной добрыми делами, — таково будет и начало и продолжение жизни вечной. Если же эта жизнь земная будет иметь конец, достойный христианина, будет не бесплодно прожитой нами для вечности, то и начало, и бесконечное продолжение этой вечной жизни будет источником вечной радости.

Вот поучитесь, дорогие мои, стоя у гроба Божией Матери, какой еще священный урок преподает Она нам. Перед Своей кончиной Она часто уединялась для молитвы и больше всего на Елеонскую гору. Она думала об ожидающей Ее смерти, о Своем вечном соединении с Божественным Сыном, Она готовила Себя к смерти изо дня в день.

Это указание для нас. Надо напоминать себе о неизбежной смерти. Надо думать о той вечной жизни, в которую мы вступим, чтобы не прилеплялось наше сердце всецело к земле, и когда подойдет смерть, не испытывало, разлучаясь со своим телом, безутешного томления. Если смерть наступит внезапно, а душа наша и не подумала о том мире, в который она должна вступить, к которому должна была себя готовить, какой чужой будет чувствовать она себя в этом новом мире! Перед ней будет закрыт вход в то Царство Небесное, где царят только любовь,

чистота, святость, куда входят со слезами омывшие грязную совесть, с духовным богатством молитв и добрых дел, с огнем веры в Господа, с пламенем любви к Нему, той любви, которая зовет верующее сердце, пока живет христианин на земле, в храме Божиим открывать это сердце перед Богом на молитве, искать Его небесного благословения и помощи, воспринимать Его в себя через святые таинства.

За три дня до кончины Божией Матери, как знаете вы из древнейшего христианского предания, Ей явился архангел Гавриил и возвестил о наступающей смерти. Господь, по милости Своей, и некоторым праведникам открывал день кончины. Нам, грешным, этот день неведом. Господь хочет, чтобы мы всегда, подобно верным рабам, ожидающим господина своего, были готовы встретить смертный час. Но Господь посылает и нам предвестников нашей смерти — болезни. Болезни, какие попускает Господь быть с нами, — это вестники нашей смерти, и если не сразу после наступления болезни, то все же стоящей где-то впереди нас. Если мы и выздоравливаем по той же милости Божией, и даются нам еще после болезни годы жизни земной, нередко болезнь подрывает здоровье, как бы предвещая о неизбежной грядущей смерти. И Господь, попуская быть нашим болезням, хочет, чтобы в дни нездоровья, заботясь об исцелении своего заболевшего тела, мы вспомнили о своей бессмертной душе и прежде всего заботились о ней, чтобы она очнулась от своих скверн, освободилась от тех сетей духа суеты, которыми бывает опутана подобно тому, как пеленой повивается дитя.

Смотрите еще. Перед Своей кончиной Богоматерь раздала свое убогое имущество — свою верхнюю одежду и другие вещи сотканные Ее руками — прислуживавшим Ей вдовицам и девам. В предсмертные минуты Она у всех просила прощения, всех благословила. И после Ее блаженной кончины прославляют Ее святое имя и святые апостолы, и христиане, прибегавшие к Ней при Ее жизни за Ее материнским благословением, и все, кто идет за Ее Божественным Сыном.

Урок для нас. Готовясь к смерти, размышляя о ней, мы должны думать о том, чтобы после кончины каждого из нас никто не помнил какого-нибудь огорчения или обиды, нанесенных нами; чтобы, пока мы живы, мы изгладили эти огорчения своей любовью, своим прощением, своими добрыми делами. Если никто из нас не оставит недоброй памяти ни у кого, то те, кто нас знает и кто узнает о нашей кончине, от всего сердца помолятся за нас: да помянет Господь наши грешные души в Своем Небесном Царстве.

Надо, по слову Божию, вперед себя посылать на Небо то духовное богатство, с которым мы будем там жить. «Взаймы» Господу надо давать, как говорит слово Божие, через нищего, через нуждающегося в нашем участии. Эти наши добрые дела встретят нас там, где будет судить Господь, когда придет во славе Своей для суда над живыми и мертвыми.

Преблагословенная Богоматерь жаждала перед кончиной Своей увидеть апостолов, утешиться беседой с ними, посмотреть в последний раз на тех, кто были ближайшими учениками Ее Божественного Сына, на тех, кто проповедует имя Христово во всех краях земли. И Господь исполнил это желание Своей Матери. Собрались апостолы перед Ее кончиной. Она с ними прощалась, утешая их и с материнской любовью взирая на их апостольские лики, спрашивая перед своей разлукой об их апостольских подвигах.

И мы, грешные, готовясь встретить смерть, лежа на одре болезни, должны вспомнить о том, что молитвы Церкви дороже всего в эти минуты. Мы должны просить молитв о нас, болящих, мы должны желать всем сердцем пригласить к своему болезненному одру священнослужителя, просить его помолиться, веруя в то, что молитва укрепит наши духовные силы, воспламенит любовь к Богу, поможет очистить душу от

грехов и приготовиться к смерти, если Господу угодно будет послать ее на конце той или другой болезни.

Мы знаем из Священного Предания, что в минуты кончины Божией Матери явился к Ней Господь Иисус Христос, чтобы взять душу Своей Матери. И если мы будем достойны того, дорогие мои, и перед кончиной каждого из нас явится и к нам Господь — не в образе Царя славы, ибо мы недостойны видеть Его своими телесными очами, но под покровом Своих Животворящих Тайн, чтобы, соединившись с своим Господом в Святых Тайнах, предвкушать всю радость будущего общения с Господом.

И как радостно сознавать, прославляя Успение Божией Матери, что никогда не прекратится поток материнской любви, материнских забот, какие излучает покров, простертый над нами нашей Небесной Матерью. Под этим покровом, как под крепкой броней, защищающей нас от стрел праведного гнева Божия, от всех врагов видимых и невидимых, за этой невидимой стеной мы, православные верующие люди, и совершаем свой земной путь.

Да, мы идем к вечной жизни счастливые тем, что у нас есть надежный оплот в лице Преподобной Девы Марии. Перед Своей блаженной кончиной Она обещала апостолам и христианам, окружавшим Ее гроб, никогда их не оставлять. А явившись апостолам на третий день, сказала им, что будет пребывать с ними и со всеми верующими в Ее Божественного Сына во все дни, как и Господь Спаситель обещал до скончания века пребывать со всеми, кто верует в Него и призывает Его святейшее Имя себе в помощь и благословение на земном пути.

Вот какие уроки мы почерпаем, стоя у гроба Пресвятой Девы Марии в день Ее блаженной кончины. Ими будем питать свою душу. Они указывают, как надо жить, как надо готовиться к смерти и как надо будет умереть, когда придет смертный час, чтобы и для нас смерть была блаженным успением.

Под этим благодатным покровом — покровом любви и забот о нас Божией Матери — с этими уроками, какие Она нам преподает и будем, дорогие мои, совершать свой путь, пока еще Господь терпит не по грехам нашим каждого из нас на нашем земном пути и дает год к годам нашей жизни. А может быть уже совсем скоро Он пресечет жизнь кого-либо из нас?

Да поможет нам Господь до последнего издыхания оставаться верными детьми своего Небесного Отца и верными детьми своей Небесной Матери!

Да предстанет Она, по нашим к Ней молитвам и нашей к Ней любви, каждому из нас в страшную минуту смерти и освободит от этого страха. Да защитит нас Она Своим материнским покровом в жизни будущего века и на страшном суде Божиим, да не перестанет ходатайствовать за нас грешных и жаждущих спасти от вечной гибели свою бессмертную душу.

Митрополит Николай

ВЗАИМНОЕ ДОВЕРИЕ — ПУТЬ К МИРУ

Проблема запрещения атомного оружия волнует и занимает все человечество. Не будет преувеличением, если мы скажем, что все народы объединены сейчас одним общим стремлением устранить опасность атомной войны, угрожающей человечеству болезнями, страданиями, массовым уничтожением, физическим и духовным вырождением и многими другими бедствиями. Пытаясь представить себе последствия такой войны, приходится назвать атомное оружие мечом самоубийства, а его применение — покушением на духовные и физические основы жизни.

В данный момент можно смело сказать, что отношение большинства людей к атомному оружию определяется тем, что обещает его применение. Поэтому приходится выбирать между двумя точками зрения, из которых одна рассматривает атомное вооружение в качестве гарантии мира, а другая, утверждая обратное, требует запрещения атомного оружия. Иначе говоря, если одни считают возможным сохранять мир только с оружием в руках, вынуждая к тому же всех своих соседей, то другие предлагают отказаться от него и перековать на орудия мирного труда. Что же предпочесть, если действительно искать мира и стремиться к нему?

Как известно, реальная политика оказалась во власти недоверия, породившего гонку вооружений. Из того же нравственного источника, усиленного нетерпимостью, вытекает и политика «с позиции силы». В результате международные отношения подвергаются тяжелому испытанию. Их напряженность мы стремимся преодолеть — сегодня в сознании, чтобы завтра сделать то же самое в жизни. Но возможно ли это преодоление, если нравственная атмосфера современности не будет очищена от вражды и недоверия?

Никогда не вредно, а сейчас особенно, напомнить всем известную истину, что без доверия совместная жизнь людей становится адом. А доверие приходит от любви, без которой невозможно согласие, недоступно взаимопонимание, немыслим мир. Может ли быть мирной и счастливой семья, где муж не доверяет жене, а жена мужу? То же самое можно сказать об отношениях общественных и международных. Недоверие — это злейший враг мира, и если он будет побежден, то все народы с радостью начнут сбрасывать с себя тяжелые воинские доспехи, мешающие сейчас их общению и сотрудничеству.

Можно сказать уверенно, что это сделают все народы без исключения, если их руководители поверят в добрые намерения друг друга и покажут их в мирном обсуждении всех международных проблем. К этому побуждает не только нравственный закон любви, но и многочисленные проявления воли к миру со стороны всех народов, и современный технический прогресс, через который человечество становится одной большой семьей.

С христианской точки зрения в решении вопроса об атомном оружии решающее значение должен иметь не столько политический, сколько нравственный смысл этой проблемы, ясно раскрытый трагедией Хиросимы

и Нагасаки. Эта трагедия глубоко возмутила человеческую совесть и вызвала в мире мощное движение протеста против применения атомного оружия, против войны. Дальнейшие открытия в области атомной энергии еще более обострили моральный аспект проблемы.

Руководствуясь жизненными интересами всех народов, представители Советского Союза в Организации Объединенных Наций неоднократно вносили предложения о запрещении атомной бомбы и мирном использовании атомной энергии.

В 1950 году под Стокгольским Воззванием о запрещении того же оружия подписалось свыше 600 миллионов человек, в том числе все взрослое население моей страны. Это воззвание, отвечающее требованиям христианской морали, поддержала Русская Православная Церковь и ряд других христианских церквей.

В дальнейшем все конструктивные предложения по тому же вопросу исходили главным образом от Советского Союза, вызывая сочувствие всех народов. Так, в феврале этого года он предложил уничтожить полностью имеющиеся у некоторых государств запасы атомного и водородного оружия с использованием атомных материалов исключительно в мирных целях. При этом было предложено установить соответствующий международный контроль и созвать в текущем году Всемирную конференцию по всеобщему сокращению вооружений и запрещению атомного оружия.

В мае появились новые предложения о запрещении атомного оружия, сокращении вооружений и устранения угрозы новой войны, внесенные на рассмотрение Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. В Декларации по этому поводу говорится, что «отсутствие доверия в отношении между государствами является главной причиной, мешающей урегулированию неразрешенных проблем как в Европе, так и в Азии». Там же предлагаются меры по ослаблению международной напряженности и дается программа сокращения вооружений, которой в первую очередь предусматривается прекращение испытаний атомного и водородного оружия, а также принятие торжественного обязательства не применять ядерное оружие, как запрещенное, с немедленным прекращением его производства.

Призыв Всемирного Совета Мира развернуть массовую кампанию по сбору подписей под требованием народов остановить подготовку к атомной войне, уничтожить все запасы атомного оружия и немедленно прекратить его производство встретил горячую поддержку всех народов, и результаты этой кампании можно рассматривать как выражение любви и воли народов к миру.

Таким образом, все предложения нашей страны по вопросу об атомном оружии, как и соответствующие мероприятия Всемирного Совета Мира, преследуют одну цель: предотвратить атомную войну и соединить народы взаимным доверием.

В непрерывных попытках достигнуть этой цели весьма трудно, даже при желании, заподозрить что-либо похожее на политический расчет, но в них есть то, что требуется нравственным чувством. Это — есть внимание к жизненным интересам людей и забота об их благополучии, это есть призыв к практическому осуществлению тех основ жизни, которые неустанно проповедует христианство. И если в обсуждаемой нами проблеме первое место отвести нравственному критерию, то ее решение будет вполне соответствовать требованиям христианской совести.

Поэтому сейчас, когда после Женевского Совещания глав четырех держав народы все более проникаются духом взаимопонимания, мы, христиане, должны еще активнее содействовать торжеству этого духа в решении проблемы атомного оружия.

Митрополит Николай

НА БЕССМЕННОЙ ВАХТЕ МИРА

Когда после войны раздался протестующий голос человечества, встревоженного и возмущенного подготовкой третьей на протяжении одного поколения всеобщей бойни, когда возможность дружеского сожительства в труде и мире стала очевидной для множества «простых» людей, когда раскинулись первые палатки бойцов за мир,— профессиональные политики, экономисты, философы Запада, стражи грессбухов, банковских сейфов и оружейных заводов, в зависимости от уровня совести и умственных способностей, снисходительно называли новое движение «детской затеей», «утопией», «фантазией», «демагогией», «никчемной болтовней», «фикцией», «бесплодной выдумкой» и проч. Однако уже в скором времени жизнь заставила этих «деловых» людей по-иному отнестись к «утопии» и понять, что рука, поставившая подпись под требованием мира, держит молоток рабочего и скальпель хирурга, указку учителя и шило сапожника, бур шахтера и перо поэта, лопатку каменщика и колбу химика, жезл стрелочника и смычек скрипача, иглу электросварщика и штангу спортсмена, рейсфедер конструктора и ножницы закройщика, штурвал корабля и студенческую зачетную книжку, челнок ткацкого станка и одеяльце ребенка...

Много времени прошло с тех, начальных, дней, много воды утекло в Волге и Темзе, в Сене и Миссисипи. Ныне с уверенностью можно сказать, что сила сторонников мира стала основным, определяющим фактором всей нашей современности. Вряд ли можно сомневаться в том, что если бы не вот эта огромная сила организованного общественного мнения, в многострадальной Корее повторилось бы преступление Хиросимы. Такое предположение тем более основательно, что самое чудовищное и позорное из деяний злой человеческой воли не было решительно ничем оправдано, ничего не изменило в ходе событий, и без того стремившихся к завершению уже достигнутой победы. Здесь же прямо раздавались голоса о «выгодности» применения ужасного оружия, и только воля сотен миллионов честных людей остановила злодейскую руку. И кто знает, если бы не вот эта властная воля, может быть уже давно не только пылали бы «локальные» огни войны по всей земле, но и вся она горела бы в пламени всемирного пожара.

Это силы мира погасили огонь войны в Корее и Индо-Китае, навсегда и справедливо решили судьбу Австрии, призвали к объединению Германии. Они блистательно и благотворно продемонстрировали себя в Вене, Хельсинки и Лозанне, где от лица половины человечества женщины мира сказали: «Уйдите!» тем, кто планирует убийство их детей. Они уничтожили злобную и глупую старую сказку о «железном занавесе», указав верный путь для восстановления доверия, взаимопонимания и сближения между народами Запада и Востока посредством взаимного обмена культурными, общественными, профессиональными, торговыми, научными и особенно парламентскими делегациями. Они решительно призвали правительства четырех великих держав впервые после войны встретиться за общим столом и честно и искренно подумать над тем, какими мерами и способами разрядить предгрозовую духоту, смягчить бессмысленную напряженность, умиротворить сердца истомившегося человечества.

*

*

*

Стремительно растут силы мира. Но это не только естественный, инстинктивный процесс сопротивления человечества опасности возникновения новой войны, но и результат великой и неустанной просветительской работы со стороны тех, кто в святом деле служения миру нашел свое призвание и жизненную цель.

Жестокие полицейские расправы, аресты, тюрьмы, ссылки, всяческие преследования активных борцов за мир и просто сторонников мира, миролюбивых людей, которые не хотят ужасов самоистребления, непрерывная слежка, шантаж, угрозы, лишение работы, ущемление в правах, растленная пропаганда, соблазны, подкуп,— все это, конечно, давало и дает свои результаты, хоть и в неизмеримо меньшей степени, чем на то рассчитывали и рассчитывают сатрапы самовластья, апологеты «позиций силы», доброжелатели войны. Ослабевшие, выбывают из строя одиночки. Но непреступно могуч в своем благородном мужестве авангард великой армии мира, надежда, опора и гордость человечества. На каждой встрече борцов за мир мы неизменно слышим голоса известнейших ученых, общественных деятелей, представителей искусства, заслуженных мастеров физического и интеллектуального труда,— голоса, от встречи к встрече усиленные новыми пополнениями лучших людей мира.

Блистательный образец и пример твердости, неутомимости, неослабного душевного горения, совершенной непоколебимости внутренней представляет собою деятельность Митрополита Николая в защиту мира. Соответственно развивающимся событиям действительности меняются формы его обращений к людям, по разному звучат интонации его вдохновенного голоса,— но полностью неизменными остаются идеи, которыми он воодушевлен, высокие принципы, которым он служит, благородные цели, достижению которых отдает он свою жизнь. И когда обращаешься к словам его, сказанным уже давно, то сизумлением видишь в свете творящегося, что многие из этих слов предстают как осуществленные предсказания. Первые из них прозвучали еще в те времена, когда, казалось, ничто больше не угрожает миру. Это были слова архипастыря Христианской Церкви, продиктованные долгом его религиозной совести: «Я верую, что обе наши церкви будут служить делу счастья своих народов и делу мира во всем мире».¹ Это было произнесено десять лет тому назад. И когда спокойный небосвод омрачили первые тучи новой военной опасности, когда в ответ на это всколыхнулось все, измученное долголетним кровопролитием и страшным опустошением, человечество, когда родилось движение борцов за мир, Митрополит Николай вошел в ратоборство света с тьмою как зрелый воин, как опытный полководец, вооруженный благословляющим мечом мира. Слова, начертанные на страницах Евангелия, с особой силой нашли свое приложение в жизни, обрели плоть, вступили в реальность. Призывом к надежде и ободрению уставших, гневом против посягателей на человеческое согласие прозвучал тогда голос высокого иерарха нашей Церкви, и вещий и ясный голос этот не ослабевает и по сей день, и, нет сомнения, не умолкнет до тех пор, пока не свершится вожделенное, пока не воцарится в мире мир, пока не осуществится священная клятва, данная миротворцами на жертвеннике человеколюбия, завещанного Христом, Спасителем мира...

*
* *

«Мы с удовлетворением видим здесь, как велики в мире силы мира, как горячо стремление людей жить в созидательном, мирном труде, добром соседстве, сердечном единении, как глубоко их отвращение к насилию, порабощению, всяческому злу. И это процесс органический, неуклонный, нарастающий». Ему «может быть, и можно на отдельных участках чинить преграды, но уже никакая сила в мире не способна его остановить!»

¹ Митрополит Николай, Слова, речи, послания. Изд. Московской Патриархии, 1947, Речь на Всцерковной англиканской ассамблее в Лондоне 19 июня 1945 г.

Это — из речи Митрополита Николая на первой встрече друзей мира, на Первом Всемирном Конгрессе сторонников мира 22 апреля 1949 года в Париже. Разве не подпишется под этими словами и сейчас всякий человек доброй воли, всякий честный и здравомыслящий человек?

Со времен Парижского Конгресса во многих местах земли звучал голос Владыки Николая, и безошибочны были слова его обращений к людям земли, безошибочны и побеждали время, потому что строились не на мирских суетных расчетах, а на основе тех великих истин, которые завещал Церкви ее Пастыреначальник, отдавший земную жизнь Свою за грехи людей, во имя любви к ним.

В 1952 году Издательство Московской Патриархии выпустило в свет отдельным сборником «Защитим мир!» речи и статьи Митрополита Николая в защиту мира, охватывающие время с 1949 по 1952 год. Ныне в том же издании вышел второй сборник речей и обращений Митрополита Николая в защиту мира за период 1952—1954 гг.² Здесь собраны тексты наиболее значительных выступлений Владыки на чрезвычайных сессиях Всемирного Совета Мира, на заседаниях, конгрессах и конференциях в защиту мира в Москве, Берлине, Вене, Стокгольме, его выступления по радио и статьи. Эта небольшая (158 стр.) книга подлинно «томов премногих тяжелей» выпуклостью, сжатостью, богатством собранных в ней материалов по вопросам, наиболее глубоко волнующим современное человечество. Превосходен язык книги, — язык четких фактов, резких противопоставлений, глубоких наблюдений, — живой язык, доступный каждому своей простотой, захватывающий образностью и в иных местах высоким патетическим строем, убедительной острой проницательностью выводов. Примечательно, что в этом труде чрезвычайно мало текстов из Священного Писания. Но каждой мысли, каждому обращению, каждому абзацу сборника можно найти соответствующее место в Святых Книгах, особенно в новозаветных, — только изложено оно языком современности. И это, несомненно, привлечет к книге внимание читателей и иноверных, и вообще нецерковных.

И конечно же, этот труд архипастыря Христианской Церкви, обращенный к самой сердцевине жизни, к самым острым, животрепещущим, «злободневным» вопросам и темам нашей современности, не мог создаваться иначе, как с позиций строго церковных.

Политика есть средство или система средств для достижения той или иной цели. Церковь стоит вне политики, и в решении всех ответственных за судьбы человечества вопросов, в том числе и вопроса о войне и мире, она пользуется лишь методом самоутверждения, оглашения тех истин, которые составляют ее основу. И лейтмотивом книги именно и звучит категорическое отмежевание Церкви от политики, а вместе с тем и утверждение, что она не может по самой сути своей стоять в стороне от жизни.

«Не занимаясь политикой, Церковь не может оставаться в изолированных рамках религиозной жизни и по самому назначению своему — служить людям — всегда оказывается в самой гуще исторической жизни человечества.

На протяжении всей истории эта жизнь, подобно океану, шумит бурями противоречий. Но сквозь неумолкающий шум борьбы, сквозь стоны и дым пожаров не перестает звучать голос Церкви в умиротворяющей людей и народов, зовущий их к братской любви и к миру»³.

И дальше, — о религиозной совести. Она «спешит предупреждать акты зла, если они остаются еще в намерении, в замысле, или искоренять их, если они уже показали свое лицо. Эта совесть обличает разнуздан-

² Николай, Митрополит Крутицкий и Коломенский, Член Священного Синода Русской Православной Церкви, член Всемирного Совета Мира. «За мир», издание Московской Патриархии, 1955.

³ Там же, стр. 7, 8.

ность эгоистических инстинктов, упраздняющих высокое достоинство человека, указывает на ужасы последствий и на огромную ответственность за преступление... Так действуем мы в пользу мира, не связывая его ни с какой политической теорией»⁴.

С удивительной словесной скупостью и точностью определяет автор истоки войны. Они, по его выражению, скрываются «в глубоком подполье человеческих душ, омраченных страстями наживы и властолюбия»⁵. Низость, недостойность, грубость, примитивизм агрессивной войны превосходно подчеркиваются утверждением, что ее «нужно навсегда исключить из средств борьбы с иномыслием»⁶.

Касаясь возможностей Русской Православной Церкви в деле защиты мира, Митрополит Николай говорит, что она «как и все христианство в целом, не располагает социальными, экономическими и тем более политическими средствами, чтобы разрядить или ослабить угрозу войны. Но Церковь может создать широкий и могучий союз моральных сил человечества, способных вдохновить сопротивление злу войны»⁷.

Обращаясь к тем, «кто до сих пор занимает сдержанную, а во многих случаях выжидательную и даже враждебную нашему движению позицию», кого увлекают за собою, коварно прикрываясь щитом охранителей «христианской цивилизации» темные духи войны, Владыка Николай с совершенной очевидностью разъясняет им, что «нельзя искажать детски простое, понятное всем и ясное, как кристалл, учение Христово, в силу которого не может быть христианской агрессивной войны, немыслимо христианское убийство и невозможно насилие во имя якобы сохранения христианской цивилизации»⁸.

Так говорит автор о чудовищных последствиях войны, разразись она в наше время, она будет «не спор, не состязание в силах, не поединок, имеющий окончиться чьей-то победой, а тотальное истребление»⁹. И в таких волнующих образах предупреждает тех легкомысленных безумцев, которые стали бы рассчитывать на победу в такой войне, прибыли от нее, выгодный для них передел ценностей после нее. «Горная лавина сметает все преграды. Морской шторм топит суда всех флагов. Лесной пожар не знает межевых знаков. Воды наводнения заливают низменные земли, не считаясь с границами их владельцев. Надо закрыть и наглухо замуровать вход в логово, откуда взирает на мир, готовясь к прыжку, страшное чудовище войны!»¹⁰.

Возвращаясь к непрестанной и неослабной деятельности Русской Православной Церкви в защиту мира, которую ведет она во имя исполнения своего прямого долга, высокий иерарх нашей Церкви вновь подтверждает:

«В борьбе за мир мы ставим заветы Евангелия выше каких бы то ни было политических соображений и своим единством в защите мира стремимся обеспечить продолжение дела Христова среди мирных народов.

Мы стремимся к тому, чтобы голос Евангелия, обличительный для злых и ободряющий для добрых, коснулся слуха и совести наибольшего числа людей»¹¹.

Есть в этом сборнике удивительное место, которое звучит сейчас подлинно как сбывшееся пророчество. Это — выдержка из речи Митрополита Николая на сессии Всемирного Совета Мира в Вене 26 ноября 1953 года. Говоря о «протестах и требованиях, трудах и молитвах, при-

⁴ «За мир», стр. 8, 9.

⁵ Там же, стр. 9.

⁶ Там же, стр. 27.

⁷ Там же, стр. 26.

⁸ Там же, стр. 27.

⁹ Там же, стр. 53.

¹⁰ Там же, стр. 61.

¹¹ Там же, стр. 58.

зывают и надеждах людей доброй воли», об этих «волнах», которые одна за одною «идут на штурм крепостей войны и подтачивают их основания», Владыка Николай заключает: «Успех этого штурма определится в тот момент, когда правительства великих держав окажутся перед необходимостью встать на путь мирного решения международных противоречий»¹².

Мы привели лишь несколько выдержек из этой замечательной книги. Надо прочесть ее всю. Ярко раскрывающая важнейшую задачу современного человечества, она звучит, вместе с тем, как гимн лучшим человеческим чувствам и самой жизни на земле, которую сотворил Господь, возлюбивший человека. Книга эта принесет новую отраду борцам за мир, заставит задуматься колеблющихся, устыдиться соблазнившихся, пробудит разум заблуждающихся невольно и совесть заблуждающихся сознательно. В наше решающее время, когда взвешиваются судьбы мира, она ляжет на чашу весов рядом с драгоценным грузом всепобеждающего человеколюбия...

Р. Днепров

¹² «За мир», стр. 54.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Что празднуем мы, когда собираемся ежегодно в этот день в Храм Господень и славим Господа Иисуса Христа? Что особенного произошло на горе Фаворе, что этот день является одним из двенадцати величайших праздников Церкви? Господь преобразился пред Своими учениками. После молитвы Его на горе просияло тело Его, просияло Лицо Его; как бы свет исходил из Него Самого; и ученики, потрясенные видом Его, почувствовали вдруг неизъяснимое блаженство и хотели, чтобы оно не покидало их никогда. Это удивительное чувство вылилось в словах апостола Петра: «Господи! хорошо нам здесь быть; если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии» (ибо явились при этом небожители-праведники и беседовали с Господом о путях искупления мира (Мф. 17, 4)).

Заметьте, блаженство, охватившее апостолов, было так велико, что они для себя самих ничего больше не хотели — ни палаток для защиты от солнца и ничего другого, лишь бы дивное состояние, посетившее их, продолжилось.

Чем же они были так потрясены? Тем, что они с живыми костями и живым телом прикоснулись к небесной жизни и почувствовали небесное блаженство. Недаром явились в это время на Фаворе Моисей и Илия — носители этого блаженства. И это прикосновение апостолов, обыкновенных земных людей, к небесной жизни и доставило им такую радость. При этом следует отметить, что апостолы все время имели радость близости к Господу Иисусу Христу, сопутствовали Ему в Его земных странствованиях, поучались от Него, видели Его чудеса. Но здесь было нечто большее, что особенно потрясло их. И это было — самое преобразование.

В те далекие времена язычники в подавляющем большинстве, а вместе с ними и другие, не язычники, склонны были рассматривать наше тело, как нечто греховное, нечто нечистое; склонны были думать, что от тела исходит только грех, только соблазны, и что в теле не может быть ничего чистого, и что только на небе люди могут получить чистоту и святость, а жизнь здесь, на земле, — только сатанинское издевательство над человеком. И вот это тело, которое, думали люди, пленило, как в ловушку, от Бога данную нам душу, это тело само стало обладать чистой, светом и красотой небесного блаженства. Это было то большее, что увидели и почувствовали апостолы в минуты пребывания на горе Фаворе. Здесь познали они, что наша плоть, тело наше, тоже причастно небесному блаженству, и, если оно подчиняется здесь, на земле, греху, то это — неестественное его состояние, а надо жить так, чтобы и оно шло путем, ведущим к жизни вечной. Это был момент, когда люди увидели воочию возможность преобразования, очищения, освящения и одухотворения тела. И когда апостолы увидели тело, которое могло светиться, могло быть духовным (как потом Христос входил с телом чрез закрытые двери, воскрес и вознесся), тогда они полностью узнали и поняли, что возможно и с телом взойти на небо.

А это было для людей обстоятельством чрезвычайной важности. Ведь человек, по творению его от Бога, существо двучастное, духовно-телесное. И полноту он ощущает только тогда, когда пребывает в единении обоих своих составов. Недаром и Церковь, уча о блаженстве праведников за гробом, рассматривает их оторванное от тела пребывание на небе у Бога только с душою как временное и вызванное опять-таки тлением, вторгшимся в мир через грехопадение прародительское. Ведь и в раю человек был сделан через древо жизни причастником вечной жизни и по телу, и по духу, и в грядущем воскресении мертвых вечная радость бытия с Богом мыслится для праведников с телом, хотя и с преображенным, но именно с телом, в полноте сотворенного некогда Богом двучастного человеческого существа.

Эту-то великую и радостную истину и познали апостолы на Фаворе. И, разойдясь по всей земле, возвестили миру радость жизни на земле, как и на небесах. И открыли людям, связанным путами греха, что тела их есть обиталище Духа Святого и здесь на земле могут жизнью своею восславлять имя Божие.

И вот в пустынях и лесах засияли праведники и святые, которые до сих пор являются нам светильниками жизни. Поднялся апостол Андрей Первозванный, который первый принес свет Евангелия на нашу землю. Поднялся Преподобный Сергей Радонежский, который умел врачевать раны душ и телес тех, кто обращался к нему, который умел питать с любовью и молитвой, сам, голодая, отдавал последний кусок хлеба, и его заплесневелая корка, под действием его любви превращалась в хлеб небесной жизни. Поднялась праведная Юлиания Лазаревская, которая во время голода (при Иоанне Грозном) пекла хлеб из лебеды и раздавала его голодным, и этот хлеб из плевел превращался в хлеб небесный. Поднялся Преподобный Серафим Саровский, который каждого встречал словами: «Радуйся!» и радость от его любви входила в души и сердца людей, и эти люди возвращались по домам, чтобы распространять свет, радость и любовь. Поднялся св. Тихон Задонский, который никогда никого не бранил, никогда никого не осуждал (как мы это часто делаем) и умел кротостью слова вселять мир в измученные души. И когда однажды задумавший спорить с ним ударил его в запальчивости по лицу, он смог смиренно перенести обиду, пасть на землю и, поклонясь обидчику до земли, сказать: «Прости, что я раздражил тебя», чем и приобрел увидевшую свет Христов душу для Господа.

И мы празднуем день Преображения Господня, как день первого свидетельства того, что не закрыты и для нас небесные пути преображения земной нашей жизни, что мы — Божии и все у нас Божие, только часто искаженное и приниженное грехом, но способное к возрождению с помощью благодати, щедро изливаемой Господом через Его Церковь, через святые таинства и по молитвам.

Но, может быть, скажет кто-либо: нам ли слабым вкусить радость преображения жизни? Мы не подвижники. — А подвигов от нас никто и не требует. В притче о милосердном самарянине Господь внушает нам искать дела христианского не в величии героических подвигов, а в повседневных трудах наших, в тех делах и встречах, которые случаются на жизненном нашем пути. И кто из нас может сказать, какое его доброе слово, какое сердечное движение утешения, поддержки, честной братской помощи окажется самым нужным, самым спасительным для брата-человека, поможет ему во тьме посетившего его житейского безвременья увидеть свет, познать утешительную радость. А каждый луч радости, отблеск каждой улыбки, тепло каждого сочувствия, свет каждого доброго дела, которое мы сделаем, вернется в наше сердце утроенно отраженным из благодарных человеческих душ и, сосредоточившись в нем, как в фокусе зажигательного стекла, по благодати свыше, зажжет и в нас преображающий и просветляющий свет Фавора. Тогда и мы прикоснемся к

тому состоянию, которое заставило апостолов пожелать остаться на Фаворе и не покидать его никогда. Тогда засветится и наша жизнь светом незаходимым...

В память явления этой возможности обновления нашей жизни, мы освящаем в день Преображения Господня новые плоды и вкушаем их с желанием жить с этого дня тоже по-новому, по-Божьи, веруя, что, исполняя это желание, мы можем принести и новые духовные плоды, можем прикоснуться к небесной жизни и осветить свою жизнь светом Преображения еще здесь на земле.

А. Осипов,
профессор Лен. дух. академии

ОБРАЗ БОГОМАТЕРИ

(Ко дню праздника Успения Божией Матери)

Для нас, православных христиан, священный интерес представляет все, что имеет непосредственное отношение к земной жизни Богоматери. Этот интерес особенно повышается в дни Богородичных праздников, когда все мы ощущаем духовную потребность осмыслить и духовно пережить празднуемое событие в свете тех сведений, которые сохранились из истории земной жизни Приснодевы Марии.

Так, в день праздника Успения Божией Матери нас охватывает благоговейный интерес к последним годам земной жизни Богоматери, к преславному событию Ее успения. Мы преисполняемся религиозной потребностью духовно созерцать Богоматерь и Ее успение и по содержанию богослужебного чина, и по иконописным изображениям этого праздника, и по всем тем историческим источникам, которые сохранила для нас церковная древность. Здесь (в этих источниках) решительно все интересует и захватывает нас: и основные события последних лет из жизни Богоматери, и описание Ее лика, Ее одежды и того впечатления, которое Она производила на Своих современников.

*
* *
*

После вознесения Спасителя ученики Его «единодушно пребывали в молитве и молении, с некоторыми женами и Мариею, Материю Иисуса» (Деян. 1, 14). С этого времени Она стала открывать апостолам то, чего не знали они и знать не могли о земной жизни Господа нашего Иисуса Христа и о Ее жизни. Она передавала им те «слова», которые «складывала» (Лук. 2, 51) и многие годы носила в сердце Своем. По великому смирению Своему, Богоматерь многое не велела записывать о Себе в священных книгах Христовой Церкви. Поэтому Ее жизнь последнего периода нам известна главным образом из Священного Предания.

После вознесения Спасителя Его Пречистая Мать пребывала на высокой горе Сиона близ Иерусалима в доме возлюбленного ученика Христова Иоанна. В день сошествия Святого Духа Она вместе с апостолами приобщилась к благодатным дарам Святого Духа.

Первые годы после сошествия Св. Духа апостолы пребывали преимущественно в Иерусалиме и его пределах, и Мать Божия воспринималась ими «яко Наместница Христа». Когда же начались гонения на Церковь Христову, Богоматерь с апостолом Иоанном удалилась в Малую Азию в г. Ефес. Посетила Она также Антиохию и о. Кипр. В это время на Кипре епископом был св. Лазарь, воскрешенный в свое время из мертвых Христом. Лазарь хотел прибыть к Богоматери в Иерусалим, но Она, опасаясь козней иудеев против Лазаря, известила его, что Сама

прибудет к нему на о. Кипр. В этот путь Она отправилась с апостолом Иоанном. Во время плаванья Господу Богу угодно было внезапной бурей изменить путь корабля и направить его не к Кипру, а сначала к гористому берегу полуострова Афона. Здесь жители-язычники по поведью Богоматери и апостола Иоанна были обращены ко Христу, крещены и объединены в церковную общину во главе с епископом. Богоматерь нарекла Афон Своим уделом, прорекла будущую его святую славу и, обещав жителям его Свою помощь, отплыла на о. Кипр. Пробыв здесь некоторое время, Она возвратилась в Иерусалим, оставив св. Лазарю драгоценные дары: сшитые Ее пречистыми руками архиерейский омофор и поручи.

Пребывая последние годы Своей жизни в Иерусалиме, Богоматерь любила уединяться для молитвы в сад Иосифа, в Гефсиманию, в Вифлеем, на гору Елеонскую и в другие места, освященные особыми событиями из жизни Господа нашего Иисуса Христа. На горе Елеонской Она дважды получила от архангела Гавриила весть об успении Своем (за 15 дней и за 3 дня до сего события).

Богоматерь прожила на земле 72 года. На 16-м году Ее жизни родился от Нее Христос-Спаситель мира. Тридцать три года было земной жизни Его и двадцать четыре года прошло от вознесения Господа до успения Богородицы. Из этих трех периодов и составил срок Ее жизни на земле.

*
* *

Вместе со Святою Церковью все мы чтим и прославляем иконописные изображения Божией Матери, особенно сохранившиеся от глубокой святой древности. К древнейшим иконописным изображениям (начала IV в.) относится и изображение Успения Богоматери¹. Митрополит Московский Филарет в своих «Словах» не раз давал подробное, проникновенно-глубокое изъяснение этого изображения². К глубокой древности (к VI в.) относятся также иконы, изображающие взятие Богоматери на небо с телом, или Ее вознесение, подобное вознесению Ее Божественного Сына.

Но если возносящийся Спаситель изображался в одеждах неизреченной славы Божией, то Богоматерь и здесь, на вершине славы Своей, изображается в обычных Своих одеждах, всегда в пол-оборота смиренно склоненной, часто с простертыми дланями вниз, к миру, упованием и предстательством которого Она является. Этим как бы выражается Ее постоянная связь с ним, та связь, о которой Церковь поет в тропаре праздника, сравнивая ее с сохранением девства в материнстве: «В Рождестве девство сохранила еси, во успении мира не оставила еси Богородице...» И здесь икона «представляет нам,— по выражению митрополита Филарета,— не произвольный плод воображения (иконописца), но созерцание, согласное с существом предмета». Существо же предмета заключается в том, что Богоматерь в дни Своей земной жизни преисполнена была Божественной силы и благодати и дивной ангельской красоты при неизреченном смирении и скромности всего Ее внешнего облика.

*
* *

Знаменитый ученый грек Дионисий Ареопагит, ученик св. апостола Павла, видел Пресвятую Деву в Иерусалиме, когда она была в преклон-

¹ См. статью Л. Успенского, Икона Успения Божией Матери, «Журнал Московской Патриархии», 1955, № 4.

² В «Словах» на праздник Успения в 1846 и 1848 гг. содержание их подробно изложено в указанной статье Л. Успенского.

ных летах. «Невероятно казалось мне,— писал он св. Павлу — исповедую пред Богом, чтобы кроме Самого Высшего Бога, был кто-либо преисполнен такой божественной силы и благодати. Никто из людей не может понять, что я видел и уразумел при посредстве не только душевных, но и телесных очей. Я видел очами моими Богообразную и более всех небесных духов Святейшую Матерь Христа Иисуса Господа нашего. Свидетельствую Богом, имевшим жительство в чистейшей утробе Девы, что если бы я не содержал в памяти и новопросвещенном уме моем твое Божественное учение, то я признал бы Деву за истинного Бога и воздал бы Ей поклонение, подобающее Единому Истинному Богу, потому что человеческий ум не может представить себе никакой чести и славы для человека, прославленного Богом, которая была бы выше того блаженства, какое я, недостойный, удостоился вкушать. Благодарю Бога моего, благодарю Божественную Деву, благодарю великого апостола Иоанна и тебя, милостивно оказавшего мне столь великое благодеяние».

От современников Приснодевы Марии сохранилось предание и об Ее внешнем облике и одежде, отраженное и в иконографии. Одежда Ее всегда была простая и скромная, чуждая всякой роскоши. Поступь — величественная и твердая. Взгляд серьезный, но приятный. Речь кроткая, льющаяся прямо из незлобивого сердца. Обращение с людьми — простое, безыскусственное. Вся красота Ее Божественной души отпечатлевалась на Ее лице, светящемся всеми добродетелями возвышенного и смиренного сердца. В каждом деле Она была исполнена кроткого величия и целомудрия. Она была Пренепорочная Дева не только плотию, но и духом. Ум Ее всегда был к Единому Богу направлен и Богом управляем. В беседе была почтительна, на слова не скоро, говорила мало и только необходимое. Весьма трудолюбива и прилежна к чтению Божественного Писания. К бедным и страждущим была милостива и никому не отказывала в помощи.

О внешнем виде Девы Марии сохранились известия и более поздние: в исторических описаниях св. Епифания и Никифора Каллиста. По этим описаниям, Богоматерь была роста умеренного, немного выше среднего, цвет лица Ее напоминал цвет зерна пшеничного. Волосы — светлорусые и несколько златовидные. Глаза ясные, со зрачками цвета маслины. Брови немного наклоненные и довольно черные. Нос продолговатый. Уста — подобные цвету розы. Лицо не круглое и не острое, но несколько продолговатое. Руки тонкие и пальцы довольно длинные. У ней во всем была простота и совершенное смирение. На современников Она производила неизгладимое впечатление: высота святости и величия сияла в Ней сквозь покров глубочайшего смирения, как бы соединяя в Ней естество человеческое с естеством ангельским.

Такова была Пресвятая Владычица наша Богородица по тем сведениям, которые идут к нам из глубины веков от тех времен, когда Она, Пречистая, Своими стопами освящала нашу землю, а Своими делами и особенно рождением Богомладенца положила начало нашему спасению.

Буди же Ей, Препоблагословенной и Пречистой, непрестанная наша хвала, и поклонение, и благодарение, особенно ныне, в день великого праздника Ее преславного Успения.

Прот. А. Андреев

ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ В ЖИЗНИ ХРИСТИАНИНА

НАЧАЛО ЦЕРКОВНОГО ГОДА

I

Первого сентября Святая Церковь совершает праздник, именуемый в Уставе «началом индикта, сиречь нового лета». Праздник этот установлен отцами Первого Вселенского Собора, которые определили начинать с этого дня исчисление церковного года. В соответствии с этим весь круг великих Господних и Богородичных праздников начинается с Рождества Пресвятой Богородицы (8 сентября) и кончается Ее Успением (15 августа). К этому кругу великих праздников примыкают праздники святых, памяти которых совершаются в каждый из дней церковного года. В богослужении великих праздников Церковь, с одной стороны, раскрывает нам путь домостроительства Божия, путь откровения Божественной любви в истории мира и человечества, а с другой — указывает нам стезю нашего спасения, лестницу духовного восхождения, основание которой покоится на земле, а вершина достигает пределов горнего мира.

Праздник церковного Нового года для многих православных христиан, даже часто посещающих храм Божий и любящих церковную службу, проходит незамеченным, а между тем как первый день годового богослужебного круга, открывающий собою «вход лета» (1-я стихира на стиховне), он занимает в этом круге особое и притом весьма знаменательное место. Об этом свидетельствует характер и содержание церковной службы, положенной по Уставу на этот день. Несмотря на то, что 1 сентября не поется полиелей¹, богослужение этого дня отличается большой торжественностью и носит праздничный характер: с вечера совершается великая вечерня с входом и чтением ветхозаветных паремий, а на утрени поется Великое славословие. Песнопения этого дня, большая часть которых написана преп. Иоанном Дамаскиным, раскрывает смысл праздника и значение его для нашей духовной жизни. Однако вершиной новогоднего богослужения, его венцом следует считать Евангелие, читаемое в этот день за Божественной литургией. Евангелие повествует о начале открытого служения Христа Спасителя после Его крещения и искушения от диавола, когда Он «в силе Духа возвратился в Галилею» (Лк. 4, 14) и начал проповедывать Царствие Божие. «И пришел в Назарет, где был воспитан, и вошел, по обыкновению Своему, в день субботний в синагогу, и встал читать. Ему подали книгу пророка Исаии; и Он, раскрыв книгу, нашел место, где было написано: Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедывать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедывать лето Господне благоприятное (Исаия 61, 1—2). И закрыв книгу и отдав служителю, сел; и глаза всех в синагоге были устремлены на Него. И Он начал говорить им: ныне исполнилось писание сие, слышанное вами. И все засвидетельствовали Ему это, и дивились словам благодати, исходящим из уст Его» (Лк. 4, 16—22).

По церковному преданию, которое мы находим в минейном сказании на день 1 сентября, это событие произошло в первый день иудейского праздника жатвы, который праздновался с 1 по 8 число седьмого месяца, то есть, по нашему календарному счету, 1 сентября. Это и явилось непосредственной причиной того, что повествование об этом событии читается за литургией в день Нового лета. Но этим совпадением во времени не исчерпывается значение этого евангельского повествования для нас, слу-

¹ За исключением храмов, посвященных преп. Симеону Столпнику, память которого празднуется также 1 сентября.

шающих его за церковной службой. В Церковном уставе и вообще в богослужении нет лишенных духовного смысла случайных совпадений во времени. Святая Церковь от нас, пришедших в этот день в храм Божий, ожидает, что мы не останемся праздными слушателями читаемого в церкви, но захотим «насытиться Божественных словес», которые Господь явил, «глаголя иудеям в субботах» (песнь 3-я канона). Она влагает в наши уста молитву: «В делех духовных, богокрасных красящися, наставшее, Господи, лето сие преведи, Владыко, иже верую Тя песнословящие, Боже всяческих» (песнь 3-я канона).

Если с таким настроением и с такой молитвой войдем мы в этот день в храм Божий, если воспитаем в своей душе твердое намерение через предлагаемое нам Церковью богослужение начать вхождение в жизнь Господа Иисуса Христа, приобщиться к Его Божественной жизни и положить «начало благое» обновлению нашего духовного делания, тогда и в читаемом в этот день Евангелии мы услышим не повествование о событиях далекого прошлого, но слово Божие, живое и действенное, обращенное к душе каждого из нас. Тогда услышим мы Христа Спасителя, проповедующего и для нас наступление «лета Господня благоприятного». Ведь в этот день, по словам составителя минейного сказания святителя Димитрия Ростовского, «Сам Законодатель явил Себя миру, сошед с горних высот, нося на Себе дух Отца и написуя закон Божий не перстом, но Божественным Своим языком и пресладкими своими устами, не на скрижалях каменных, но на скрижалях сердца нашего плотных»². Теперь нам станет понятным и намерение Церкви, сделавшей этот день началом круга годовых праздников, в которых она раскрывает нам тайну Божественного домостроительства и через посредство которых сподобляет нас постижения этой тайны и делает нас еще здесь на земле участниками премирного Божественного жития.

В самом деле, этот день, в который Господь начал проповедь Царствия Божия и в первый раз засвидетельствовал об исполнении ветхозаветных пророчеств о пришествии Мессии и тем самым о конце Ветхого и начале Нового Завета, не является ли наиболее благоприятным временем для того, чтобы и мы начали путь нашего спасения, вступили в духовный завет с Господом, а для тех из нас, кто уже идет по этому пути,— для обновления этого завета и восхождения на новую, более высокую ступень своего духовного делания? Об этом напоминает нам не только Евангелие, но и ветхозаветные чтения этого дня. «Аз есмь Господь, любяй правду и ненавидяй хищение от неправды; и дам труд их праведником и завет вечен завещаю им» (Исая 61, 8). О том же говорится и в другой паремии: «И призрю на вы, и возблагословлю вы, и возвращу вы, и умножу вы, и положу завет Мой с вами. И положу завет Мой в вас и не возгнушается душа Моя вами. А похожду в вас, и буду вам Бог, и вы будете Мне людие» (Лев. 26, 9, 11—12).

И через ветхозаветные чтения, и, в особенности, через святое Евангелие мы слышим благую весть о завете Бога с человеком. Но для того, чтобы этот завет стал достоянием нашей духовной жизни, мы должны ответить на призыв Господа, открыть перед Ним свое сердце, чтобы на скрижалях его Он написал Свой закон.

II

Духовная жизнь человека в условиях нашего земного существования всегда протекает во времени. Во времени явилось нам и воплощенное Слово Отчее, Господь наш Иисус Христос, для того, чтобы нас, живущих во времени, приобщить к жизни вечной³. Поэтому время, по учению

² Четьи-Минеи, 1 сентября.

³ Подробнее см. об этом в нашей статье «Богослужение в жизни православного христианина», «Журнал Московской Патриархии», 1955, № 6.

Церкви, является для нас ступенью к вечной жизни. Бог, по словам св. Иринейя Лионского, «создал временные вещи для человека, чтобы, созревая среди них, он производил плод бессмертия»⁴. Служба Нового лета и раскрывает нам Бога преимущественно как Творца мира вообще и, в частности, как Творца времени. Она учит нас относиться к времени нашей жизни, как к орудию нашего спасения. В тропаре этого дня, в котором с наибольшей полнотой выражен духовный смысл всей службы, мы обращаемся к Господу с молитвой: «Всея твари Содетелю, времена и лета во Своей власти положивый, благослови венец лета благодати Твоея, Господи» (4-я стихира на стиховне).

Та же мысль красной нитью проходит и через другие песнопения этой службы. В одной из стихир говорится: «Иже в мудрости вся содетельствовавый, Превечное Слово Отчее, и всяческую тварь всесильным словом Твоим составивый, благослови венец лета благодати Твоея, Господи». В другом месте со всею ясностью подчеркивается значение времени для дела нашего спасения: «Завещав устави и лета во спасение наше, Неизменне» (3-я стихира на стиховне).

Эта мысль, это отношение к времени, как к орудию нашего спасения, является одной из важнейших истин, усвоение которой не умом только, но сердцем и жизнью, должно стать плодом духовного восприятия нами праздника Нового лета. Это и есть то самое «лето Господне благоприятное», проповедь которого мы слышали в прочитанном на литургии Евангелии. Этот «устав лета во спасение» раскрывает Святая Церковь перед человеческой душой на протяжении всего годового богослужебного круга.

Годовой круг богослужения охватывает весь цикл праздников от Рождества Пресвятой Богородицы до Ее Успения. Его можно разделить на три части: первая часть — от Рождества Пресвятой Богородицы, вернее от Новолетия, до Рождества Христова — охватывает время до пришествия в мир Спасителя Иисуса Христа, то есть события Ветхого Завета; вторая часть — от Рождества Христова до отдания Вознесения — раскрывает перед нами земную жизнь Христа Спасителя; третья часть — от дня Пятидесятницы до отдания Успения Пресвятой Богородицы — посвящена жизни Церкви на земле после вознесения Спасителя на небо. Впрочем, эта историческая последовательность праздников не всегда точно соблюдается в богослужебном круге. Так, например, праздник Сретения Господня, с точки зрения исторической последовательности событий земной жизни Спасителя, должен был бы предшествовать празднику Крещения Господня. Между тем, в порядке богослужебного круга Сретение следует за Крещением. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, по исторической последовательности событий, относится к первой части богослужебного круга, в действительности же он празднуется 25 марта, то есть следует за праздником Сретения и обычно предшествует празднику Пасхи. Преображение Господне должно было бы относиться ко второй части богослужебного круга, в действительности оно празднуется 6 августа, то есть за 9 дней до праздника Успения.

Для такого расположения великих праздников имеются свои исторические основания. Сретение, например, празднуется на сороковой день после Рождества Христова, Богоявление же — непосредственно за Рождеством Христовым, так как в древности последние два праздника совершались в один день. А день Благовещения Пресвятой Богородицы, в который совершилось непорочное зачатие Христа Спасителя, естественно, отделен от Рождества Христова промежутком в девять месяцев.

Однако в богослужебном круге расположение праздников подчиняется не только исторической их последовательности, но в еще большей степени подчинено принципу последовательного раскрытия тайны Божественного домостроительства и восприятия этой тайны человеческой

⁴ Творения, СПб, 1900, стр. 396.

душой. Именно в этой последовательности, как ступени духовного восприятия человеком Божественной тайны, каждый день церковного года имеет свое совершенно определенное, ему одному принадлежащее, место.

Для того, чтобы сделать это более понятным, проведем параллель между годовым богослужебным кругом и Божественной литургией, которая также раскрывает нам тайну Божественного домостроительства, «как бы одно некое тело истории». «Все тайноводство есть как бы одно некое тело истории, от начала до конца сохраняющее стройность и целостность, так что каждый отдел действий или слов сообщает целому особую сторону законченности» (Николай Кавасила)⁵.

Константинопольский патриарх Паисий, церковный писатель XVII века, в своем кратком изъяснении Божественной литургии обращает внимание на то, что хотя литургия в целом представляет собою последовательное раскрытие Божьего домостроительства, отдельные элементы ее не всегда строго соответствуют исторической последовательности событий. «Не соблюдается на литургии,— пишет патриарх Паисий,— порядок таинств применительно к порядку времени, в котором Христос их преподавал, а изображаются они — одни прежде, другие после; так, святое приобщение, которое Христос преподавал ученикам Своим перед страданием, мы совершаем уже после воспоминания Его смерти и воскресения»⁶.

Такое отступление от исторической последовательности патриарх Паисий объясняет тем, что главное в богослужении заключается не в последовательном положении исторических событий, а в том, чтобы в вещественных символах и видимых вещах раскрывать невещественное и премирное, другими словами, в том, чтобы сделать богослужение путем, вводящим человека в духовную жизнь. В этой связи он отмечает, что отдельные действия и символы могут иметь много значений, «смотря по различию времени, места и слов». Так, например, предложение (жертвенник) на проскомидии обозначает одновременно вифлеемский вертеп, Голгофу и престол благодати Господа нашего Иисуса Христа». Это объясняется тем, что уже во время проскомидии, вынимая частицы и поминая живых и умерших, а также прославляя святых и Божию Матерь и полагая эти частицы на дискосе рядом с Божественным Агнцем, мы одновременно предстоим и Вифлеемской пещере, и Животворящему Кресту, и Гробу Господню, и престолу славы и благодати Его, «ища отпущения наших грехов».

То же самое имеет место и с последовательностью праздников в годовом круге. Праздник Преображения, например, хотя в исторической последовательности и предшествовал крестной смерти и воскресению Спасителя, с точки зрения духовной последовательности непосредственно предшествует празднику Успения Пресвятой Богородицы, празднику, в который мы прославляем не только успение, но и воскресение, и вознесение на небо преображенной плоти Богоматери.

III

«Пребезначальное Начало начало приемлет из Тебе, Богомати, плотским временем»,— читаем мы в одном из тропарей 4-й песни второго канона празднику Рождества Пресвятой Богородицы. Это означает, что время, в котором по условиям земного существования протекает наша духовная жизнь, не есть отвлеченная последовательность сменяющихся душевных явлений, но «плотское время», то есть время, измеряемое мерою движения элементов материального мира, время природное. Естественно поэтому, что совершаемое нами на земле Богослужение,

⁵ Изъяснение Божественной литургии, глава 16. Писания святых отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию богослужения, т. III, СПб, 1857.

⁶ Там же, стр. 432.

хотя оно и приобщает нас к жизни премирной, вместе с тем подчиняет движение и ритм нашей духовной жизни циклам природного времени, развертывает круг своих священнодействий в пределах солнечных суток и солнечного года. Отдельные этапы этих естественных циклов и связанные с ними явления природы рассматриваются при этом как символы духовного мира. Так, начало церковного года совпадает с началом осени, как и суточный круг начинается с вечера. С первого взгляда может показаться, что такой порядок находится в резком противоречии с естественным течением суток и года. Нам кажется, что день более правильно начинать утром или, по крайней мере, в полночь, а годовой круг весной. Ведь именно в то время происходит пробуждение природы и обновление ее жизни, поэтому само собой разумеющимся кажется, что именно утро и весна должны считаться началом дня и года. Однако принятый Церковью порядок освящен авторитетом древности. В Ветхом Завете, как и в Христианской Церкви, год начинался с осени, а день с вечера. Тот же порядок исчисления времени был принят и у других народов древнего Востока⁷.

Но, кроме этих исторических оснований, принятый Церковью порядок имеет глубокие основания в самой богослужебной символике. Как и большинство богослужебных символов, осень и вечер имеют двоякий духовный смысл. С одной стороны, в них раскрывается определенный этап нисхождения Бога к человеку; с другой — они могут рассматриваться как ступени духовного восхождения к небу. Движение солнца на запад в вечерние часы и на север в дни осени и следующей за ней зимы напоминают нам о той первозданной тьме, о которой говорится на первой странице книги Бытия: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою (Быт. 1, 2). В эту первозданную тьму снизошло творческое слово Божие: «Да будет свет. И стал свет». Так после вечера родилось утро первого дня мироздания. С другой стороны, вечер и осень, начинающие дневной и годовой круг богослужения, напоминают нам о состоянии отделившегося от Бога, изгнанного из «рая сладости» и, вместе с тем, с упованием ожидающего пришествия в мир Спасителя ветхозаветного человечества. Ветхому Завету посвящена первая часть годового богослужебного круга. То же самое относится и к первой службе суточного круга — вечерне⁸.

Наконец, есть основание для принятого Церковью порядка, имеющее уже непосредственное отношение к нашей духовной жизни. «Основание начинать год осенью,— говорит об этом прот. Дебольский,— указано отчасти самую природою. Указание природы видно в том, что с окончанием лета обычно оканчиваются жатва и труды года (см. Исх. 23, 16). По собрании плодов, как по достижении цели природы и земледелия, наступает новый кругооборот дел и новых надежд на будущее плодородие»⁹. Собранные с осени плоды и подготовка в это время года к новому посеву и жатва напоминают нам о том, что и в духовной жизни, вступая в новый церковный год, мы должны принести с собой плоды предшествующих лет нашего делания и положить их в основание новых, более высоких ступеней духовного восхождения.

Но как же быть тем, кто, вступая в новый церковный год, не может принести с собою таких плодов, тем, что или вовсе не начинал еще духовного делания, или, живя «на стране далеча», растерял собранные когда-то плоды и, как первозданный человек после своего падения, лишенный Божественной красоты, стоит перед закрытыми воротами рая?

⁷ См. об этом в книге прот. Г. С. Дебольского. Дни Богослужения Православной Церкви, т. I, стр. 677.

⁸ См. об этом в указанной уже, моей статье, «Журнал Московской Патриархии» 1955, № 6.

⁹ П. С. Дебольский, прот., Цит. соч., стр. 677. См. также Следованную псалтирь, 1 сентября.

Ответ на этот вопрос может нам дать рассмотрение той части богослужебного круга, которая изображает состояние ветхозаветного человечества и в особенности службы первого великого праздника церковного года Рождества Пресвятой Богородицы.

IV

На все богослужение Православной Церкви, совершаемое ею с 1 сентября, дня церковного Новолетия, до праздника Рождества Христова, можно смотреть, как на время Ветхого Завета, время, когда лучшие люди — праотцы, пророки и праведники — жили верою в Грядущего Спасителя, Который, по обетованию Божию, должен был придти на землю и стереть главу змия. В этот период времени Святая Церковь, преимущественно перед всеми другими временами церковного года, совершает память событий, послуживших приготовлением к пришествию в мир Спасителя, и память ветхозаветных праведников, верою ожидавших этого пришествия.

Кроме двух великих Богородичных праздников — Рождества Пресвятой Богородицы (8 сентября) и Введения Ее во храм (21 ноября), которые непосредственно готовят нас к празднику Рождества Христова, за этот период времени празднуется память многих ветхозаветных праведников и пророков. Так, 9 октября Святая Церковь совершает память праотца Авраама, которого апостол Павел назвал отцом всех верующих во Христа (Гал. 3, 7 и 29); 4 сентября — Боговидца пророка Моисея, выведшего израильский народ из Египта (Евр. 11, 24—29) и не только предсказавшего пришествие Христа, но и бывшего прообразом этого пришествия; 1 сентября — преемника Моисея, праведного Иисуса Навина, пророков Аввакума (2 декабря), Авдия (19 ноября), Аггея (16 декабря), Варуха (28 сентября), Иоила (19 октября), Ионы (22 сентября), Наума (1 декабря), Осии (17 октября), Даниила и трех отроков Анании, Азарии и Мисаила (17 декабря), святых праведных Захарии и Елисаветы (5 сентября), святых богоотцев Иоакима и Анны (9 сентября). Наконец, два воскресенья, предшествующие празднику Рождества Христова, посвящены празднованию памяти всех вообще праотцев Христа Спасителя по плоти и ветхозаветных праведников, начиная от Адама до времени, непосредственно предшествовавшего пришествию в мир Спасителя.

Вместе со всеми ветхозаветными праведниками мы в эти дни готовимся к тому, чтобы встретить Грядущего в мир Спасителя и в самый день праздника вместе с вифлеемскими пастырями и волхвами поклониться Сыну Божию, повитому пеленами и лежащему в яслях. Какой же смысл для нашей духовной жизни имеет это приобщение к деланию ветхозаветных праведников и в чем состоит самое их делание?

Мы знаем, что хотя первозданный человек после своего грехопадения умер духовно, Господь не оставил Своего падшего творения. Уже согрешившему Адаму Он дал обетование, что «семя Жены сотрет главу змия» (Быт. 3, 15). Это обетование пришествия Спасителя было повторено Ною, Аврааму, Моисею, о Нем говорили все пророки. Ветхий Завет был истинным заветом Бога и человеков. Только, в противоположность Новому Завету, он был заветом обетования. Исполнение этого обетования и ждали ветхозаветные праведники. Они жили верою в Грядущего Спасителя (см. Евр., гл. 11) и в терпении ожидали исполнения обетования, с покаянной молитвой о своих грехах обращаясь к Богу. И теперь, хотя Спаситель уже пришел на землю, хотя открыта для нас дверь рая, но многие из нас не имеют «одежды первыя», чтобы войти в брачный Чертог Сына Божия. Многие из нас не имеют того, что имели ветхозаветные праведники: веры, с которой они ожидали Грядущего Спасителя; терпения, с которым они переносили труды своего земного

странствования; покаяния, с которым оплакивали они свои грехи. Поэтому-то и предлагает нам Святая Церковь в эти первые дни церковного года приобщиться к их деланию, последовать их примеру. Поэтому-то Святая Церковь не только в эти дни, но и на протяжении всего церковного года, такое большое место уделяет Ветхому Завету. Нет других слов, с которыми лучше могли бы мы обратиться к Богу с покаянной молитвой, чем слова 50-го псалма: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое». Нет другого славословия, более сильного и вдохновенного, и вместе с тем исполненного упования и смирения, чем песнь трех отроков, которая положена в основание 7-й и 8-й песни канона на утрени: «Благословен еси, Господи Боже отец наших, и препетый и превозносимый во веки. И благословенно имя славы Твоя Святыя, препетое и превозносимое во веки. Благословен еси в храме святыя славы Твоя, Препетый и Превозносимый во веки». Воистину велика была вера их, которую мы прославляем в тропаре, посвященном их памяти: «Велия веры исправления, во источнике пламене, якоже на воде упокоения, трие Твои отроцы радовахуся, и пророк Даниил львом пастырь, якоже овцам являшеся. Тех молитвами, Христе Боже, спаси души наша».

V

Ветхий Завет был по преимуществу временем Божиих обетований о спасении и человеческих упований на это грядущее спасение. Но, наряду с этим, в нем было уже положено начало и исполнения этих обетований. Когда мы читаем в Евангелии книгу родства Иисуса Христа, с которой начинается Евангелие от Матфея, нам становится ясным этот путь приготовления человеческого рода к рождению на земле Сына Божия. Из всех народов земли Господь избирает Себе для этого народ израильский, и из всех родов израилевых — род пророка и царя Давида и первосвященника Аарона, чтобы из их потомства произошел по плоти Христос. Последним звеном этой цепи божественных избраний и вместе с тем началом нашего спасения было Рождество Пресвятой и Преблагословенной Владычицы нашей Богородицы, которое Святая Церковь празднует 8 сентября, в самом начале церковного года. Можно даже сказать, что в Рождестве Пресвятой Богородицы заключается весь смысл Ветхого Завета, который был не чем иным, как приготовлением пречистой плоти Той, от Которой должен был родиться Христос Спаситель.

«Настоящий праздник есть для нас начало праздников,— говорит об этом св. Андрей Критский в слове на Рождество Пресвятой Богородицы.— Служа пределом закона и прообразованьям, он вместе с тем служит дверью к благодати и истине. Праздник сей может еще называться средним и последним. Его начало — окончание закона; середина — соединение двух заветов; конец — откровение истины, кончина бо закона — Христос (Рис. 10, 4), Который освобождая нас от буквы закона, возводит к Духу».

Рождество Пресвятой Богородицы — первый в году Богородичный праздник. Поэтому в его службе мы можем найти все основные черты, которыми характеризуется отношение Святой Церкви к Божией Матери. Православное богослужение, как известно, уделяет особое внимание прославлению Божией Матери, которое совершается не только в дни Богородичных праздников, но и во все остальные дни года, во всем богослужении суточного, седмичного и годового круга. Даже в дни Святой Пасхи, когда прекращается служба святым, начиная со второго дня праздника после канона Пасхи имеется особый канон Богородице. Это объясняется тем исключительным местом, которое занимает Божия Мать по отношению к Господу Иисусу Христу, с одной стороны, и к человеческому роду, с другой. Это отношение раскрывается нам прежде

всего в паремиях, читаемых в день Рождества Пресвятой Богородицы, в которых мы находим ветхозаветные прообразы и пророчества о Божией Матери, и далее во всей полноте — в песнопениях и канонах, посвященных Церковью этому празднику.

По отношению к Господу Божия Мать есть Лествица, по которой сходит с неба на землю Господь. Она есть дверь, обращенная к востоку, ожидающая входа Святителя Великого. И, наконец, дом, который создает Себе Премудрость Божия, Единородный Сын и Слово Отчее. Этот последний образ особенно часто встречается в богослужении, которое постоянно именуется Божью Матерью домом и храмом Божества. Уже в первых стихирах праздника Рождества Пресвятой Богородицы Божия Мать именуется престолом святым, который предуготовал Себе, «Иже на разумных престолах почиваяй Бог» (1-я стихира на Господи, воззвах) и «чертогом Света» (2-я стихира на Господи, воззвах). Еще раньше, в службе предпразднства Божия Мать именуется храмом, «в нем же жилище Себе сотворив, жилище Святыя Троицы верные соделывает Пресущественный» (песнь 3-я канона).

Этим, однако, не исчерпывается отношение Божией Матери к Господу Иисусу Христу. Чрезвычайному по естеству служению Пресвятой Девы как Матери Божией, во утробу Которой вселилась вся полнота Божества телесно, соответствовало и личное Ее совершенство, особая целостность Ее души, всецело прилепившейся к Господу, «безраздельная преданность Богоматери Ее Небесному Сыну, как Богу и Устроителю Царства Божия, всецелое объединение Ею Своей судьбы с судьбами этого Царства»¹⁰. Без Ее добровольного согласия на воплощение («буди Мне по глаголу твоему», Лк. 1, 38) не могла бы состояться искупительная жертва. Она добровольно соумирала Господу, когда, по словам праведного Симеона, «оружие прошло Ей душу» и, стоя при Кресте Сына Своего и Бога, Она в лице апостола Иоанна усыновила Себе весь род человеческий. Всем этим Пресвятая Дева становится воистину «Начальницей мысленного наздания (воссоздания)» (акафист, икос 10), «то есть начатком или начавшей в Себе духовное воссоздание человечества, как бы первый случай или пример такого воссоздания»¹¹. Поэтому и праздник Рождества Пресвятой Богородицы может рассматриваться как начало искупления человеческого рода, начало нашего спасения и освобождения от власти тления и смерти. Он возвещает эту радость не только людям, но вместе с ними и всей твари; он является началом созидания Нового Неба и Новой Земли. «Днесь Ева разрешается осуждения, разрешается же и неплодство, и Адам древния клятвы, о Рождестве Твоем: Тобою бо от тли избавихомся» (песнь 5-я второго канона). «Срадуется Тебе днесь, богомудренная Анно, вселенная, Избавителя бо тоя Мать процвела еси» (песнь 4-я второго канона). Так воспевают в этот день Святая Церковь Божию Матерь в каноне, составленном св. Андреем Критским. Ту же мысль еще яснее и определеннее высказывает этот св. отец в своем слове на Рождество Пресвятой Богородицы. «Кратко сказать,— говорит он,— ныне начинает обновляться природа; древний мир воспринимает начало второго боговидного сотворения и образования».

Если таково отношение Божией Матери к Господу, то в чем же заключается Ее отношение к человеческому роду? Это отношение раскрывается нам прежде всего в тех же ветхозаветных образах. Если по отношению к Господу Богоматерь есть Лествица, по которой Господь нисходит к человекам, то для нас Она — Лествица, возводящая нас от земли на небо. Если по отношению к Господу Она — дверь, обращенная к мысленному востоку и вводящая Христа во вселенную (праздничная

¹⁰ Митрополит Сергей, Почитание Божией Матери по разуму св. Православной Церкви. «Журнал Московской Патриархии», 1932, № 11—12, стр. 8.

¹¹ Митрополит Сергей, Цит. статья, стр. 10.

стихира по 50-м псалме), то для нас Она является дверью нашего спасения, дверью, открывающей нам бездну человеколюбия и милосердия Божия. Недаром одной из самых близких сердцу православного христианина молитв, обращенных к Божией Матери, является тропарь: «Милосердия двери отверзи нам, благословенная Богородице, надеющиеся на Тя да не погибнем, но да избавимся Тобою от бед. Ты бо еси спасение рода христианского». Наконец, если по отношению к Господу Она есть дом, который устроил Себе на земле Единородный Сын Божий, чертог и селение славы Его, то для нас Она — священный храм, «церковь небообразная словесного Христова стада»¹², «обширное селение Слова, Пречистая Дево, пространно не только для Бога-Слова как царя, но и для нас, притекающих к Богу, вселившемуся в Нее: Бога вмещает во утробе, нас же во Своем благоутробии»¹³.

Вместе с тем, — и это особенно важно для нас, — будучи «честнейшею херувим и славнейшей без сравнения серафим», Божия Мать по естеству принадлежит нашему человеческому роду и потому является нашим человеческим даром Богу. «Ныне Адам приносит от нас начатки Богу, — достойнейший плод человечества — Марию, в Которой Новый Адам бессеменно делается хлебом жизни для человеков»¹⁴.

В этих словах св. отца мы видим еще и другую, важнейшую для нас сторону отношения Божией Матери к человеческому роду. Будучи нашим даром Господу, Она вместе с тем становится для нас подательницей Божественных Даров, престолом и трапезою Хлеба Животного, началом нашего обожения, содействующей нас жилищем Пресвятой Троицы. Будучи от рода нашего, Она разрешает неплодство человеческого естества. Этому Святая Церковь уделяет большое внимание в службе Рождества Пресвятой Богородицы, в которой неоднократно вспоминаются родители Богоматери, св. праведные Иоаким и Анна, до глубокой старости оставшиеся неплодными. Минейное сказание и служба Рождеству Богородицы подробно рассказывают нам о том поношении, которое они терпели ради своего неплодства, об их скорби и вместе с тем вере, молитве и уповании на Бога. «Анна богомудренная свое бесчадие помянувше, вопияше: увы мне, Господи, Господи, аз грешна» (1-я стихи́ра на стиховне). «Анна богомудренная бесчадием боле неплодия, тем же вопияше к Богу: неплодия узы разреши» (2-я стихи́ра на стиховне). И Господь не оставил без ответа эту горячую, исполненную скорби и вместе с тем упования молитву. «Молитва, купчо и воздыхание неплодства и бесчадства, Иоакима же и Анны благоприятное, и во уши Господни вниде, и прозябе плод живоносен миру. Ов бо молитву на горе творяше, ова же в саде поношение ношаше; но с радостью неплоды раждает Богородицу и Питательницу жизни нашея» (икос).

Можно сказать, что в образе св. праведных Иоакима и Анны в совершеннейшей степени собраны все черты ветхозаветных праведников, о которых мы говорили, раскрывая значение первой части годового богослужебного круга и к подражанию которым в эти дни призывает нас Святая Церковь. Упование и вера, терпение, покаяние и молитва — вот черты, которые в совершенной степени были свойственны св. боготцам Иоакиму и Анне. Недаром же Святая Церковь постоянно прибегает к их молитвенной помощи, вспоминая их на отпусте каждой церковной службы.

Несмотря на то, что Рождество Пресвятой Богородицы было единственным в истории человеческого рода событием, мы можем сказать, что Господь и ранее в Ветхом Завете неоднократно испытывал веру праведников, посылая им тягость неплодства, которое по вере и молитве их

¹² Преп. Иоанн Дамаскин. Слово на Рождество Пресвятой Богородицы.

¹³ Жития святых, Книга I, Слово на Рождество Пресвятой Богородицы.

¹⁴ Св. Андрей Критский. Слово на Рождество Пресвятой Богородицы.

разрешалось рождением великих праведников. Так было с родителями Самсона и Самуила, так было со святыми праведными Захариею и Елисаветой, родителями величайшего из всех ветхозаветных пророков Иоанна Крестителя.

«Но почему Дева-Матерь родилась от неплодной?» — спрашивает преп. Иоанн Дамаскин. — Потому что чудесами должно было предуготовить путь к главнейшему из чудес... Впрочем, я знаю и другую причину сего, — именно: природа уступает могуществу благодати и, объятая трепетом, останавливается и не смеет идти далее» (Слово на Рождество Пресвятой Богородицы). Мы можем сказать поэтому, что праздник Рождества Пресвятой Богородицы, как праздник разрешения неплодства человеческого естества, является особенно близким всем тем, кто, вступая в новый церковный год, приносит с собою в храм Божий не плоды, собранные многими годами духовного делания, а сердце неплодное, кто приходит сюда, не имея, что принести в дар Богу. Как Рождеством Пречистой Девы началось приуготовление жилища для вселения Божественного Слова, так и для тех, кто только вступает на путь духовного восхождения по ступеням годового богослужебного круга, соучастие в самом начале церковного года в праздновании Рождества Пресвятой Богородицы должно стать началом очищения и приготовления непорочного храма своей души для того, чтобы то рождение Превечного Христа-Бога, которое совершилось в жизни Богоматери по естеству, имело бы место по благодати и в их жизни. В этом делании ни у кого из святых не можем мы найти такой скорой и действенной помощи, как у Самой Матери Божией. «Здесь вмещается целомудренный, и грешному здесь не тесно. Кающийся имеет в Ней свое место, и для отчаявшихся Она есть невозбранное пристанище. В благоутробии Ее без тесноты вмещаются все скорбящие, обидимые, алчущие, странствующие, буруемые, больные. Ибо не может не быть милосердной Та, утроба Которой родила нам благого Бога».

Прот. К. Константинов

СМЫСЛ И ЯЗЫК ИКОН

(Окончание)

Исходя из смысла и содержания иконы, Отцы Седьмого Вселенского Собора, утвердив возможность передавать через освященную воплощением Богоматерию благодатное состояние человека, и постановили поставлять иконы для почитания повсеместно, подобно изображению Честного и Животворящего Креста: «во святых Божиих церквах, на священных сосудах и одеждах, на стенах и на досках, в домах и на путях»⁶². Это постановление Священного Собора свидетельствует о том, что в сознании Церкви роль иконы, передаваемая преданием, не ограничивается хранением памяти о священном прошлом. Роль ее как в Церкви, так и в мире отнюдь не консервативная, а динамически строительная. Икона рассматривается как один из путей, при помощи которых можно и должно стремиться к достижению поставленной перед человечеством задачи уподобления первообразу, к воплощению в жизни того, что явлено и передано Богочеловеком. В этом смысле иконы ставят повсеместно как Откровение будущей святости мира, его грядущего преображения, проект его реализации и, наконец, как проповедь благодати и присутствие в мире освящающей его святости. «Ибо святые и при жизни были исполнены Святого Духа. Так же и по смерти их благо-

⁶² Определение Седьмого Вселенского Собора.

дать Святого Духа неистощимо пребывает и в душах, и в телах, лежащих во гробах, и в их чертах, и в святых их изображениях»⁶³.

Таким образом, когда в XIV веке, в ответ на схоластическое учение, выявившееся в споре о фаворском свете, Церкви пришлось явить в форме догматического определения свое учение об обожении человека, то она уже не только фактически, духовным опытом своих подвижников, но и образно, на языке искусства, учила о действии в человеке божественной энергии, о благодатном его озарении, преображении. Этот наметившийся в первохристианскую эпоху вдвойне реалистический язык церковного искусства получает свое догматическое обоснование в связи с утверждением догмата о вочеловечении Второго Лица Святой Троицы («Бог стал человеком») в первый период истории Церкви, завершившийся торжеством Православия. Во второй период, в течение шести веков после иконоборчества, когда центральным вопросом является вопрос о Святом Духе в связи с защитой другого аспекта того же догмата («чтобы человек стал богом»), образный язык Церкви совершенствуется и уточняется. В этот период окончательно складывается тот, ставший классическим, язык иконы, который вполне соответствует ее содержанию. С этим периодом связан и расцвет церковного искусства в разных православных странах: в Греции, на Балканах, в России, Грузии и других.

Однако, как сама святость, отражением которой является икона, проявляется по-разному в разных народах и эпохах в соответствии с их особенностями, так и каждый народ и каждая эпоха, передавая в образах одну и ту же истину, создают иконы различных типов, порой очень близких, порой сильно отличающихся один от другого. В этом нет противоречия, ибо единое откровение выражается в различных своих аспектах в зависимости от потребностей той или иной эпохи, того или иного народа. Так, суровая иератичность икон византийских не противоречит мягкости и умиленности икон русских, ибо Бог не только Вседержитель и грозный Судия, но и Спаситель мира, принесший Себя в жертву за грехи людей. Как уже в первохристианскую эпоху, так и впоследствии, икона не ограничивается выражением одной догматической, духовной, то есть внутренней жизни Церкви. Через людей, которые ее творят, она находится в живой связи с внешним миром, являя духовный облик каждого народа, его характер, его историю, средствами и способами, свойственными каждой эпохе и каждому народу, отвечая на всю сложную проблематику момента и места. Но как бы сильно ни проявлялись в иконе черты, связывающие ее с внешним миром, все же они являются только внешними признаками, а не сущностью иконы, которая заключается прежде всего в выражении церковного учения.

В связи с даром выражения, свойственным как отдельному человеку, так и целому народу, а также в связи с тем, в какой мере Откровение опытно переживается, оно и передается в образе более или менее совершенно. Эти два положения лежат в основе как общности, так и различия, которые существуют между иконами различных народов и эпох. Степень подчинения дара выражения Откровению, которое он должен выразить, и обуславливает духовную высоту и чистоту образа. В этом смысле наиболее характерен пример Византии и России, двух стран, в которых церковное искусство достигло наибольшей высоты своего выражения. Искусство Византии, аскетическое и суровое, торжественное и изысканное, не всегда достигает той духовной высоты и чистоты, которые свойственны общему уровню русской иконописи. Оно выросло и сформировалось в борьбе, и эта борьба наложила на него свой отпеча-

⁶³ Св. Иоанн Дамаскин. I Слово в защиту святых икон, § 19, P.G. 99, col. 1249 CD.

ток. Византия (хотя ею были восприняты и достижения римской культуры) — главным образом, плод античной культуры, богатое и разнообразное наследие которой она была призвана воцерковить. На этом пути, в связи с присущим ей даром глубокой, изощренной мысли и слова, она воцерковила все, что касалось словесного языка Церкви. Она дала великих богословов; она сыграла большую роль в догматической борьбе Церкви, в том числе решающую роль в борьбе за икону. Однако, в самом образе, несмотря на высоту художественного выражения, часто остается некоторый налет не до конца изжитого античного наследия, которое дает себя чувствовать в большей или меньшей степени в разных преломлениях, отражаясь на духовной чистоте образа⁶⁴. Даже памятники классической эпохи этого искусства, как, например, мозаики св. Софии в Константинополе XII века, не лишены определенно выраженной плотской тяжести; в них чувствуется не до конца обретенный душевный и телесный покой⁶⁵. Мозаики же IX века в той же Константинопольской Софии дышат определенной античной чувственностью⁶⁶. С этой же неизжитостью и зависимостью от материи мы часто встречаемся и в византийских, и, позже, в греческих иконах.

Наоборот, Россия, которая не была связана всем комплексом античного наследия и культура которой не имела столь глубоких корней, достигла совершенно исключительной высоты и чистоты образа, которыми русская иконопись выделяется из всех разветвлений православной иконописи. Именно России дано было явить то совершенство художественного языка иконы, которое с наибольшей силой открыло глубину содержания литургического образа, его духоносность. Можно сказать, что если Византия дала миру по преимуществу богословие в слове, то богословие в образе дано было Россией. В этом смысле характерно, что вплоть до Петровского времени среди русских святых мало духовных писателей; зато многие святые были иконописцами, начиная с простых монахов и кончая митрополитами. Русская икона не менее аскетична, чем икона византийская. Однако аскетичность ее совершенно другого порядка. Акцент здесь ставится не на тяжесть подвига, а на радость его плода, на благодать и легкость бремени Господня, о которых Он Сам говорит в Евангелии, читаемом в дни святых аскетов-преподобных: «Возмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим. Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть» (Мф. 11, 29—30). Русская икона — высшее выражение в искусстве богоподобного смирения. Поэтому, при необычайной глубине ее содержания, она по-детски радостна и легка, полна безмятежного покоя и теплоты. Соприкоснувшись через Византию с античными традициями, главным образом в их эллинской основе (в римской их переработке), русская иконопись не поддавалась обаянию этого античного наследия. Она пользуется им лишь как средством, до конца воцерковляет,

⁶⁴ Развитие церковного искусства на византийской почве вообще «было сопряжено с целым рядом затяжных кризисов, ренессансов античной классики... Такой рецидив античности был очень силен в IV веке, когда торжествующее христианство почти целиком переняло изобразительный аппарат античности. Аналогичные развороты к классике были спорадическим явлением на византийской почве» (В. Лазарев. История византийской живописи, I, стр. 39). По существу эти «ренессансы античной классики» были не чем иным, как отзвуками в области церковного искусства того общего процесса воцерковления, которому подвергались все стороны античного мировоззрения. В этом процессе влияния в христианство, в Церковь шло много такого, что воцерковлению не подлежало и потому воцерковиться не могло, но налагало на церковное искусство свой отпечаток. Это и делали эти «ренессансы», вводя в это искусство иллюзорность и чувственность искусства античного, совершенно чуждые Православию. Много позже те же самые элементы, искусственно возрожденные в итальянском ренессансе, вторгаются в церковное искусство под видом натурализма, идеализма и проч.

⁶⁵ Например, Деисис — мозаика южной галереи.

⁶⁶ Например, мозаики абсиды: Богоматерь с Богомладенцем на троне и архангел Гавриил на своде вимы.

преображает его, и красота античного искусства обретает свой подлинный смысл в преображенном лице русской иконы⁶⁷.

Вместе с христианством Россия получила от Византии в конце X века уже установившийся церковный образ, формулированное о нем учение и зрелую, веками выработанную технику. Ее первыми учителями были приезжие греки, мастера классической эпохи византийского искусства, которые уже с самого начала в росписях первых храмов, как, например, Киевской Софии (1037—1161/67), пользовались помощью русских художников⁶⁸. К XI веку относится и деятельность учеников греков, первых известных русских святых иконописцев, монахов Киево-Печерского монастыря, преподобного Алипия (Алимпия), (ум. около 1114 года) и его сотрудника преподобного Григория. Св. Алипий считается родоначальником русской иконописи. С детства начавший заниматься иконописью с приезжими греческими мастерами, затем постригшийся в монахи и ставший священником, он отличался неустанным трудолюбием, смирением, чистотой, терпением, постом и любовью к богомыслию. «Никогда же бо огорчился еси на оскорбляющих тя, ниже воздал еси злом за зло», — поется ему в церковном песнопении⁶⁹. Это был один из подвижников-аскетов, прославивших Киево-Печерскую Лавру⁷⁰. В лице св. Алипия и Григория русское церковное искусство с самого начала своего существования направляется людьми, просвещенными непосредственным ведением Откровения, которых впоследствии так много имела русская иконопись. К сожалению, несмотря на свидетельства о многочисленных написанных этими первыми иконописцами иконах, о них до сих пор существуют лишь предположения и догадки, но с достоверностью мы ничего не знаем. Вообще о Киевском периоде русского церковного искусства пока можно судить главным образом по фрескам и мозаикам. Монгольское нашествие, около середины XIII века захлестнувшее большую часть России, не только уничтожило очень многое, но и в значительной мере подорвало производство новых икон. Сохранившиеся же и до сих пор открытые иконы этого периода, которых очень мало, относятся к концу XI, XII и XIII веков, причем почти все они с большей или меньшей достоверностью приписываются Новгороду, истоки искусства которого также восходят к XI веку.

Иконам домонгольского периода присуща исключительная монументальность, свойственная стенной живописи, под воздействием которой русская иконопись находится еще в XIV веке, и лаконизм художественного выражения как в композиции, так и в фигурах, жестах, складках одежд и т. д. Колорит их, в котором преобладают темные тона, сдержан и сумрачен. Однако уже в XIII веке этот сумрачный колорит начинает сменяться характерно русскими цветистыми и яркими красками. Появляется больше внутренней и внешней динамики, склонность к большей плоскостности. Ранние иконы, при наличии в них русских черт, еще находятся в большей или меньшей зависимости от греческих образцов. Можно полагать, что XII век проходит под знаком ассимиляции воспринятых от Византии принципов и форм церковного искусства, которые в XIII веке уже выступают в национальном русском преломлении, нашед-

⁶⁷ Русская иконопись представляет собой самую крупную и пока наиболее обследованную ветвь православного церковного искусства. Поэтому в дальнейшем мы останавливаемся лишь на ее характеристике, хотя и краткой, не касаясь искусства других православных стран.

⁶⁸ В. Лазарев, Цит. соч., стр. 94. Ввиду того, что христианство распространялось в России уже до X века, нам кажется, можно не сомневаться в наличии местных русских иконописцев и в эпохи, предшествовавшие официальному его принятию, хотя положительных данных по этому вопросу мы пока не имеем.

⁶⁹ Тропарь 8 гласа. Канон святому.

⁷⁰ М. и В. И. Успенские, Заметки о древнерусской иконописи. Св. Алипий и А. Рублев. СПб, 1901, стр. 6.

шем окончательное свое выражение в XIV веке⁷¹. Иконы этого периода отличаются свежестью и непосредственностью выражения, яркими красками, чувством ритма и простотой композиции. К этому периоду относятся деятельность прославленных святых иконописцев — митрополита Московского Петра (ум. 1326) и архиепископа Ростовского Феодора (ум. 1394).

XIV, XV и первая половина XVI века представляют собой расцвет русской иконописи, совпадающий с расцветом святости, и именно преподобия, которое резко падает во второй половине XVI века. Это время дает наибольшее количество прославленных святых, особенно XV век: с 1420 по 1500 г. число прославленных, скончавшихся за этот период, достигает 50 человек.

Грань XIV и XV столетий связана с именем величайшего иконописца, преподобного Андрея (Рублева), работавшего со своим другом и учителем преподобным Даниилом (Черным). За последнее десятилетие открыт целый ряд написанных им фресок и икон, среди которых первое место занимает непревзойденная Троица. Необычайная глубина духовного прозрения преподобного Андрея нашла свое выражение при посредстве совершенно исключительного художественного дара. Творчество Андрея Рублева — наиболее яркое проявление в русской иконописи античного наследия. Вся красота античного искусства оживает здесь, просвещенная новым и подлинным смыслом. Его живопись отличается юношеской свежестью, чувством меры, максимальной цветовой согласованностью, чарующим ритмом и музыкой линий. Влияние преподобного Андрея в русском церковном искусстве было огромным. Отзывы о нем сохранились в иконописных подлинниках и Собор, созданный для решения вопросов, связанных с иконописью, в 1551 году в Москве митрополитом Макарием, который сам был иконописцем, принял следующее постановление: «Писать живописцем иконы с древних образцов, как

⁷¹ В связи с местными особенностями определяется и особый характер творчества. Так, например, вкус новгородцев к простому, сильному и выразительному проявился и в новгородском церковном искусстве, прекрасную характеристику которого дает И. Грабарь: «Идеал Новгородца — сила, и красота его — красота силы. Не всегда складно, но всегда великолепно, ибо сильно, величественно, покоряюще. Такова же новгородская живопись, — яркая по краскам, сильная и смелая, с мазками, положенными уверенной рукой, с графьями, прочерченными без колебаний, решительно и властно» (И. Грабарь, Вопросы реставрации, М., 1926, стр. 57). Новгородские художники пользуются чистыми, несмешанными красками, в которых главную роль играют красный, зеленый и желтый цвета. Яркая красочность новгородских икон построена на контрастных сопоставлениях цвета. Они динамичны по композиции и рисунку.

Иконы Суздальской земли отличаются своим аристократизмом, изысканностью и изяществом своих пропорций и линий. Они имеют... особенность, резко отличающую их от новгородских. Их общий тон всегда холодноватый, голубоватый, серебристый, в противоположность новгородской живописи, которая неизменно тяготеет к теплоте, желтоватому, золотистому. В Новгороде доминируют охра и киноварь; в суздальской иконе охра никогда не доминирует, а если встречается, то как-то подчинена другим цветам, дающим впечатление голубовато-серебристой гаммы (там же, стр. 61).

Колорит псковских икон обычно темный и ограничен, если не считать фона, тремя тонами: красным, коричневым и темнозеленым, а иногда и двумя: красным и зеленым. Для псковского мастера типичен прием изображения бликов света золотом, в виде параллельной и расходящейся штриховки (Ю. Н. Дмитриев. Путеводитель. Государственный Русский Музей. Ленинград, Москва, 1940).

Иконы Владимира, а за ним Москвы, обладавшей после него в XIV веке, отличаются от других икон тем, что они основаны на точном равновесии различных тонов с целью создать гармоническое целое. Вследствие этого палитра Владимирской, а затем и Московской школ, несмотря на наличие отдельных ярких тонов, характеризуется не столько интенсивностью, сколько гармонией своих красок (А. И. Анисимов. «Masterpieces of Russian Paintings». Лондон, 1930). В отличие от удлинённых ликов новгородских икон, для икон московских характерны лики округлые.

Конечно, все эти признаки имеют относительную и довольно условную и при современном познании лишь временные грани. Помимо отмеченных центров, имелись, конечно, и другие, еще не обследованные, как, например, Смоленск, Тверь, Рязань и др. Кроме того, открытие все новых и новых икон вынуждает делать постоянные поправки.

греческие живописцы писали и как писал Андрей Рублев и прочие пресловущие живописцы»⁷². О гибели его икон заносилось в летописи как о событиях, имеющих большую важность и общественное значение. Творчество преподобного Андрея кладет отпечаток на русское церковное искусство XV века, в течение которого оно достигает вершины своего художественного выражения. Это — классическая эпоха русской иконописи. Мастера XV века достигают необычайного совершенства владения линией, умения вписывать фигуры в определенное пространство, находить прекрасное соотношение силуэта к свободному фону. Этот век во многом повторяет предыдущий, но отличается от него большим равновесием и настроенностью. Исключительная, все пронизывающая ритмичность, необычайная чистота и глубина тона, сила и радость цвета, дают полное выражение радости и спокойствия созревшего художественного творчества, сочетавшегося с исключительной глубиной духовного прозрения.

Вторая половина XV и начало XVI веков связаны с другим гениальным мастером, имя которого ставилось рядом с именем преподобного Андрея, — Дионисием, работавшим со своими сыновьями. Его творчество, опираясь на традиции Рублева, представляет собой блестящее завершение русской иконописи XV века. Однако это завершение до некоторой степени связано с преобладанием внешних средств выражения. К концу XV и началу XVI века живопись часто становится изысканной и формально утонченной. Этот период знаменует собой большое совершенство техники, изощренность линий, изысканность форм и красок. Для самого Дионисия, творчество которого проникнуто особой жизнерадостностью, характерны удлиненные, изысканные пропорции фигур, подчеркнутая грация движений, гибкий, сильный и плавный рисунок. Его чистый колорит с нежными зелеными, розовыми, голубыми и желтыми тонами отличается особой музыкальностью.

XVI век сохраняет духовную насыщенность образа; остается на прежней высоте и красочность иконы и даже становится богаче оттенками. Этот век, как и предыдущий, продолжает давать замечательные иконы. Однако во второй половине XVI столетия величественная простота и державшаяся веками классическая мерность композиции начинают колебаться. Утрачиваются широкие планы и чувство монументальности образа, классический ритм и античная чистота и сила цвета. Появляется стремление к сложности, виртуозности и перегруженности деталями. Тона темнеют, тускнеют и вместо прежних легких и светлых красок появляются плотные землистые оттенки, которые вместе с золотом создают впечатление пышной и несколько угрюмой торжественности. Это эпоха перелома в русской иконописи. Догматический смысл иконы перестает осознаваться как основной, и повествовательный момент часто приобретает доминирующее значение. Появляется целый ряд новых тем, навеянных влиянием западных гравюр.

Это время и начало XVII века связано с деятельностью в северо-восточной России новой школы, Строгановской, возникшей под влиянием семьи любителей иконописи Строгановых. Характерной чертой строгановских мастеров этого времени являются сложные, многочисленные иконы и мелкое письмо. Они отличаются исключительной тонкостью и виртуозностью исполнения и похожи на драгоценные ювелирные изделия. Рисунок их сложен и богат деталями; в красках заметна скорее склонность к общему тону, в ущерб яркости отдельных цветов.

В XVII веке наступает упадок церковного искусства. Этот упадок явился результатом глубокого духовного кризиса, обмирщения религиозного сознания, благодаря которому в церковное искусство, несмотря

⁷² Н. В. Покровский, Очерки памятников христианской иконографии и искусства, СПб, 1900, стр. 356.

на решительное сопротивление Церкви⁷³, начинают проникать уже не отдельные элементы, а чуждые Православию принципы западного религиозного искусства. Догматическое содержание иконы исчезает из сознания людей, и для попавших под западные влияния иконописцев символический реализм становится непонятным языком. Происходит разрыв с преданием. Церковное искусство обмирщается под воздействием зарождающегося светского реалистического искусства, родоначальником которого является знаменитый иконописец Симон Ушаков. Это обмирщение является отражением в области искусства общего обмирщения церковной жизни. Происходит смешение образа церковного и образа мирского, церкви и мира. Реализм символический, основанный на духовном опыте и ведении, при их отсутствии и отрыве от традиции исчезает. Это порождает образ, который свидетельствует уже не о преображенном состоянии человека, не о духовной реальности, а выражает различные представления и идеи по поводу этой реальности и то, что в искусстве мирском является реализмом, в применении к искусству церковному превращается в идеализм. Отсюда и более или менее вольное обращение с самим сюжетом, который становится лишь поводом для выражения тех или иных идей и представлений, что ведет к неизбежному искажению и реализма исторического.

С утерей догматического осознания искусства искажается его основа⁷⁴, и уже никакое художественное дарование, никакая изощренная техника заменить его оказались не в состоянии, и иконопись становится полуремеслом, или простым ремеслом.

Однако догматическое сознание образа не теряется Церковью, и не следует думать, что упадок этот явился концом иконы. Ремесленная иконопись, которая существовала всегда наряду с большим искусством, приобретает в XVIII, XIX и XX веках лишь решительное, доминирующее значение. Но и здесь, «даже в эпохи полного упадка, лишенные всяких других достоинств фрески и иконы останавливают взгляд какой-то стройностью и твердостью общего впечатления. Еще и до сих пор в этих плохих ремесленных вещах есть то «все на месте», которого так часто не хватает в новейшей живописи»⁷⁵. Такова сила церковной традиции, которая даже на низшем уровне художественного творчества сохраняет отзвуки большого искусства. К тому же этот ремесленный уровень не был и не есть абсолютное правило. Наряду с расцерковленным,

⁷³ С тех пор как начали появляться искажения в церковном искусстве и Церковь вынуждена была официально высказываться по поводу иконописания, она всегда огораждала канонические формы литургического искусства как через соборы (например Стоглав в XVI веке и Московский Большой собор в XVII веке), так и в лице своих высших иерархов. Так, патриарх Никон в Неделю Православия уничтожал иконы, писанные под западным влиянием, и предавал анафеме всех, кто будет их писать или держать у себя. Патриарх Иоаким (1679—1690) в своей духовной грамоте пишет: «О имени Господни завещавал ежебы иконы Богочеловека, и Пресвятыя Богородицы, и всех святых заповедали писати по древним переводам... а с латинских и немецких соблазненных изображений, и непотребственных, и новомышленных по своим похотям, церковному нашему преданию равнотно отнюдь бы не писати, и которые где есть в церквах неправовисанные, тыя вон износити» (Подлинник Большакова, изд. А. И. Успенского, М., 1903). В Греческой Церкви, где упадок наступил раньше, еще в XV веке, св. Симеон Солунский в своем сочинении «Против ересей» (гл. 23) вскрывает проникновение в литургическое искусство элементов искусства светского, искажающих смысл иконы: «Сия вся обновляюще, якоже глаголася, и святые иконы кроме предания иным образом иногда живописуют, вместо образных одеждах и власех, человеческими одеждами и власы украшающе, иже не образ первообразного и изображение, и кроме благоговения живописуют их и украшают, еже противно святых икон есть паче».

⁷⁴ Как религиозная мысль не всегда была на высоте богословия, так и художественное творчество не всегда было на высоте подлинного иконописания и раньше. Поэтому нельзя принимать за непререкаемый авторитет каждый образ; ибо он может соответствовать учению Церкви, а может и не соответствовать и вводить в заблуждение. Иначе говоря, образом можно так же искать учение Церкви, как и словом.

⁷⁵ И. Грабарь, История русского искусства. Очерк II. Муратова, т. 6, стр. 48.

полумирским или просто мирским образом и плохой ремесленной иконой продолжали и продолжают делаться иконы высокого уровня как в России, так и в других православных странах в условиях упадка, наступившего в них в разное время. Иконописцы, не отступившие от иконописного предания Церкви, пронесли через эти века упадка и сохранили до наших дней подлинный литургический образ, порой большого духовного содержания и художественного уровня.

*

* *

Христианство есть откровение не только Слова Божия, но и Образа Божия, в котором явлено Его подобие. Этот богоподобный образ является отличительной чертой Нового Завета, будучи видимым свидетельством обожения человека. Пути иконописания здесь, как способа выражения того, что относится к Божеству, те же, что и пути богословия. И то и другое призваны выражать то, чего человеческими средствами выразить нельзя, так как выражение всегда будет несовершенно и недостаточно. Нет таких слов, красок или линий, какими мы могли бы изобразить Царствие Божие так, как мы изображаем и описываем наш мир. И иконописание, и богословие стоят перед заведомо неразрешимой задачей — выразить средствами тварного мира то, что бесконечно выше твари. В этом плане нет достижений, потому что само изображаемое непостижимо, и как бы высока по содержанию и прекрасна ни была икона, она не может быть совершенна, как не может быть совершенным и никакой словесный образ. И богословию, и иконописанию в этом смысле всегда неудача. Именно в этой их неудаче и заключается ценность и того, и другого. Ценность эта как раз в том, что иконописание и богословие достигают вершин человеческих возможностей и оказываются недостаточными. Поэтому те средства, которыми пользуется иконопись для указания на Царствие Божие, могут быть только иносказательными, символическими, подобно языку притчей в Священном Писании. Содержание же, выражаемое этим символическим языком, неизменно и в Писании и в литургическом образе.

Как продолжает существовать учение о цели христианской жизни — обожение человека, так продолжает существовать и живет в богослужении Православной Церкви догматическое учение об иконе, благодаря которому сохраняется и подлинное к ней отношение. Для современного православного человека как древняя икона, так и новая, не есть объект эстетического любования или предмет изучения; она — живое, благодатное искусство, которое его питает. В наше время, как и в древности, икона не только продолжает писаться по канону, но и вновь пробуждается осознание ее содержания и значения, ибо как раньше, так и теперь она соответствует определенной, конкретной действительности, определенному жизненному опыту, во все времена живущему в Церкви. Так, например, один из наших современников, афонский старец, умерший в 1938 году, в следующих выражениях передает свой личный опыт: «Великое различие, — говорит он, — веровать только, что Бог есть, познавать Его из природы или от Писания, и познать Господа Духом Святым». «В Духе Святом познается Господь и Дух Святой бывает во всем человеке: в душе, в уме и в теле». «Кто познал Господа Духом Святым, тот становится похож на Господа, как сказал Иоанн Богослов: и будем подобны Ему, потому что увидим Его как Он есть и будем видеть славу Его»⁷⁶. Таким образом, как продолжает существовать сам живой опыт обожения человека, так живет и иконописное предание и даже техника,

⁷⁶ Иеромонах Софроний, Старец Силуан, Париж, 1950, изд. автора, часть 2, стр. 21, 50, 52.

ибо поскольку жив этот опыт, не может исчезнуть и его выражение, словесное и образное. Другими словами, как внешнее выражение подобия Божия в человеке, икона, также не может исчезнуть, как и само уподобление человека Богу. Здесь применимы, как применимы ко всякому периоду истории Церкви, слова, сказанные в I веке св. Симеоном Новым Богословом: «Кто говорит, что теперь нет людей, которые бы... сподобились приять Святого Духа... возродиться благодатию Святого Духа и соделаться сынами Божиими с сознанием, опытным вкушением и узрением, тот низвращает все воплощенное домостроительство Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и явно отвергает обновлению образа Божия или человеческого естества, растленного и умерщвленного грехом» (Симеон Новый Богослов. Слово 64).

Проф. Л. Успенский

Париж

К ИЗДАНИЮ РУССКОЙ БИБЛИИ

I

Великое, неизреченно радостное благо для человека иметь возможность читать и усваивать преподанный Богом для руководства во всей жизни человеческой Его Закон, Его Откровение на родном, понятном и близком каждому человеку языке. В этом отношении наши древние предки, наш родной народ «имел счастье, доставшееся в удел не всем христианским народам, получить священные книги на родном и понятном ему языке при самом обращении своем к христианству. Церковно-славянский язык, на который переведены были книги Священного Писания, частью бывший, может быть, в ту пору книжным, литературным языком, был еще так близок к языку наших предков (древнерусскому) и вообще так был понятен всем славянским племенам, всему славянскому миру, что на него можно смотреть, как на церковный общеславянский язык того времени, хотя еще до перевода Библии и, может быть, даже за несколько веков до этого события, общий славянский язык, родоначальный для всех славянских наречий, уступил уже место говорам отдельных славянских народов»¹.

Великий труд свв. братьев равноапостольных Кирилла и Мефодия сослужил нашим далеким предкам добрую службу. Нового перевода для них не потребовалось. Летописец Нестор прямо указывает на св. Мефодия как на переводчика Библии, принятой русским народом вместе с Владимировым крещением². История Руси приводит нам множество свидетельств о самом широком распространении в народе нашем списков Священного Писания и о большом тяготении к его изучению. Сохранившиеся многочисленные рукописи и письменные источники XI, XII, XIII и XIV веков показывают, что дорого стоявшие списки священных книг встречались не только в княжеских хоромах, в монастырских и епископских библиотеках, но и в домах скромных сельских пастырей, и у небогатых ремесленников, и у крестьян³.

Между тем естественное развитие русского языка все более уводило его от первоначального славянского, к которому был близок церковно-славянский текст Библии. В XIV веке лучшие русские люди того времени

¹ И. А. Чистович, История перевода Библии на русский язык, СПб, 1899, стр. 1.

² П. Юнгеров, Общее историко-критическое введение в священные ветхозаветные книги, Казань, 1910, стр. 412.

³ Там же, стр. 418.

начинают уже ощущать тревогу по поводу неудобоусвояемости первоначального древнеславянского текста Библии. Первым, кто задумался над этим, был великий святитель Русской Церкви св. митрополит Московский Алексей (1332—1372). Именно он лично сделал попытку перевести в первую очередь четыре Евангелия на живой русский язык своего времени, чтобы не отдавать от паствы своей, народа русского, глаголов вечной жизни — учения Господа нашего Иисуса Христа.

Продолжить это святое дело старался несколько позже, на рубеже XV века, и преемник св. Алексея митрополит Киприан (1378—1406), но ему помешало то, что он, будучи сербом, сам плохо владел русским языком и не мог как следует руководить предпринятым им делом⁴.

Во второй половине XV века мы имеем еще две важных попытки приближения текста Священного Писания к русскому языку того времени, соединенные и с другим важным стремлением — исправить и приблизить текст нашей Библии к древнееврейскому ее подлиннику. Первой такой попыткой был предпринятый по указу митрополита Филиппа I (ум. 1474) его воспитанником, крещенным евреем Феодором, новый перевод (с еврейского на русский) Псалтири и книги Есфирь и последовавший затем пересмотр (в свете еврейского подлинника) книг законоположительных и пророческих⁵.

Вторым, неизмеримо более важным явлением в истории нашей Библии явилось собрание воедино (впервые на Руси) из списков отдельных книг целой славянской Библии, предпринятое архиепископом Новгородским Геннадием (1499). Собранная им Библия стала фундаментом для всех последующих изданий славянской Библии. Нам при этом важно отметить, что при собирании этой единой Библии целый ряд книг, в целях исправления и приближения к понятному живому языку того времени был переведен заново или выправлен. Так, были выправлены книги Притчей, Екклесиаст, Премудрости Иисуса сына Сирахова и книги Царств. Что же касается книги Паралипоменон, всех трех книг Ездры, Неемии, Товита, Иудифи, Премудрости Соломона и первой и второй книг Маккавейских, то они были просто переведены заново⁶.

«Общий библейский славянский текст, оставаясь неизменным в списке Геннадиевском, не был признаваем однакож непререкаемою и неприкосновенною святынею благочестивыми и образованными мужами древней Руси. Так, в начале следующего же XVI века исправлением и даже новым переводом Псалтири занимались толмач Димитрий Герасимов и преп. Максим Грек»⁷. Занимался этим же делом и знаменитый составитель Четых-Миней митрополит Макарий (ум. 1562).

Однако, несмотря на все эти отдельные попытки, разрыв между церковно-славянским текстом Библии и продолжавшим развиваться и изменяться живым разговорным русским языком становился все ощутительнее и острее. В XVII веке возникает необходимость специального изучения церковно-славянского языка, чтобы не утратить возможности чтения и понимания как книг Священного Писания, так и богослужбных.

Это обострение вызвало новую «в последней половине XVII столетия попытку к переводу наиболее употребительной священной книги — Псалтири — на русский язык». Мы говорим о переводе Псалтири на «наш простой, обыкный» язык, сделанном в 1663 году переводчиком посольского приказа А. П. Фирсовым. Этот верующий русский человек, незаслуженно забытый, положил начало делу, некогда заповеданному русскому народу св. митрополитом Алексием, делу, потребность в кото-

⁴ Там же, стр. 419 и 448.

⁵ Там же, стр. 420.

⁶ Там же, стр. 422.

⁷ Там же, стр. 423.

ром к этому времени стала уже совершенно ясной и четкой...⁸ Если до этого попытки подобного рода переводов на разговорный живой русский язык встречались только за границей (перевод Библии с Вульгаты на русский доктора Франциска Скорины, напечатанный в Праге в 1517—1525 гг., перевод части Библии на русский язык лифляндского пастора Глюка, погибший во время Северной войны), то с этого времени уже «не могла погибнуть в русском обществе мысль о составлении и необходимости русского перевода Священного Писания»⁹. Св. Тихон Задонский (ум. 1783), Амвросий, архиепископ Московский (Зертис-Каменский), Варлаам Лящевский — вот имена, которые нельзя не вспомнить с любовью и сыновней благодарностью, как имена пионеров в деле создания русской Библии, нам, пользующимся ею уже много десятков лет...

Такова предистория появления перевода Библии на русский язык. Мы вспомнили ее потому, что ныне, в наши дни, готовится новое издание русской Библии, причем это издание, печатаемое с благословения преименника Святителя Алексия на Московской кафедре Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия же, будет первым изданием Русской Православной Церкви Библии по новой орфографии¹⁰. Так, Русская Православная Церковь, продолжая традиции, заповеданные ей предшествующими веками ее истории, сделает еще один шаг по пути постоянного сближения Библии с постоянно развивающимся живым русским языком, чтобы легко и наивозможно полно мог усваивать русский верующий человек великие откровения Библии, данные нам ради нашего спасения, ради ограждения нас от всяческого зла и искушений, ради воспитания нас в духе мира, истины и любви.

Обратимся, однако, еще раз назад и вспомним, как был создан тот русский перевод Библии, которым пользуются ныне православные верующие русские люди.

В 1812 году, когда, в связи с войной против Наполеона, наметилось англо-русское сближение, деятель Британского и иностранного библейского общества¹¹ пастор Патерсон добился у императора Александра I разрешения открыть — в параллель Британскому — Русское библейское общество¹², которое занималось бы переводом, печатанием и распространением Священного Писания на языках народов Российской империи. Патерсон был достаточно политичен, чтобы не дерзать на вмешательство в жизнь Православной Церкви, и потому перевода на русский язык это общество делать не собиралось. Широко развернув свою деятельность, оно за десять с небольшим лет своего существования (1812—1826) открыло по России 57 отделений и 232 сотоварищества, напечатало Священное Писание в целом или части его на 41 языке, в том числе впервые в мире на многих языках народностей Российской империи.

Это широкое распространение Священного Писания на языках чуть ли не всех более или менее крупных народов нашего Отечества поставило на очередь вопрос о переводе Библии и на русский язык, ибо слишком уже ненормальным стало казаться, что каждый обитатель России может читать Слово Божие на родном его языке, а крупнейший, основной народ в государстве этой возможности и этого права почему-то лишен. Нелепость такого положения оказалась настолько очевидной, что

⁸ И. А. Чистович, цит. соч., стр. 2 и 3.

⁹ П. Юнгеров, цит. соч., стр. 449.

¹⁰ За пределами нашей Родины такие издания предпринимались, но лишь в части канонических книг Библии и при этом неправославными издательствами и без контроля Церкви.

¹¹ Основано было в Англии в 1804 году и ставило себе целью издание и распространение Библии на разных языках и между членами всех христианских исповеданий и сект, без всяких на нее истолкований, примечаний и рассуждений (см. Чистович, стр. 16).

¹² До этого на территории Российской империи Британское и иностранное общество открыло свой филиал в Финляндии в г. Або.

уже в конце 1815 года Александр I дал указ одному из директоров Российского библейского общества обер-прокурору Святейшего Синода Голицыну предложить Синоду «доставить и россиянам способ читать Слово Божие на природном своем российском языке, яко вразумительнейшем для них славянского наречия»¹³.

В соответствии с этим Комиссия духовных училищ при Святейшем Синоде поручила ректору Санкт-Петербургской духовной академии архимандриту Филарету, впоследствии митрополиту Московскому, организовать коллегия переводчиков из состава учебного персонала академии и утвердила ряд правил, предложенных самим же Филаретом, которыми эти переводчики должны были руководствоваться. Будет далеко не бесполезным остановиться на этих принципах несколько подробнее.

Божественное Откровение, как известно, дошло до нас в двух основных текстах — древнееврейском оригинальном (так называемый Мазоретский текст) и греческом (в переводе III века до нашей эры), переводе 70-ти толковников. Тексты эти изрядно между собою разнятся. В греческом тексте многие места, в частности, некоторые мессианские пророчества, толковниками уточнены и пояснены, для чего ими вставлялись в текст дополнительные слова и примечания. Некоторые богодухновенные книги, например, книга пророка Иеремии, самими авторами их составлялись по два-три раза в разных вариантах для посылки тем или другим группам избранного народа уже частично рассеянного в их время по разным странам. Иногда Мазоретский текст и текст 70-ти толковников доносят до нас два разных варианта одной и той же книги, причем оба варианта восходят к первоисточнику и потому оба написаны по вдохновению свыше.

В отличие от Мазоретского текста перевод 70-ти толковников донес и сохранил для нас, кроме книг, написанных под воздействием благодати Святого Духа, и ряд просто благочестивых творений древних мужей избранного народа, подобных в некотором роде святоотеческим книгам древнего христианства, которые, в результате войн и бурь, пронесшихся над Святой Землей, сохранились только в греческом тексте среди александрийских евреев, в частично и написаны были там, и которые мы благоговейно приемлем в Библии как неканонические, но полезные и благочестивые писания, способствующие лучшему и более углубленному усвоению Богооткровенных глаголов, ведущих к вечной жизни.

Наш православный исследователь так определяет соотношения двух основных текстов Богооткровения (еврейского и греческого) в христианской Православной Церкви: «В древней Церкви, с первых веков ее, перевод 70-ти употребляем был, и этим употреблением освящен, как текст церковный. Новые (переводы с еврейского на греческий. — А. О.), каких появилось несколько во II и III веках, не имели церковного употребления, за исключением одной книги пророка Даниила, которая, в переводе Феодотиона, вошла в церковное употребление, вероятно, потому, что этот перевод более соответствовал еврейскому тексту, нежели перевод 70-ти».

«При этом всеобщем употреблении греческого перевода 70-ти, в древней Церкви не было однако какого-либо враждебного отношения к еврейскому тексту; напротив, при чтении и исправлениях греческого текста, к нему обращались всегда, как к пособию».

«Употребление еврейского текста в этом отношении было разнообразное. Он употребляем был для восстановления подлинного смысла текста в тех случаях, когда греческий был неясен и еврейский не казался поврежденным. При множестве и разнообразии списков греческого перевода, в которых то чего либо не доставало, то было что-нибудь излишнее, или перемешано было расположение частей, еврейский текст употребляем был для указания полноты или недостаточности того или другого списка

¹³ П. Юнгеров, цит. соч., стр. 450.

и последовательности и порядка чтения. Но при таком употреблении еврейского текста он никогда не был принимаем за норму, определяющую правильность чтений, имеющих важность в догматическом отношении. Такою нормою служило установившееся в Церкви известное понимание и толкование священного текста, или Священное Предание»¹⁴.

Наш церковно-славянский текст Библии первоначально был передан нам греками в двух текстах: более древний — паремийный текст восходит к свв. равноапостольным Кириллу и Мефодию и совпадает с так называемой Лукиановой рецензией текста 70-ти¹⁵. Более поздний — полный текст Библии восходит к ученикам свв. братьев и совпадает частично с Александрийским, а частично с Ватиканским кодексами текста 70-ти¹⁶. При этом книги Царств были вновь переведены несколько позже, а книги Паралипоменон, Ездры, Неемии, Есфири, Товита, Иудифи, Премудрости Соломона во времена архиепископа Геннадия, как уже было сказано, вновь переведены с Латинской Вульгаты¹⁷.

При первом печатном издании церковно-славянской Библии князем Константином Острожским (1581) была сделана попытка перередактировать древнеславянскую Библию, причем книги, переведенные с Вульгаты, были наивозможно сближены с греческим текстом 70-ти толковников.

Во времена Петра I и Елизаветы предпринято было новое исправление церковно-славянской Библии в смысле тщательнейшей сверки ее текста с греческим оригиналом по полиглотте Вальтона. Только книга третья Ездры, утраченная в греческом тексте, осталась в переводе с латинского, во всем остальном наша церковно-славянская Библия стала кристально-чистым апробированным отражением столь чтимого в древнехристианской Церкви текста 70-ти толковников по лучшим, сохранившимся до наших дней, его кодексам. Именно такую Библию имеет наша Церковь неизменно с 18 декабря 1751 года, когда так называемая Елизаветинская Библия впервые была выпущена в обращение.

Для предпринятого нового русского перевода Библии Комиссия духовных училищ при Святейшем Синоде приняла по рекомендации архимандрита Филарета, что: 1) перевод должно составлять с оригинального текста, то есть для канонических ветхозаветных книг — с древнееврейского, а для неканонических и для всего Нового Завета — с греческого; 2) перевод поручить по частям нескольким отдельным лицам (фактически, когда был начат перевод Четвероевангелия, их переводили: Матфея — проф.-прот. Г. П. Павский, Марка — ректор Петербургской семинарии архим. Поликарп, Луку — бакалавр академии архим. Моисей, Иоанна — сам архим. Филарет), а просмотр перевода делать коллективно; 3) при переводе сохранять разделение на стихи и главы, присущее переводу 70-ти и церковно-славянскому, слов по возможности не переставлять даже внутри одного стиха, разве только этого потребует склад русской речи; 4) дополнения к оригинальному тексту вносить, оскоряя или отмечая их курсивом, только если в славянском или греческом текстах найдутся лишние слова сравнительно с оригиналом, или если требуется внести какое-либо слово для ясности русского текста; 5) переводить языком простым, не гнаться за броскими и блестящими выражениями, избегать специфических славянских выражений, кроме тех случаев, когда они лучше передают дух и смысл подлинника и в то же время не вносят в фразы темноты и неясности или когда они стали вполне привычными для русского человека; 6) при разночтениях между Мазоретским и

¹⁴ И. А. Чистович, цит. соч., стр. 10—11.

¹⁵ Древнехристианская редакция текста 70-ти толковников, выверенная пресвитером Лукианом.

¹⁶ Одни из древнейших раннехристианских рукописных кодексов Священного Писания III—IV веков нашей эры.

¹⁷ П. Юнгеров, цит. соч., стр. 414.

70-ти толковников текстами разночтения ставить или рядом с чтением оригинала в скобках, или в виде подстрочного примечания; 7) когда в Библии встречаются не переведенные и у 70-ти и в славянской Библии иностранные слова и выражения, их объяснять в подстрочнике, но кратко и без всяких рассуждений по поводу их; 8) имена и названия сохранять приближенные к греко-славянской Библии, как уже привычные для русского народа; 9) превыше всего в переводе ставить: точность, ясность и чистоту¹⁸.

Эти принципы, как видим, соблюдающие то равное уважение, какое еще в древней Церкви отдавалось еврейской и греческой — 70-ти толковников — библиям, остались незыблемыми для всех последующих трудов русских библеистов и церковных деятелей по созданию и улучшению русской Библии.

Между тем дело, начатое Библейским обществом, продвигалось успешно. В 1818 году было опубликовано на русском языке Четвероевангелие. В 1819 году были изданы Деяния святых Апостолов. В 1821 году увидел свет полный русский Новый Завет.

Успех издания был чрезвычайный. До наших дней сохранились восторженные отзывы, оценивающие все величие этого события, видных преосвященных того времени — архиепископа Псковского Евгения (Болховитинова), архиепископа Казанского Амвросия (Протасова), архиепископа Минского Анатолия (Максимовича) и многих других.

«Употребление Божественной сей книги на обыкновенном, для всех вразумительном языке, произведет все то добро, которого можно ожидать от познания и уразумения откровенного слова Божия»... «Сколь ни сближен славянский язык с российским в церковных наших книгах, но многое для многих оставалось непонятным даже в Евангелии по непривычке к славянским изречениям: и оттого святая истина не могла действовать на сердца читателей во всей полноте»... «Ныне россияне, на российском наречии чтущие Христово благовестие, ясно и чисто уразумеют всю волю Божию в Слове, Словом Его объясняемую: уразумев же, возрадуются о спасении своем», — писали эти и другие архипастыри русские — современники великого события...¹⁹.

Воодушевленные явным успехом своего дела, труженики Библейского общества с 1820 года приступили к переводу и Ветхого Завета. Для скорости перевод был распределен между профессорами трех духовных академий: Петербургской, Московской и Киевской. Начали с Пятокнижия. Между прочим книгу Бытия перевел сам архимандрит Филарет. Он же с проф.-прот. Г. П. Павским успел в это время перевести и Псалтирь — самую нужную в Новозаветной Церкви ветхозаветную книгу. В январе 1822 года Псалтирь была отпечатана. Успех ее был таков, что в течение года вышло 12 изданий в количестве, далеко превысившем сто тысяч экземпляров. Русский народ, издревле высоко чтивший эту благодатную книгу, ныне вновь усваивал ее с еще большей глубиной благодаря понятному и близкому для каждого родному языку, на который она была переведена.

Между тем академии успели перевести не только Пятокнижие, но и книги Иисуса Навина, Судей и Руфь. Издание всех их было, однако, приостановлено ввиду ряда скорбных событий, итогом которых явилось в 1826 году закрытие и ликвидация Российского библейского общества. Издание русской Библии было отодвинуто тем самым на целые полвека.

Чем было вызвано закрытие Общества? Во-первых, тем, что Общество не сумело стать церковным, поскольку им руководили иностранные основатели, не понявшие, что церковность является незыблемой основой православной веры. Поэтому издание Нового Завета и Псалтири, напри-

¹⁸ И. А. Чистович, цит. соч., стр. 26—28; П. Юнгеров, цит. соч., стр. 450—451.

¹⁹ И. А. Чистович, цит. соч., стр. 31, 32 и др.

мер, хотя и было подготовлено деятелями Церкви и по принципам, Церковью установленным, но дело распространения этих книг шло внецерковным путем, что давало повод разным сектантским и антицерковным течениям использовать слово Божие для антиправославной работы. Вторых, что впрочем вытекало из первого недостатка, в руководство Общества проникли мистики и масоны вроде Голицына, Лабзина (издателя мистического «Сионского Вестника») и других, духовно изменивших духу Православия. Издавая одной рукой слово Божие, а другой вреднейшие абсурднейшие западные мистические книги, чуждые Православию и враждебные ему, они сеяли раздвоение и смятение в сердцах верующих русских людей.

Немалую роль в ускорении закрытия Общества сыграли, конечно, и политические события, связанные с воцарением Николая I. На все время его царствования, связанного с расцветом реакции и гнетом всех видов цензуры, дело дальнейшего издания Священного Писания на русском языке было погребено под спудом.

Мы намеренно написали «издания», а не «переводы», так как мужественные и верные делу Церкви люди, сознавая крайнюю нужду в русском переводе Библии именно для Православной Русской Церкви, продолжали его за свой страх и риск, зная, что никакая реакция и никакие ошибки человеческие не могут убить или уничтожить дела Церкви и что ее правда рано или поздно восторжествует.

Здесь должно с благоговением и любовью назвать два имени: профессора древнееврейского языка в Петербургской духовной академии доктора богословия протоиерея Герасима Петровича Павского и алтайского миссионера архимандрита Макария (Глухарева). Оба они за свои попытки перевода Священного Писания на русский язык (Павский перевел весь канонический текст Ветхого Завета и литографировал его для нужд студентов академии в трехстах экземплярах, Макарий перевел книги Иова и пророка Исаии) подверглись в царствование Николая I гонениям и преследованиям и должны были понести епитимию, несмотря на заступничество митрополита Филарета Московского и митрополита Филарета Киевского. Оба эти святителя в конце концов также пострадали за свою ревность и были удалены из состава Святейшего Синода ²⁰.

Только со смертью Николая I и воцарением Александра II великий радетьель о переводе Библии на русский язык митрополит Московский Филарет, некогда начинавший труд перевода еще в сане архимандрита, получил возможность вновь возбудить вопрос о продолжении русского перевода Библии. Свое пожелание он обосновал тем, что:

«1) Свв. пророки и апостолы писали св. книги на природном и общевразумительном языке тех народов, к которым имели поступить их книги. Они же, по свидетельству Златоуста (на Матфея, беседа I), показали пример перевода с первоначального языка на другой, более употребительный, в переводе Евангелия Матфея с еврейского языка на греческий.

2) Святые отцы побуждали всех верующих (не клириков только и не монахов) к частому чтению Слова Божия, чтобы находить в нем врачевание от грехов и болезней.

3) Язык славянского перевода, в свое время общевразумительный и общепотребительный, не таков уже в настоящее время по своей древности. Большая часть православного русского народа требует русского перевода, как пособия к разумению Священного Писания.

4) Многие невразумительные места славянского перевода побуждают, за отсутствием русского перевода, обращаться к иностранным и инослав-

²⁰ П. Юнгеро́в, цит. соч., стр. 455, 459; И. А. Чистович, цит. соч., стр. 133 и 249.

ным переводам Библии, а через то могут православные впасть в неправые толкования».

С большой тщательностью и осторожностью приступил Синод к решению поставленного перед ним вопроса. Почти три года продолжалось это обсуждение. Были заслушаны многие мнения, взвешены многие соображения. Только 19 мая 1858 года четыре духовные академии России получили задание пересмотреть все ранее сделанные переводы и совместными усилиями создать русский православный церковный перевод всей Библии как Ветхого, так и Нового Завета. И теперь дело было начато с пересмотра и исправления имевшихся переводов Нового Завета.

Евангелия в новом, тщательно выверенном переводе, были напечатаны в 1860 году, а весь Новый Завет — в 1863 году. В это же время была начата работа и над переводом Ветхого Завета. Виднейшие русские библеисты того времени профессора: Голубев, Хвольсон, Ловягин, архимандрит Григорий (Полетаев), Ильминский, Милов, Максимович, Гуляев и другие, ревностно взялись за предложенное им святое дело. Новый перевод был сделан ими с еврейского (разумеется, канонических книг) под обязательным руководством греческой Библии.

Как указывает историограф русского перевода Библии Чистович, это руководство простирается на названия многих книг и собственных имен в них, на состав Библии, вследствие чего в ней удерживаются и неканонические книги, отсутствующие в еврейском каноне и написанные после его заключения, на расположение книг и порядок последовательности их. У евреев книги Библии разбиты, как известно, на Закон (Пятикнижие Моисеево), Пророков (кн. Иисуса Навина, Судей, Первая и Вторая Самуила, Первая и Вторая Царств, пророков Исаии, Иеремии, Иезекииля и 12 малых пророков) и Писания (Псалмы, Притчи, Иова, Песнь Песней, Руфь, Плач, Екклесиаст, Есфирь, Даниил. Ездра, Неемия и Первая и Вторая Паралипоменон). Русская Библия, как и славянская, придерживается другого порядка, свойственного переводу 70-ти толковников.

Это руководство простирается далее на состав отдельных книг и расположение в них стихов. Так, согласно переводу 70-ти, книги Есфирь и Даниила имеют большие неканонические добавления, ко Второй книге Паралипоменон добавлена молитва царя Манассии, к Псалтири — 151-й псалом, и так далее.

Оно простирается, наконец, на самый текст, который, как известно, разнится часто во многих местах греческой Библии от еврейской и наоборот²¹.

Таким образом, и здесь остались в силе заветы, некогда принятые великим Филаретом, вдохновителем русского перевода Библии еще 100 лет назад, когда вопрос о переводе был поставлен впервые. Да иначе не могло и быть, ибо Русской Православной Церкви, незыблемо стоящей на фундаменте вселенского святоотеческого понимания истины, не свойственно менять свои взгляды и поддаваться течениям тех или иных научных школ, как это свойственно протестантскому Западу.

Изготовленный четырьмя академиями под руководством специальной Синодальной комиссии русский перевод Ветхого Завета начал печататься и появляться в свет отдельными выпусками. Первый из них был напечатан в 1868 году, последний вышел ровно 80 лет назад — в 1875 году. Этот год и принято считать годом появления русской синодальной церковной Библии. С этих пор русский народ имеет слово Божие на родном и понятном ему языке.

Великий рачитель дела русского перевода Библии митрополит Московский Филарет, отдавший ему столько сил и переживший из-за него столько бурь и волнений, не дожил до этих светлых дней. Его блажен-

²¹ И. А. Чистович, цит. соч., стр. 338—340.

ная кончина последовала в 1867 году. Он, горевший великим делом, как бы отдал ему все свои силы и догорел, передав его окончание в другие руки. Один сеет, а другой жнет, но все творят одно великое Божие дело.

Нынешнему юбилейному году издания Русской Библии суждено быть, однако, не только юбилейным. Мы уже говорили, что по благословению ревностного почитателя митрополита Московского Филарета, преемника его на Московской кафедре Патриарха Московского и всея Руси Алексия ныне предпринято новое церковное издание Русской Библии, впервые в Русской Церкви, по новой орфографии, установившейся на Руси со дней революции и вошедшей ныне в плоть и кровь русского народа.

А. Осипов,
профессор Лен. дух. академии

ПОД КРЫЛОМ МАТЕРИ-ЦЕРКВИ

(К 10-летию воссоединения западноевропейских приходов с Московской Патриархией)

В нынешнем году Русская Православная Церковь отмечает десятилетие со времени возвращения в ее лоно значительных церковных группировок, отправших от нее в результате гражданской войны и обретающих-ся в Западной Европе, главным образом во Франции.

Это знаменательное в истории нашей Церкви событие, как и подобные ему акты воссоединения, означает ликвидацию давних нестроений, раздиравших единство Церкви на протяжении десятилетий. Оно предстает перед нами как проявление истинной любви, милосердия и заботы Матери-Церкви о своих, рассеянных по лицу всей земли, чадах и как результат неустанного труда ее великих первоиерархов, покойного Святейшего Патриарха Сергия и ныне благоденственно здравствующего Святейшего Патриарха Алексия, по собиранию и сплочению всех русских православных людей во исполнение евангельского завета: «Да вси едино будут» (Иоан. 17, 21).

*
* *

В 1920 году группа архиереев, оставив своих пасомых, удалилась за границу и обосновалась в королевстве СХС (Югославии). Здесь, в городе Сремские Карловцы, организовали они Высшее церковное управление, которое и провозгласили «единственной законной российской церковной властью». Нарушив один из основных канонных о подчиненности епископа, это незаконное самочинное собрание, обуреваемое гордыней и властолюбием, намеревалось из малого чужого городка править всем огромным русским православным миром.

Единственный из русских архиереев, кто имел право пребывать за границей и окормлять верующих, был митрополит Евлогий, которого Патриарх Тихон поставил управлять русскими православными храмами на Западе. «Карловчане» объявили полномочия митрополита Евлогия ничтожными. С другой стороны, в обстановке чрезвычайно сложной, митрополит Евлогий по ряду причин уклонился от безоговорочного подчинения Московской Патриархии. Так началось «усыхание отсеченной лозы».

Русские люди, оказавшиеся за рубежами Родины в силу своих политических ошибок и попавшие в условия нужды, всяческих лишений и бесправия, искали отрады и утешения в церковных стенах,— и не нахо-

дили их. В подавляющей своей части религиозно не просвещенные, они «шатались семо и овамо». Связывавшие Церковь с политическим строем, они, приверженцы павшего строя, были смущены, видя, как Церковь за рубежом, отвергавшая, как и они, новый государственный порядок своей страны, раздирается внутри самой себя. И никто не хотел разъяснить им той ясной истины, что Церковь, воздавая «кесарево кесарю, а Божие Богу», призвана неуклонно разделять судьбу родного народа и жить своей благодатной жизнью при любом политическом строе.

В 1922 году Святейший Патриарх Тихон издал особый указ об упразднении Высшего церковного управления. Раскольники не подчинились и лишь переименовали свое Управление во Временный заграничный архиерейский Синод. Через год Святейший Патриарх Тихон подтвердил свой указ о закрытии карловацкого центра. С тех пор Московская Патриархия в лице высших своих представителей не раз обращалась к зарубежному епископату с призывами о примирении. Увы! тщетными оставались все увещания, все убеждения, все настояния.

Раскол окончательно закрепился в 1931 году, через четыре года после Обращения Патриаршего Местоблюстителя Блаженнейшего Митрополита Сергия к заграничному духовенству с призывом дать подписку о лояльности. С этого времени отчетливо обозначились три течения в русских зарубежных церковных кругах. Наиболее многочисленная группа верующих, объединенная в восьмидесяти приходах, возглавлялась митрополитом Евлогием, который к тому времени отошел под юрисдикцию Константинопольского патриарха. Представитель Временного заграничного архиерейского Синода Митрополит Серафим правил тридцатью приходами. И лишь численно незначительная группа людей пребывала в верности Московской Патриархии. Этих людей, позиция которых требовала известного мужества, окормлял епископ Вениамин, ныне Митрополит Ростовский, который основал в Париже приход Трехсвятительского подворья и отдавал все свои силы на борьбу за верность Матери-Церкви. Позднее, после назначения митрополита Вениамина Экзархом Московской Патриархии в Северную Америку, образовалось уже пять патриарших приходов: три русских и два французских западного обряда (клир и миряне последних были присоединены к Православию в 1936 году и включены в состав Русской Церкви). Эта группа приходов, образуя два благочиния — восточное и западное — управлялась Московско-Патриархией через посредство покойного Митрополита Виленского Елевферия, почти ежегодно посещавшего Париж и неустанно трудившегося для разъяснения канонической истины и правильного освещения деятельности Русской Патриаршей Церкви. В 1939 году по указу Митрополита Елевферия, патриаршие приходы во Франции слились в единое благочиние.

В течение всей Великой Отечественной войны, лишенное епископского окормления, это благочиние жило автономной жизнью в тяжелых условиях фашистской оккупации и, подвергаясь жестоким преследованиям, хранило неизменную верность Матери-Церкви, поминая за богослужениями ее Первосвятителя.

*

* *

Главную тяжесть раскола нес на своих плечах Митрополит Евлогий, выдающийся иерарх, почитаемый и любимый всеми своими духовными чадами архипастырь, человек зоркого ума, сильной воли и редкой личной скромности, многоопытным своим сердцем глубоко переживавший весь трагизм создавшегося положения. В кругу близких он говорил, что отошел в юрисдикцию Вселенского патриарха «и по своему несогласию с незаконным самовластием карловчан, и в силу совершенной невоз-

возможности осуществить требование Митрополита Сергия о выдаче нашим духовенством подписок в лояльности. В наших условиях такой акт носил бы не столько церковную, сколько политическую окраску. И согласился я с Митрополитом Сергием, которого высоко почитаю и очень люблю и за которого всегда молюсь, стадо мое отшатнулось бы от меня, сорвалось бы в ту же карловацкую пропасть безначалия, и погасли бы те восемьдесят свечечек, которые с немалым трудом и в самой неблагоприятной обстановке возжигал я на чужой земле во славу родного Русского Православия». Говоря так, он тут же неизменно подчеркивал, что отошел под омофор Вселенского Патриарха «лишь временно, до возможности восстановления нормальных отношений с Матерью Русской Церковью». Находясь в отходе от Московской Патриархии, он не терял связи с Митрополитом Сергием, с которым сближали его некогда узы дружеских личных отношений, и пребывал в непрестанном томительном ожидании той вожаделенной минуты, когда сольет он с ним свои уста в братско-сыновнем Христовом лобзании... Увы, шли годы, стена между Родиной и русскими зарубежными людьми, возведенная по их же вине, крепла, и все более беспросветным становилось их будущее, все менее излечимой казалась болезнь церковного раскола.

Волею Господа истинные пути для зарубежной Церкви открылись тогда, когда по человеческому разумению этого меньше всего можно было ожидать, — с началом тяжкого, еще не виданного в истории, испытания, постигшего наше Отечество. Война всколыхнула массы зарубежных русских людей, заставила их в новом свете увидеть свое положение на чужой земле и глубоко пересмотреть свои жизненные позиции. И надо сказать, что лишь незначительная часть их оказалась неспособной расстаться с этими обветшавшими позициями. В сердцах большинства с новой силой вспыхнула любовь к далекой Отчизне, на протяжении долгих лет усыплявшаяся ложью о ней. Основная масса зарубежных русских людей показала себя тайными или открытыми противниками фашистских оккупантов Европы, разбойничавших на родной русской земле, а часть их вошла в связь с французским движением Сопротивления и образовала особую русскую секцию, где в суровой ли подпольной работе или с оружием в руках, в составе партизанских отрядов повела борьбу с врагами человечества и их Родины, и немало русских имен значится в почетном списке павших за правое дело на полях свободолюбивой Франции.

Судьбу своих пасомых разделила и зарубежная Церковь. Митрополит Евлогий был окружен тайными агентами фашистской французской полиции и немецкой разведки, он был связан подпиской о невыезде из Парижа, несколько раз подвергался длительному домашнему аресту, и кто знает, какая участь постигла бы его, если бы не его высокий авторитет не только среди его соотечественников, но и во французских и международных церковных кругах. Многие представители духовенства были арестованы и заключены в тюрьмы и концентрационные лагеря, а некоторые приняли и мученический венец. Страшна кончина одного из священников, — когда на допросе в застенке гестапо он мужественно заявил о своей верности Церкви и Родине, фашистский палач убил его несколькими ударами в голову сорванным с него тяжелым наперсным крестом.

Чем круче становился фашистский гнет, чем разгульнее шли бесчинства фашистских орд на Советской земле, тем яснее было видно оторванным от нее русским людям, что фашизм есть враг не только Советской власти, но и родного народа и Церкви, что решается судьба самого Отечества, — быть ему единым или, раздробленному, пасть колонией жестокого корыстолюбивого недруга. Великая эпопея Сталинграда внесла новые надежды в истомившиеся сердца русских людей зарубежья. Доходившие из-за кровавого кордона сообщения о действенном участии Рус-

ской Православной Церкви во всенародном подвиге поднимали мужество верующих.

Наступил последний, завершающий период войны. На стогнах полоненной Европы отчетливо был виден смертельный страх обезумевшего фашизма перед великой Советской Армией-Освободительницей, его обреченность, неизбежность возмездия. Совершался праведный суд Господний.

Кончалась «неделя Парижского восстания». Еще не все фашистские гнезда были уничтожены в черте города, а русский Париж отмечал большое событие, — ослабевший от пережитых испытаний, еле державшийся на ногах Митрополит Евлогий поздравил молившихся в Александро-Невском соборе с началом великой победы. А через месяц, когда еще шли кровавые бои и опасность нового фашистского вторжения нависла над Парижем, неузнаваемо изменившийся, обретший новые силы в радости, которую несли ему вести о судьбах родной Церкви и огромных успехах Советской Армии, он произнес с амвона свою замечательную речь о подлинном патриотизме и долге верующего человека.

В начале ноября 1944 года Митрополит Евлогий сообщил своим близким друзьям, что, по его убеждению, настало время пересмотреть вопрос об отношениях зарубежной Церкви со Вселенским патриархом. Прямой связи с Константинополем не было, — еще полгода оставалось до прекращения военных действий. Единственный путь, возможный для установления такой связи, лежал через Москву. Митрополит Евлогий решил поделиться своими соображениями с Местоблюстителем Российского Патриаршего Престола, Митрополитом Ленинградским и Новгородским Алексием. 23 декабря Митрополит Евлогий получил первый дар Московской Патриархии — экземпляры «Журнала Московской Патриархии» и сборника «Правда о религии в России» — и сообщение, что в самом скором времени, вероятно, не позже конца января следующего года в Москве состоится Поместный Собор для избрания нового патриарха, и что не исключена возможность приглашения на собор и представителей зарубежной Церкви. Трудно передать то огромное, можно сказать, потрясающее впечатление, которое произвела на Владыку эта неожиданная весть... Увы, по обстоятельствам, связанным с войной, лишь 5 февраля 1945 года были переданы Митрополиту Евлогию приглашение его в Москву для участия в избрании патриарха и ответное послание Местоблюстителя Патриаршего Престола, Митрополита Алексия. Чувство искренней любви, свидетельства о полном забвении прошлого и призыв к единству с Матерью-Церковью, которыми исполнено было это проникновенное послание, с избытком искупили горестное сожаление Владыки Евлогия по поводу опоздавшего приглашения его в Москву. 2 августа Митрополитом Евлогием было получено сообщение о скором прибытии в Париж делегации Московской Патриархии во главе с Высокопреосвященным Митрополитом Николаем.

*
* *
*

«2 сентября 1945 года... войдет в историю нашей Церкви, как одна из самых светлых ее страниц, а в сердцах участников этого праздника останется незабвенным». Так заканчивается Обращение Высокопреосвященного Николая, Митрополита Крутицкого и Коломенского, которое по просьбе редакции написал он для сборника «Дни Примирения», выпущенного в Париже и посвященного пребыванию Владыки Николая в столице Франции и торжествам воссоединения зарубежных православных приходов с Церковью-Матерью.

24 августа 1945 года. Аэродром Бурже под Парижем. На местах для встречи с прибывающими стоят члены Советского посольства во Фран-

дии во главе с Чрезвычайным и полномочным послом А. Е. Богомоловым, благочинный патриарших приходов во Франции о. Стефан Светозаров и настоятель французского православного прихода в Париже о. Дионисий Шамбо, представители Митрополита Евлогия Архиепископа Владимир (Тихоницкий) и два священника, и Центральное правление Союза советских патриотов, в который объединились участники русской секции французского движения Сопротивления.

Остается несколько минут до пяти часов, когда должна прибыть делегация Московской Патриархии. В ясном солнечном небе взблескивает серебристая точка, стремительно приближается, принимает крестообразное очертание самолета. Он совершает круг, идет на посадку и с хронометрической точностью приземляется в указанном месте. Откидывается дверца, и над ступенями передвижной лестницы показывается величавая фигура Митрополита Николая. Его сопровождают два московских протоиерея о. Павел Цветков и о. Петр Филонов. В лице Владыки Николая ни следа усталости, оно светло, взволнованно, озарено доброй приветливой улыбкой. Встреча, представления, короткие приветствия, посадка в посольские автомобили, — и торжественный кортеж направляется к городу, а там непосредственно в основной храм патриарших приходов — Трехсвятительское подворье.

Rue Peté!l, на которой стоит небольшой «катакомбный» храм, переделанный из подземного автомобильного гаража, находится в скромном рабочем районе Парижа. Весть о прибытии высокого иерарха Русской Церкви мгновенно облетает весь квартал, вид нарядных автомобилей, множество французских и иностранных журналистов, фотокорреспондентов, кинооператоров привлекают всеобщее внимание, улица и прилегающие к ней заполняются местными жителями, распахиваются окна соседних домов, люди высыпают на балконы и крыши.

Лестница вглубь храма усыпана живыми цветами. Радостно звонят колокола внутренней звонницы. Хор стройно, звучно исполняет архиерейскую встречу. Благочинный встречает Митрополита Николая глубоким поклоном и взволнованным словом о суровой долголетней тоске верующих русских людей по родной земле и ее храмам и о несказанной радости встречи с Посланником Церкви и Родины. Полно горячего сочувствия и живой любви ответное обращение Владыки Николая к духовным чадам, в годы соблазнов и шатания и в тяжкие времена пленения оставшимся верными родной Матери-Церкви. «...Не было дня, чтобы мы не помнили о вас, не молились о вас, — говорит Владыка Николай. — Каждая весточка от вас была для нас радостью... Когда мы — там, а вы — здесь страдали от общего врага, то и в это трудное время мы ощущали нашу внутреннюю связь с вами... Если бы я только мог, я бы обнял вас всех сразу, чтобы выразить вам, как вы мне дороги. Свое чувство при встрече с вами я могу сравнить лишь с той радостью, которую испытывает мать, надолго разлученная со своим ребенком, когда, наконец, находит и видит его... Я привез вам привет от Матери-Церкви, от Родины, от родного нашего русского народа...»

Сколько благодарных слез, слез радости, исторгли эти дивные слова человеческого понимания, глубокого сострадания и истинно материнской ласки у людей, задавленных нуждой и бесправием холодной чужбины, измученных тоскою по отчей земле!.. Так началось это великое для всех верующих зарубежных русских людей и счастливейшее десятидневие, получившее, в заключительном своем этапе, наименование «пасхального».

*

* * *

Четверть века в отрыве от Церкви и Родины, двадцать пять томительных лет церковного неустройства, блужданий, ненужных поисков,

ложных домыслов, искаженных представлений, неправильных заключений, суетных расчетов, борьбы самолюбий и сведения личных счетов, творящихся пред алтарем, — и все же за всей этой сумрачной явью в сердце рядового зарубежного русского человека не замолкал тихий голос совести, не меркло тайное сознание своей греховной неправоты, не угасало внутреннее стремление к немеркнущему свету далекой родной Церкви.

Некоторым в свое время могла показаться «легкой» миссия Митрополита Николая. Да, «пасхальным» дням предшествовал долгий, долгий «великий пост», в многолетних тяжелых испытаниях вспахана была нива, созревший плод ждал корзины сборщика. Но мог и бесконечно длиться «великий пост», могла остаться незасеянной нива, мог зачервить плод. И, если по воле Господа, пришли сроки, то исключительно велика заслуга самого Владыки Николая, ибо только он, с его мудрым внутренним спокойствием, живым любвеобильным сердцем, пронизательностью, исключительным тактом, многоопытностью, глубоким знанием всех сторон и движений человеческой души, а, главное, великой гуманностью, мог столь успешно выполнить свою задачу в обстановке чрезвычайно сложной, запутанной, трудной, болезненно напряженной, где любое неосторожное слово, резкое движение, властный жест привели бы к губительным последствиям. Недаром же свидетели и участники этих торжеств говорили о Владыке Николае, что он «пронзил и покориł сердца всех своей неземной любовью».

Сколь плодотворна была длительная, с глазу на глаз, встреча двух митрополитов, Николая и Евлогия, можно судить по тем впечатлениям, которыми последний после этой решающей беседы поделился со своими близкими и которые со слезами отрады на глазах начал излагать словами: «Ныне отпускаеши...» Он сказал, что сбываются самые заветные его чаяния и завершается главная задача его жизни, — возжженные им на чужбине восемьдесят свечей донес он «до великого свещника, на котором уже никакие ветры их не угасят»... Неожиданным для многих, а по существу весьма последовательным, было обращение к Митрополиту Николаю и представителя «карловчан», Митрополита Серафима (Лукьянова), который просил о воссоединении также и его приходов с Матерью-Церковью.

29 августа в Александро-Невском соборе состоялось по случаю предстоящих событий многочисленное собрание представителей духовенства и старостата. На нем с совершенной очевидностью выяснилось, что преимущественное большинство собравшихся, отражая волю церковного народа, стоит за скорейшее воссоединение с Московской Патриархией. Те же из священнослужителей, кто, прикрываясь софистическими ухищрениями, пытались отклонить или хотя бы отсрочить желанный высокий акт, вызвали справедливое осуждение Митрополита Евлогия, который резко предложил им не нарушать церковную дисциплину, — «не митинговать».

Торжество воссоединения состоялось 2 сентября. ...Утро. Еще далеко до начала богослужения, а уже не только храм, но и обширный церковный двор полны народа. Такого многолюдства не знали эти места, как не совершалось в стенах храма и торжества столь значительного, как предстоящее. Люди толпятся на прилегающей к собору улице Дарю и на соседних с нею. Специальным распоряжением парижской префектуры всякое движение транспорта в районе собора прекращено.

Народ все прибывает. Много французов и иностранцев, сочувствующих событию, весть о котором облетела уже всю парижскую печать. Нетерпение растет. Наконец, торжественный трезвон колоколов извещает об архиерейском входе. Пять епископов Русской Православной Церкви поднимаются на паперть собора: Митрополит Николай, Митрополит Евлогий, Митрополит Серафим, архиепископ Владимир (Тихоницкий) и

епископ Иоанн (Леончуков), настоятель Сергиевского подворья. От амвона до кафедры двумя плотными шеренгами стоит многочисленное черное и белое духовенство парижских и иногородних приходов и с ними — московские гости. Торжественным архиерейским служением начинается Божественная литургия.

Предельно и счастливо взволнованный Митрополит Евлогий обращается с кратким словом к молящимся: «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оный». Великая наша Церковь через Святейшего Патриарха Алексия послала нам своего Благовестника, Высокопреосвященного Митрополита Николая. Рука Матери протянута к нам. Приложимся же к ней, — благостной, указующей, укрепляющей».

Затем, отчетливо слышный в самых отдаленных местах переполненного храма звучит ясный, выразительный проникновенный голос Митрополита Николая: «Отцы, братие и сестры во Христе! Священно-исторический, великий день празднует сегодня Русская Православная Церковь.

Накануне голгофских Своих страданий Господь наш Иисус Христос в первосвященнической Своей молитве просил Своего Небесного Отца «да вси едино будут» и, если мы не сохраняем церковного единства, то ставим себя вне воздействий этой священной молитвы Господа нашего... Как страшно разрывать единство Церкви! И какое счастье принадлежать к ней в ее единстве! Как не может быть рождения без матери, не может быть и рождения души вне Церкви. Нетленна и божественна пища из Чаши Христовой... Будем же отныне продолжать свой земной путь в сладчайших объятиях Спасителя нашего, будем жить радостью единой церковной семьей!»

Долгая, многочасовая служба закончилась. Высокие возглавители торжества удаляются в «митрополичьи покои» — скромный двухэтажный домик в церковном дворе. Но народ не расходится. Многотысячная толпа молчаливо стоит во дворе, повернувшись лицом к флигелю, устремив взоры к окнам второго этажа, где идет трапеза. Людям оказалось как бы недостаточной той радости, которую дало им лицезрение Московского Святителя, его служение, его ласковые слова, его светлая добрая улыбка... Время идет, люди стоят неподвижно, в безмолвии.

Вот что рассказывал потом Владыка Николай об этом необычном событии: «Я сидел за столом в странном томлении. Я видел этих людей и чувствовал, что их сердца обращены ко мне. Некая сила властнее моей воли влекла меня к ним. Наконец, я встал, подошел к окну с намерением благословить стоявших внизу, случайно толкнул ветхую, по видимому, давно не отворявшуюся раму, и вдруг она распахнулась. Я был взволнован, совсем не готов к этой новой и неожиданной встрече, я не знал, что я буду говорить, но чувствовал, что я должен что-то сказать. И слова пошли сами, — простые, лишенные торжественности, самые естественные, когда они идут от сердца, слова»...

Вот эти слова, записанные теми, кто боялся пропустить хоть одно из них: — «Дорогие вы мои, русские, дети вы мои милые, я передал благословение от родной нашей Церкви и от Святейшего Патриарха всем здесь, за границей, живущим православным. Привез я вам и поклон от родной земли... Большое счастье выпало на мою долю — быть посланником родной Церкви. Я полюбил вас, мне жаль расставаться с вами, покидать вас... Милые мои, родные! Благословляю, обнимаю и целую каждого из вас. Я верю, что скоро мы будем вместе молиться на родной земле. Вот сегодня я видел, как здесь целовались люди, точно в Светлый праздник. Пусть же и будет сегодняшний день днем обновления, днем воскресения в новую жизнь. Пусть будет незабываемый и святой этот день нашей Пасхой! Родные мои, Христос Воскресел!»

И тогда огромная толпа людей в счастливых слезах опустила на колени и по всему двору прокатилось ликующее, тысячегласное «Войстину Воскресел!»

* * *

Уже получив полную уверенность в благополучном завершении его «дела жизни», — воссоединения западно-европейских приходов с Московской Патриархией, передачи в верные материнские руки своего обширного наследства, Митрополит Евлогий разрешил себе подумать и о своей личной судьбе. Еще на приеме у Советского посла 12 марта 1945 года он сказал, что ему добраться бы «до родной сторонushки, поклониться дорогим святыням русским, а там куда-нибудь в дальний бедный монастырек. Там и кости свои старые сложить. Ноют они у меня, давно ноют, тоскуют, просятся домой...»

В здоровом уме и твердой памяти произносил Митрополит Евлогий свою знаменательную речь о патриотизме и долге верующего человека, еще за полгода до победы над врагом Родины и Церкви. С возрожденными силами взялся он за осуществление поставленной перед собою задачи, мужественно преодолевая все преграды. Не понуждаемый никем, повинаясь лишь голосу своей архипастырской совести, искал он путей к сближению с Матерью-Церковью и в сознании совершенной ответственности за свой шаг, в состоянии бодрости, уверенности и спокойствия передавал Советскому послу свое обращение к Местоблюстителю Патриаршего Престола Митрополиту Алексию. Властно прозвучал его голос, призвавший к порядку нарушителей церковной дисциплины на Пастырском собрании 29 августа 1945 года. Полны радости, воли и мудрости были его слова на великом торжестве воссоединения. Крепок его почерк и на сохранившейся рукописи его последнего Пасхального послания к пастве через печать, и на его портрете, который отправил он Святейшему Патриарху Алексию. И когда по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1945 года зарубежные русские люди обрели право стать советскими гражданами и в связи с этим Указом Советское посольство в Париже выдало советские паспорта прежде всего тем, кто показал верность своей Родине в тяжкие годы фашистской оккупации, — советский паспорт за номером первым получил Митрополит Евлогий.

Вернувший свою паству на правый путь, сам он, увы, не дожид до осуществления заветной последней своей мечты «сложить кости» на родной земле. 8 августа Владыка Евлогий тихо отошел ко Господу. Его последней волей, его заветом были слова верности Матери-Церкви: «Господь Сам соединит то, что было объединено, а я помолюсь о том, чтобы объединенное было соединено. Не разделим единение Отца, Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь»¹.

Заупокойную литургию и отпевание в Александро-Невском соборе, а затем погребение на русском кладбище в С.-Женевьев де Буа, близ Парижа, совершали прибывшие из Москвы иерархи: Высокопреосвященный Григорий, Митрополит Ленинградский и Новгородский, и ныне покойный архиепископ Фотий в сослужении с четырьмя местными архиереями, возглавлявшимися Митрополитом Серафимом, и многочисленным сонмом духовенства, при огромном стечении молящихся, пришедших отдать свой последний долг архипастырю, который столько лет делил с ними их горькую долю, а отходя к Отцу Небесному, указал им верный, спасительный путь земной.

* * *

Не успели отзвучать погребальные песнопения по скончавшемся возглавителе церковного зарубежья, как у свежей его могилы снова вспых-

¹ Из записи предсмертных слов Митрополита Евлогия, сделанной монахиней Феодосией в присутствии ухаживавшей за ним медицинской сестры А. Е. Паршевой.

нул раскол. Раздались голоса, что в последние годы Владыка Евлогий был «немощен», что он «впал в соблазн». На поверхность вновь замутившихся вод всплыло некое «завещание» Митрополита Евлогия, в котором он назначал своим «преемником» архиепископа Владимира. Ясно вообще, что такое «завещание» неканонично. И если подобный «документ» еще мог иметь какие-то основания в прежние времена отрыва, духовного «одиночества», то теперь, с восстановлением церковной иерархии, он стал незаконным, беспредметным, не имеющим ни смысла, ни силы.

Многочисленны причины возродившейся смуты. Тут и слабость, и малодушие подвластного посторонним влияниям архиепископа Владимира, и отсутствие сознания канонической ответственности у некоторых церковных иерархов, и внутренняя расхлябанность, порожденная длительными годами безначалия, и борьба за интересы, ничего общего не имеющие с церковными, и тщеславная жажда властолюбия у зачинщиков смуты, и сектантская нетерпимость ко всему «московскому», которую издавна культивируют среди зарубежных русских людей враги нашей Церкви и Родины, и даже позиция Константинопольского патриарха, под покровительство которого вновь отошел архиепископ Владимир, пожалованный саном Митрополита.

Но раскол уже был далек от своих прежних размеров. Рядом с суетной средой ревнителей прошлого особенно ясной представлялась истинность нового пути,— пути законности и благодати. Его закреплению способствовали и внешние обстоятельства,— тысячи русских людей возвратились с чужбины на Родину, и среди них значительное число священнослужителей. Попавшие как бы из малого озера в океанские воды, обретшие возможность исповедовать Слово Божие по всем огромным просторам отеческой земли, среди благочестивого родного народа, в омоленных веками храмах, они сохраняют связь со своими бывшими духовными чадами и поддерживают в них бодрость, высоту церковного сознания и верность родной Церкви. Не прекращалось и не прекращается и живое, непосредственное общение между западноевропейским Экзархатом и Матерью-Церковью. Для закрепления этих связей много сделал упоминавшийся выше приезд во Францию архиепископа Фотия. Служения, проповеди, обращения высокого представителя Московской Патриархии в парижских храмах, личные его беседы с прихожанами, а затем поездка архиепископа Фотия по французской провинции, где он посетил приходы целого ряда городов, нашли самый широкий, плодотворный и признательный отклик среди зарубежных верующих. Той же цели способствовала поездка в Москву, по приглашению Святейшего Патриарха, в феврале 1947 года церковной делегации во главе с Митрополитом Серафимом, члены которой по возвращении во Францию сделали много докладов о своих впечатлениях от поездки на Родину и о положении родной Церкви. Материалы эти были опубликованы в местной печати. Общение продолжало осуществляться и в последующие годы. В июле 1948 года на праздновании 500-летия автокефалии Русской Церкви и приуроченном к нему Московском Совещании Глав и Представителей автокефальных православных церквей среди съехавшихся из многих стран зарубежных гостей была также и делегация от западноевропейского Экзархата во главе с Митрополитом Серафимом. В это же время состоялось вторичное продолжительное посещение Парижа архиепископом Фотием. В апреле 1949 года в Париж снова прибыл Митрополит Николай. Свое участие в Первом Всемирном Конгрессе Мира он совместил со служением в русских храмах. Время работ Конгресса совпало со Страстной и Пасхальной седмицами, и зарубежные русские люди получили высокую отраду молиться вместе с любимым Владыкой в эти великие дни и вспоминать свою первую встречу с ним и то «Пасхальное десятидневие», которое очистило от камней преткновения путь духовной их жизни.

* * *

После воссоединения многочисленные приходы Митрополита Евлогия были преобразованы в западноевропейский Экзархат Московской Патриархии, а сам он был назначен Экзархом. С его блаженной кончиной пост экзарха был вверен Митрополиту Серафиму. Когда, в ноябре 1949 года, Митрополит Серафим по состоянию здоровья ушел на покой, управление Западноевропейским Экзархатом было возложено сначала на архиепископа Фотия, который в силу обстоятельств чисто внешнего характера не мог прибыть в Париж, а затем на архиепископа Берлинского и Германского Бориса. Не имея возможности по тем же обстоятельствам посещать Париж, Высокопреосвященный Борис осуществлял управление патриаршими приходами во Франции через посредство созданного там Экзаршего совета, вызывая его членов и других представителей тамошнего духовенства к себе, в Берлин, совершая хиротонии, пострижения в монашество, давая необходимые указания и способствуя упорядочению дел Экзархата.

17 декабря 1953 года в жизни Экзархата произошло значительное событие. Председатель Экзаршего совета, настоятель Трехсвятительского подворья в Париже, архимандрит Николай (Еремин) был хиротонисан во епископа Клишисского, Экзаршего викария.

Назначенный в декабре прошлого года экзархом Московской Патриархии в Северной и Южной Америке, архиепископ Борис нашел себе достойного преемника на своем прежнем высоком посту. Возведенный в сан архиепископа, Высокопреосвященный Николай был назначен экзархом Московской Патриархии в Западной Европе, с пребыванием в Париже.

Устраивая свою церковную жизнь на твердом камне веры и канонического послушания Матери-Церкви, Западноевропейский Экзархат плодотворно подвизается на ниве Христовой. Большая семья, спаянная любовью к родной Церкви, как далека она от той внутренней опустошенности, в которой влачат свое ущербное существование раскольники, отрекшиеся от Церкви, в лоне которой они родились!

Разнообразна работа, осуществляемая Экзархатом и обширно поле его деятельности, отнюдь не ограничивающейся благолепием храмов, истовостью служений, соблюдением церковных обрядов пасомыми. Им выпускаются два периодических издания: журнал на русском и французском языках «Вестник Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата», не только отвечающий богословским запросам культурного православного русского человека, но и знакомящий с православной мыслью инославного западного читателя, и «Хроника жизни Русской Православной Церкви в Западной Европе» — информационный бюллетень, сообщающий о событиях из жизни Русской Церкви, главным образом западноевропейской ее ветви. Оба этих печатных органа широко откликаются и на насущную всечеловеческую потребность нашего времени, к которой не может оставаться равнодушной ни одна подлинно религиозная совесть, потребность защиты мира во всем мире. Экзархат строит новые храмы и часовни, готовит кадры духовенства на открывшихся в прошлом году двухгодичных Богословско-пастырских курсах, руководит внешкольным образованием русских детей, обучая их не только Закону Божию, но и языку, истории и географии далекого, неведомого им их Отечества, в духе любви к которому воспитываются они их отцами. Экзархат проявляет также неустанную заботу о русских больных, находящихся во французских госпиталях, об инвалидах, сиротах, безработных, престарелых и осуществляет много других полезных, добрых, богоугодных дел.

Отмечая десятую годовщину воссоединения с Матерью-Церковью временно отпавших от нее духовных чад и оглядываясь на пройденный Западноевропейским Экзархатом путь следования канонической верности и послушания Московской Патриархии, нужно признать, что талант, врученный ему, не пропал втуне, а, Господу споспешествуя, был умножен. Преодолев и преодолевая все трудности, соблазны и препятствия, вытекающие из особенностей пребывания в чужой стране, Экзархат успешно осуществляет во славу Вселенской Православной Церкви возложенную на него Матерью Русской Церковью высокую и ответственную миссию.

Р. Днепров,
Н. Полторацкий

ИНОСТРАННЫЕ ГОСТИ В МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

14 июля сего года Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай присутствовал на приеме, устроенном Чрезвычайным и Полномочным Послом Франции в СССР Луи Жоксом по случаю Национального праздника.

*
* *
*

15 июля сего года Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай принял находившегося в Москве англиканского священника Гловера (церковь св. Матфея в Мельбурне, Австралия) и беседовал с ним о положении религии в СССР.

*
* *
*

29 июля сего года Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай принял Генерального секретаря Комитета борьбы за мир Методистской Церкви США и члена Национального Совета христианских церквей в США д-ра Чарлза Фр. Босса, который говорил о миролюбии американского народа и об участии христианских церквей США в борьбе за мир. Интересуясь деятельностью Русской Православной Церкви в этой области, он заявил о желательности взаимного обмена делегациями между христианскими церквями США и Советского Союза.

ИЕРОМОНАХ СИЛУАН

ОБРАЗ ЕДИНСТВА И ПРИНЦИП ПЕРВЕНСТВА В ЦЕРКВИ (АП. ПЕТР И «КЛЮЧИ ЦАРСТВА» — КЛЮЧИ ПОКАЯНИЯ).

«ВЕСТНИК РУССКОГО ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ПАТРИАРШЕГО ЭКЗАРХАТА»,
№ 21, 1955, стр. 57—75.

Подобно предыдущим номерам «Вестника Русского Западноевропейского Патриаршего экзархата», в которых нередко помещались статьи, посвященные раскрытию православного учения о Церкви, и в настоящем номере, первом за текущий год, напечатана на ту же тему статья иеромонаха Силуана «Образ единства и принцип первенства в Церкви». Хотя статья написана в связи с 900-летием отпадения Римской Церкви от церковного единства, автор не имел намерения исследовать «исторические факты и человеческие факторы этого печального события» (стр. 59). Он хотел только указать «те пункты, в которых выразилось и закрепилось, как догматическое, расхождение духовного восприятия и структуры православных церквей и Римско-католической Церкви» (там же). Поэтому наибольшее внимание уделяется автором изложению истинного понимания соборности Церкви, как ее существенного признака, и отхода от этого понимания Римской Церкви, которая «стала и жизнь свою строить на началах мира сего» (стр. 58). Впрочем, при раскрытии понятия соборности Церкви автор немного вносит нового, широко цитируя статьи по тому же вопросу других авторов, напечатанные в прежних номерах «Вестника» (все цитаты занимают около 6 страниц, то есть приблизительно треть статьи).

Оригинальным и чрезвычайно ценным вкладом автора в рассматриваемую им проблему является раскрытие подхода к ней с нравственно-аскетической точки зрения, о чем в свое время в общей форме особенно настаивал А. С. Хомяков. Автор указывает на то, что «источник всякой ошибки коренится в грехе человека», а потому и «ключ познания истины во всяком вопросе точно также таится... в глубинах христианской жизни и совести, в покаянном очищении сердца своего человека, получающем от Бога дар различения духов» (стр. 61). Вот почему в покаянии заключается «суть всего дела земной жизни Спасителя, Его первое в мире и последнее слово: «Иисус начал проповедывать и говорить: Покайтесь; ибо приблизилось Царство Небесное (Мф. 4, 17), — Так написано и так надлежало пострадать Христу и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах» (Лк. 24, 46—47) (там же). «Не об этих ли ключах покаяния, «ключах царства небесного» (Мф. 16, 19), которое «внутри нас» (Лк. 17, 21), а потому — ключах и душ человеческих, говорит Господь апостолу Петру, а после и всем прочим апостолам (Мф. 18, 18), давая им благодатную «власть вязать и решить» людские грехи (ср. Иоан. 20, 23), то есть дар и силу входить в сердечную дверь, узнавать состояние данной души и, судя по ее ответному действию, оставлять ее в том же, или, напротив, прощать, очищая ее от греха, выводя к свету единого Бога?» (стр. 62).

В связи с такой установкой автором оценивается и вопрос о «первенстве» в Церкви. Этим первенством отнюдь не может быть выделение и изъятие какого бы то ни было первоиерарха из общего евангельского закона познания только ради его административного положения, вне очищения сердца общим путем покаяния и вне органического единства и согласия со всею Церковью. Исходя из этого, автор считает, что «принцип первенства в Церкви есть только образ единства, а не власти, не господства над братьями, ни в области веры, ни в церковно-общественной жизни» (стр. 66). Пример этому дан Самим Господом, умывшим ноги Своим ученикам и заповедавшим им, «чтобы сохраняли любовь, как образ единства, и взаимно служили друг другу; и из этого завета Он не исключил нисколько ни область познания, ни дар учительства и выражения в слове истин, им преданных» (стр. 67). «Конечно, все члены могут свободно подчиниться одному для общего блага, но это подчинение всех одному зависит от общего решения и возможно постольку, поскольку оно выражает единство мысли, — да не преступаются правила отцов, да не вкрадывается, под видом священнодействия, надменность власти мир-

ской, и да не утратим по-малому неприметно той свободы, которую даровал нам Кровию Своею Господь наш Иисус Христос, Освободитель всех человеков, — как предостерегал еще Третий Вселенский Собор» (стр. 73).

Обращаясь к личности святого апостола Петра, автор указывает, что в его поведении, — «каким мы его видим и знаем из соборных посланий его, посланий апостола Павла и книги Деяний апостольских», — нет ничего, что указывало бы «на сознание им своей власти над всею Церковью и над всеми царствами мира сего» (стр. 74). Святые первоверховные апостолы Петр и Павел «стоят перед нами как пример личного первенства в Церкви, как образ единства в духе Христовом, образ апостольства, образ любви и до смерти от себя отречения за други своя во Христе» (там же). Однако эти апостолы «являют не только принцип первенства как образ единства в Церкви, не только образ святости и избрания личного и пример единого духа Христова, но прежде всего образ покаяния согрешающих, пример для обращения грешников к Богу, образ их исправления, перерождения, восстания падающих силою Божиею, образ того, через что единственно, спасая человека, Бог соединяет его с Собою и со всеми святыми в Теле Церкви Своей» (стр. 75). Ибо, как говорится в стихире на малой вечерне службы 29 июня, «дал Ты, (Господи), как образ обращения согрешающим обоих апостолов Твоих: этого, — как отвергшегося Тебя во время страдания, и покающегося; того же, — как проповеди Твоей сопротивляющегося, и веровавшего; и обоих (дал Ты) собору первостоящих друзей Твоих, Иисусе Всесильный, Спаситель душ наших» (стр. 74).

Свою статью иеромонах Силуан заканчивает словами Святейшего Патриарха Алексия на открытии Совещания Православных церквей в 1948 году: «Да просветит Господь мысленные очи Римского первосвященства, и да возымет оно в себе, при помощи Божией, силу духа, чтобы отказаться от честолюбивого стремления утвердить земное главенство свое среди всех апостольских преемников!» К этим словам автор добавляет от себя: «Не только главенство и господство, но и чудовищную непогрешимость свою в учении веры, изъятую из закона покаяния, закона любви, как общего закона спасения грешников и соединения всех, ради которого воплотился Бог» (стр. 75).

А. Ведерников

Издатель:
МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

Редактор:
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Отв. Секретарь Редакции **А. В. Ведерников**

Адрес Редакции «Журнала Московской Патриархии»: Москва, Г-48, Б. Пироговская, 2
(бывш. Новодевичий монастырь)

